

10.920к. 7

ИВАНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

10

ОГИЗ — ИВГИЗ — 1948

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

окт 07 - всего

З ТМО Т. 1 млн. 1171—79

ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ИВАНОВСКИЙ АЛЬМАНАХ

КНИГА ДЕСЯТАЯ

10.920.к.

94

ОГИЗ
ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1948

-- 2010

52

А. Благога

ХОЗЯЙКА МАШИИ

*Посвящается
Антонине Сивковой*

В этажах на „Дзержинке“
И свет, и простор,
Льется в окна лучей позолота;
По цехам ватера
Завели разговор,
В полный голос запела работа.

Ты — хозяйка машин,
Ты трудом дорожишь:
Веретена не знают простоя;
Ты в намеченный срок
По маршруту спешишь,
Что заране обдуман тобою.

Много пряжи отличной
Ткачам ты даешь —
Все довольны твоею основой:
Будет прочен миткаль,
Будет ситец хорош —
Голубой, серебристый, пунцовый.

И зовет, и волнует
Работа твоя,
Покоряют ритмичные звуки.
И мелькают в глазах
Белой пряжи струя
И твои расторопные руки.

К достижениям идешь
Ты надежным путем.
Знамя первенства удержишь высоко.
Сколько воли и силы
В стремленьи твоём —
Пятилетку закончить до срока!

Нынче имя твое
Всем известно вокруг.
И вперед ты глядишь без тревоги.
И немало отважных
Друзей и подруг
По твоей устремились дороге!

ЛЕСОРУБЫ

Дымом еще не кудрявились трубы,
Перед рассветом сильнее мороз.
Едут на дело свое лесорубы —
Силу отборную выслал колхоз.

В лес они прибыли во всеоружьи.
Льется по лесу стальной разговор:
Острые пилы работают дружно,
В крепких руках не задремлет топор.

Дров кубометры белеют, как соты,
Бревна звенят на морозе. А там —
Новой дорогой легли повороты
По непроезжим забытым местам.

До большака протянулись обозы,
До берегов еще тихой реки
С кладью торопятся тяжеловозы,
Мощные тракторы, грузовики.

Славную вахту несут лесорубы!
Пусть не остынут порывы труда...
Вырастут заново школы и клубы,
Села раздвинутся и города.

Лес — красота и богатство отчизны,
Непобедимой отчизны моей!
Всюду ты нужен для счастья, для жизни
Самых свободных на свете людей!

Дм. Семеновский

В ГРОЗУ

Кто не слышал о Медведевой Дуне?
Это она скот колхозный спасла.
Душной и жаркой ночью в июне
Дуня табун за деревней пасла.

Где-то гремело. Гроза надвигалась.
Тьма трепетала от дальних огней.
Вспышками их все кругом озарялось:
Лошади, речка, деревья над ней,

Скотный бревенчатый двор у дороги
И на высоком столбе у ворот
Колокол, вестник внезапной тревоги,
Как на диковинном дереве плод.

Ни петушиного пенья, ни лая
Не доносила полночная мгла.
После дневного труда отдыхая,
Крепко деревня спала.

Лишь у реки на лугу, на просторе,
Кони щипали траву, да она,
Конюх колхозный, с усталостью споря,
В даль грозовую смотрела без сна.

Странное что-то в природе творилось:
Ночь затаила дыханье. Нигде
Лист не дрожал и трава не клонилась,
Рябь не бежала по тихой воде.

Вдруг потянуло прохладой. Несмело
Ветер повеял на воду, на куст.
Сразу все ожило, все зашумело,
Заговорило, как тысяча уст.

Новый порыв. Ветер будто взбесился,
Легкий платочек с волос так и рвал.

В грозном молчанье по небу катился
Черно-свинцовый дымящийся вал.

Что-то кипело, клубилось под тучей.
Миг — и она загорелась огнем.
От ослепительной молнии жгучей
Небо с землей осветились, как днем.

Ой, огневая стрела громовая,
Лучше бы в воду ударила ты!
Руки раскинувши, как неживая,
Дуня упала лицом на цветы.

Хлынувший дождик вернул ей сознание.
Сквозь замирающий в облаке гром
Слышала Дуня мычанье, блеянье,
Видела пламя над скотным двором.

Он запылал, как свеча восковая,
Как придорожный костер на ветру.
Ой, огневая стрела грозовая,
Что ты в сыром не упала бору?

Зычно, тревожно скотина ревела,
Будто мычаньем на помощь звала.
Ветром бы Дуня к ней полетела —
На ноги резвые встать не могла.

Страшно, так страшно сделалось Дуне:
Видно, беда не приходит одна.
Заперто стадо. Сама накануне
Крепко ворота закрыла она.

Стиснула зубы. Ползком потащилась
В горку, к пожару, по мокрой траве.
Бешено сердце в груди колотилось,
Мо лот пудовый ковал в голове.

Столб обхватив, до веревки достала, —
И над полями, над крышами хат
Резким рыдающим криком металла
Заголосил торопливый набат.

Но не гудела шагами дорога.
Снова и снова набат голосил.
„Эх, опоздает мирская подмога!“ —
Дуне отчаянье придало сил.

Сбила засов, широко распахнула
Обе воротины. Знойная мгла
Горечью дыма душно пахнула,
Жаром сухим ей лицо обожгла.

Страшно ей было, трудно ей было.
В ноги как будто вливался свинец.
В стойла входила, телят выводила
И выгоняла пугливых овец.

С ревом теснились в воротах коровы,
Зыбко качаясь на слабых ногах.
Жаркого пламени отблеск багровый
Влажно дрожал в их безумных глазах.

Двор опустел. Только сбруя осталась.
Сбруя нужна и быку и коню.
Вновь, пересидив боль и усталость,
Дуня кидалась навстречу огню.

Дуги, седелки она выносила,
Вожжи, уздечки, покуда её
Снова совсем не оставила сила,
Не осенило крылом забытьё.

Видела Дуня, падая на луг:
Рухнула крыша, и в темную высь
Бросилась стая огненных галок,
Красные пчелы роями взвились.

Много народу на звон набежало.
Двор всё горел. На зеленом лугу
Бледная, бледная Дуня лежала,
Крепко обняв расписную дугу.

Тонкие брови огнем опалило.
Руки в ожогах. Закрыты глаза.
Рядом спасенное стадо бродило.
Вдаль уходила ночная гроза.

То ли шумела трава луговая,
То ли гудела людская молва,—
Слышалось Дуне: „Беда-то какая!
Дышит ли, бедная?“ — „Дышит, жива“.

Слышалось Дуне: „Спасибо, Дуняша!
Ты отвела от колхоза беду.
Ты — наша гордость, слава ты наша,
Встала с героями ты наряду“.

СЛОВО

Он „Песнь о Буревестнике“ пропел.
Ей откликались дальние набаты.
Ей громовые вторили раскаты.
Страна проснулась для великих дел.

Промчались годы. В бой за торжество
Добра и правды шел народ — и снова
В сердцах звучало горьковское слово:
— Враг не сдаётся — уничтожь его!

Но вот настали созиданья дни.
Как нужны нам и на лесах постройки
Его призывов вдохновенных строки!
На новый подвиг нас ведут они.

Вперед и выше нас они зовут,
Проникнуты большим и жарким чувством.
Он говорил, что если любишь труд,
То этот труд становится искусством.

В его созданных светят и горят
Эпохи нашей зори молодые.
Его слова и образы живые
Грядущее творят!

ДОМА

После зимы московской,
После её тревог
Ехал в Заволжье Островский,
В тихий лесной уголок.

Волги размах могучий
И кинешемский откос,
Сосны, овраги, кручи, —
Он их любил до слез.

Всё здесь его вдохновляло:
Волга и лес, и гроза,
И под узорным платочком
Чьи-то большие глаза.

И за картиной картину
Быстро чертила мечта.

Снилась ему Катерина,
Женской души красота.

Волны на берег взбегали.
Видел он там, под водой,
Строго сведенные брови,
Мраморный лик молодой.

Дороги людям стали
Тихие эти места.
Манят нас синие дали,
Реки, лесов темнота,

Нива с каймой васильковой,
Чистый хрусталь ключевой
И на горе, Щельково —
Сказочный парк вековой.

Грезится липам и кленам
В пору весеннюю: вот
Вновь под навесом зеленым
Он по аллее идет.

Вея душистой прохладой,
Листья под ветром шумят,
И с наслажденьем, с отрадой
Пьет он земли аромат.

ЗА РЕКОЙ ВЫРЕМШЕЙ *

Повесть

После ужина Алексей Ивонин отдыхал на завалинке. Сынишка приластился к нему, пригрелся и уснул на руках.

Улица давно обезлюдела, в село вошла тишина. Над Любицей и Выремшей закурился лёгкий туман.

Из дома вышла Паша, сняла с головёнки сына отцовскую пилотку:

— Уснул наш Аника-воин. — Любовно, осторожно приняла мальчика на руки, сказала мужу: — Идём домой, а то уснёшь тут.

— Ко мне Тихон должен зайти, жду вот его... Поговорить со мной о чём-то хочет.

— Тогда я крыльцо не стану запираить, — сказала Паша, унося сына.

Тихон Старостин возвращался из правления. Увидев Алексея, он решительно свернул с дороги. Присел рядом, тяжело вздохнул, явно напрашиваясь на разговор, внимание и участие.

— Что ты вздыхаешь? — спросил Алексей.

— На душе тяжело... Складывается всё так, что не знаю, как и быть.

— Расскажи, что у тебя складывается, может, я помочь могу.

— Только ты и можешь помочь. В партию хочу вступить, да опаска берёт: примут ли?

— Почему же тебя могут не принять?

— Да, по-моему, обо мне в селе сложилось мнение, как о мужике неуживчивом... С личной жизнью у меня не ладится... Обо мне нивесть что говорят... Мне давно хочется вместе с тобой свою жизнь обдумать. Я тебе как другу, всё расскажу, а ты прикинь, достоин ли я буду.

...Тихон рос последышем в своей семье. Сёстры были уже выданы, братья отделились и жили своими семьями, в своих домах, когда умер отец. Мать была тихая и скромная, но непреклонная и взыскательная в своей крестьянской хозяйствен-

* Окончание. Начало повести см. „Ивановский альманах“, книга девятая.

ности. Она впрягла последыша в работу со школьного возраста. Под надзором расторопной, всюду поспевающей матери, мальчик томился в поле с утра до вечера. Через несколько лет он уже работал вровень с мужиками.

Это было в советское время, но ещё при единоличной жизни

Тихон рос новым, советским крестьянином: читал книги, журналы, выписывал газету; по праздникам одевался по-городскому; ездил подстригаться в парикмахерскую и зачёсывал волосы „взальс“.

Его сверстники, окончив семилетку, уезжали в педагогический и сельскохозяйственный техникумы. Тихона тянуло вслед за друзьями, но на руках у него было крестьянское хозяйство и старая мать. Уедет он, мать уйдёт, переселится к дочери или сыну; дом его отца, деда, прадеда развалится, земля зарастёт бурьяном. Что печальнее этой картины? Юный мужик остался в избяной, полевой тишине.

Мать была без меры работающая, чистоплотная, совестливая старушка. Она никогда не бранилась с соседками, не судачила на улице. В доме соблюдала простую чистоту. В избе пахло сухими травами, вкусным варевом и печевом. Она умела сделать стол изобильным соответственно времени года: весной и летом — ватрушки, оладьи, молоко, сметана; под осень — грибы варёные, жареные, солёные; осенью — картофельники, тыквенники, морковники, пироги; зимой — хлебы простые, заварные, сладкие, крендели, коржики.

В избе Тихон устроил себе уголок с письменным столом, книжной этажеркой, с портретами великих писателей.

Когда он читал, а по выражению матери „занимался“, она ходила по избе тихо, делала всё неслышно, чтобы не мешать сыну. В тишине чистой избы изредка только слышались ласковые оклики:

— Тиша... Тиша-а...

И казалось, что мать зовёт тишину и в без того тихую избу.

Чутким сердцем, зорким глазом она увидела в пареньке нового деревенского юношу и не могла нарадоваться на него. Мать понимала, что не она, а советская власть, обновленная обстановка жизни незаметно воспитывали сына.

С тяжестью в сердце старушка часто припоминала, как в прежнее время проводила молодость её старшие сыновья. Они пили водку, орали под гармонь непристойные частушки, буйнили, дрались. Им нечем было увлечься, и они растрчивали молодость в буйных гулянках и драках.

Младший сын был полной противоположностью старшим. Он рос совсем иным. Ему предложили место избача в родном селе. Кроме постоянно свежих газет и журналов, в избе-читальне было порядочно книг. В течение нескольких лет он перечитал и передумал столько, что мог поспорить в знаниях со своими сверстниками из техникумов.

Работа в избе-читальне, в поле, чтение заполняли его дни до краёв, поглощали всю энергию; время летело незаметно, и он, казалось, забыл о своей роли сельского парня.

Только в двадцать лет он отдал первую дань любви, но „споткнулся на щепке и разбил себе нос“, как шутили в селе.

Первая любовь пришла в холодную январскую ночь, в дни зимних каникул. Молодёжь, учившаяся в городе, отдыхала дома, и потому в избе-читальне каждый вечер устраивались спектакли, концерты, танцевальные вечера.

Собираясь однажды после спектакля домой, он заметил девушку лет семнадцати с продолговатым лицом, упругими румяными щёчками и бойкими карими глазами. Иссиня чёрные волосы и смуглая кожа делали её похожей на девушку с востока.

В общем она показалась Тихону Старостину необыкновенной.

„Почему она тут вертится до часу ночи?— спросил он себя и сам себе ответил:— По глупости наверное.“

Вгляделся в неё — свежую, остроглазую, наивную и спросил тоном взрослого, разговаривающего с ребёнком:

— Чья ты будешь? Приезжая что ли? Первый раз вижу...

— Фельдшера.

Минувшей осенью в Думино приехал новый фельдшер. Его самого Тихон видел, а семьи не знал ещё.

— Где учишься?

— В педагогическом.

— На каком курсе?

— На втором.

— О-о, ты уже в годах!..

Тихон медлил уходить. Спросил, где жили до переезда в Думино, хорошо ли там было. Потом поднялся из-за стола и сказал снисходительно и властно:

— Идём, я тебя домой отведу, а то одну по дороге волки съедят, гуляешь до вторых петухов...

Тихон запер избу-читальню, вышел на улицу. Девушка пошла о бок с ним. В помещении она показалась ему небольшой, а здесь выглядела высокой.

Думино давно легло спать. Ни огонька, ни звука.

Тускло блестели луна и звёзды. По селу тянулась тяжелая мгла сырого мороза.

Воротник, берет, брови и ресницы девушки заиндевели, щёки пылко разрумянились. Она сейчас показалась ему ещё красивей, и Тихон начинал терять своё обычное спокойствие, но всё ещё продолжал обращаться с ней свысока:

— Как тебя зовут?

— Ира.

— Полное-то имя как?

— Ираида.

Он говорил с ней насмешливо и назидательно, но девушка не обижалась, она только улыбалась, как загулявшийся озорной и веселый малыш.

Роша около сельской больницы так заиндевелила, что напоминала белое облако. Ира остановилась на опушке, не собираясь спешить домой. Постояли, поговорили. Потом опять двинулись и долго бродили по глубоким тропинкам в роше, говорили о селе, о спектаклях, техникуме, обо всем несложном и близком юным сердцам. Наконец, высказали, кажется, все, что на первый раз пришло на память, замолчали и остановились.

— Спать хочешь идти? — теперь уже нежно спросил Тихон.

Девушка утвердительно качнула головой.

— Озябла?

— Не-ет...

Тихон пощупал рукав ее пальто:

— Чего нет... Пальтишко-то, как говорят у нас в селе, на рубьем меху и ветром подбито, тепло-то в нем только один воротничок.

Он потянул ее к себе за рукав. Она податливо приблизилась, вопросительно глянула в глаза острым ясным взглядом.

— Погрейся немножко, — проговорил он, еще ближе привлекая ее к себе.

Девушка покорно и безмолвно приникла к нему. Он нечаянно склонился и поцеловал ее. Ира мягко отстранилась и, не прощаясь, пошла к дому.

„Обиделась“, — подумал Тихон.

Он почувствовал себя неловко и хотел догнать ее или окликнуть и ласковым словом загладить вину, но девушка вдруг обернулась и так весело и приветливо помахала ему рукой, что у парня жарко колыхнулось сердце. Он ушел домой сам не свой.

Долго не мог уснуть, встал рано и весь день ходил с пылающим сердцем. Ждал и никак не мог дожидаться вечера.

Вечером она была в избе-читальне, и он опять провожал теперь уже бесконечно милую ему девушку.

Вскоре Ира уехала.

Из техникума она писала ему, присылала коротенькие, бессодержательные записки, но они радовали его, заставляя трепетно биться сердце.

„Пустовата и наивна, — думал Тихон, — но это от того, что еще молодая. Вот подрастет, выучится и будет прекрасной невестой.“

Он отвечал ей длинными письмами, в которых пускался в рассуждения, приводил изречения великих людей, осторожно подводил к назиданиям, полагая, что этим воспитывает девушку в своем духе.

Каникул он ждал с нетерпением, высчитывая недели и дни, но ее приезды скоро стали приносить не только радости, но и печали.

Заметив, что он любит ее глубоко, Ира охладела к нему. Если раньше она постоянно вертелась около него, то теперь он никак не мог улучшить момента, чтобы поговорить с ней.

После окончания техникума она стала так далека и недоступна, что Тихон не осмеливался даже намекнуть ей о женитьбе.

Ира выросла, стала выше и полнее. В селе все находили ее красивой.

В то лето появился в селе сын лесничего, высокий чернявый человек, лет под тридцать. Он работал где-то в городе, приехал к отцу отдыхать и сразу заметил красавицу. Отдыхая, он удивлял село все новыми и новыми галстуками и тратил много денег „на питание“.

Ира очутилась около модника. Тихона совсем перестала замечать. В селе сочли его любовное дело проигранным:

„Нашему мужичку супротив этого не выстоять.“

Чернявый внес в отношения столько огня, опыта, что быстро и окончательно вскружил девичью голову. Он то ухаживал преданно, как раб, то ревновал, то осыпал насмешками, то очаровывал ласковой нежностью, то вдруг ни с того ни с сего „на зло“ начинал волочиться за молодой акушеркой. Наконец, по селу прошел слух, что Ира выходит замуж за модного и хорошо зарабатывающего Георгия Евгеньича. Вот он только съездит в город, и будет свадьба, а потом увезет Иру с собой.

Прошло некоторое время, Георгий Евгеньич отбыл к месту службы, а Ира осталась его ждать, встревоженная, нетерпеливая. Она еще пока держалась гордо и не теряла надежды, но сельские наблюдательницы, умеющие хорошо переводить все на прозу, намекали, что тут кроется жестокий обман. „Шла бы теперь с повинной к Тихону“, — говорили они.

Августовским вечером возвращаясь с поля, Тихон шел за возом снопов и неожиданно встретил Иру. Она спешила и, занятая своим горем, не заметила Тихона. Обессиленной рукой держала она конверт за уголок и торопилась к вечернему поезду, чтобы опустить письмо прямо в почтовый ящик, письмо, в котором просьба о внимании и верности была слегка затусшевана напоминаниями и упреками.

Заплаканные глаза, красные веки, грустное, осунувшееся лицо запечатлелись в памяти Тихона навсегда. В душе его поднялась страшная злоба на заносчивого, легкомысленного сына лесничего: вот что сделал он с его первой и неповторимой любовью! Отнял и растоптал. Чувства возмущения и жалости столкнулись в его душе, свились во что-то ошутимое, перехватили дыхание. Тихон покачнулся. Перед глазами встала темная стена. Ноги подкосились. Жадно глотая воздух открытым ртом, Тихон опустился на дорогу. Он был крепким парнем, но обида пересилила его.

Лошадь с возом снопов одна пришла в село. Позже вернулся и Тихон, угрюмый, безмолвный, осунувшийся.

Письмо, опущенное в почтовый вагон, осталось без ответа. Ира поникла, как растение, опаленное зноем, похудела, потеряла гордость и уверенность в себе.

Предсказания односельчанок относительно повинной сбылись.

В конце августа, во время спектакля, Тихону передали записку. Писала Ира:

„На воле лунная ночь, тишина, теплынь. Мне хочется идти с тобой далеко-далеко, идти всегда, вечно. Я жду тебя у выхода.“

В эту минуту что-то горячее обожгло его сердце, Тихон встретился и стал продираться к выходу, но тут мстительное чувство, дотоле неизведанное им, более сильное, чем оскорбленная и остывшая любовь, заполонило душу — он с полпути вернулся на место.

Сельчане заглазно осудили его:

„Больно заносчив... Она ведь все-таки учительница, с образованием, а он простой мужичок.“

К первому сентября Ира уехала куда-то в далекую школу учительствовать и с тех пор больше не появлялась в Думине.

В груди Тихона остался, показалось ему, комок спекшейся крови. Стоило ему когда-либо вспомнить Иру, подумать об ушедшей любви, как этот сгусток подкатывался к сердцу, начинал гореть и жечь его.

Через год Тихон сблизился с Фисой Квасниковой.

Она повадилась ходить в избу-читальню днем, когда он обычно находился там один. Наберет журналов и сидит. Вот она прочитала уже несколько журналов, каждую картинку в них раз по пять так и этак рассмотрела; Тихону давно пора обедать, а она еще и не думает уходить. „Какая жажда знаний, какая усидчивость!“ — думает он и не трогается домой, дожидается: не хочет тревожить любознательную девушку.

После обеда только он откроет избу-читальню — Фиса Квасникова опять тут как тут. И опять сидит, читает до позднего вечера.

Стоило однажды Тихону заговорить с ней, она оживилась, повеселела, нескрываясь обрадовалась и завела бесконечный разговор. Она знала все, что делается в ближней и дальней сторонах, сообщила о жизни Иры: она учительствует за сорок верст отсюда, вышла замуж и у нее уже ребенок.

Вскоре Фиса стала близкой собеседницей. Потом они стали назначать встречи. Он отправится на свидание пораньше, придет, а Фиса уже дожидается его, бросится к нему, прильнет, склонит голову ему на плечо и скажет с ласковым упрямством:

— Что ты долго? А я ждала-ждала...

„Девушки обычно приходят на свидания позже, чтобы показать свою гордость, поволновать парня, а Фиса прибежит на полчаса раньше, — думает Тихон. — Какая она простая, милая! Девушка без всяких хитростей.“

Матери что-то не понравилось, когда он сообщил, что женится на Фисе Квасниковой. От природы сдержанная, деликатная, мать не хотела досаждать сыну, расстраивать его. Пусть женится, раз полюбил и сделал выбор. Да и кто ей, старухе, дал право вмешиваться? Она мало знает эту девицу, но хорошо знала ее родителей. Плохие были люди, никто их добрым словом не помянет.

Отец Анфисы, Ермолай Квасников, земли не пахал, но не был ни безземельным, ни бедняком. Шибай, барышник, обманщик, он считал крестьянство делом тяжелым и невыгодным.

Вешней порой он покупал коня, крепкую вместительную телегу и отправлялся в город. Там, на заводе, изготовляющем серпы и косы, нагружал подводу товаром и отправлялся колесить по деревням и селам. Хитрец и краснобай, он умел втридорога продать самый негодный товар. Болтать языком, лгать, нахваливать, клясться, божиться умел он необыкновенно.

„За его языком не поспеешь и босиком, — говорили в селе, — врет с утра до обеда да еще к ужину оставит.“

Расторговавшись серпами и косами, он продавал там лошадь, с полным карманом денег возвращался домой.

По зимам, с дорожным саквояжиком в руке, он забирался в самые отдаленные губернии и уезды и бродил там из деревни в деревню.

Показывая красочный прейскуронт серпов и кос, он из кожи лез, убеждая, что весной за бесценок доставит такую косу, которая „бреет, косит почти сама, только руки разводи“.

Крестьянин, ошарашенный краснобайством, соблазненный дешевой, выбирал себе по прейскуранту косу, платил гривенник, пятиалтынный задатка и получал филькину грамоту, звучно именуемую квитанцией.

Набрав в течение зимы многие тысячи мужицких гривенников и пятиалтынных, Ермолай Квасников, веселый и довольный, возвращался к пасхе домой.

Больше никогда, конечно, он в „обработанную“ местность не заявлялся. В огромной стране тысячам квасниковых хватало глухих уголков и доверчивых людей.

Жена Квасникова — толстая и красивая, ленивая и сонливая баба — ничего не делала. По летам, бывало, сидит у своего дома на лавочке, щелкает семечки, судачит, сплетничает, кричит через всю улицу старухам и бабам, зазывает их к себе посидеть. По зимам целыми днями водится у соседок, хочет, рассказывает; всегда у нее пропасть разговоров, секретов, вестей.

Прибежит домой, отвернёт полкаравая хлеба, наскоро умнёт, сунет по куску ребятишкам и опять скроется.

Дома или спит, или опять же судачит с соседками, с прохожими богомолками. Сядет ушить рубаху, второпях, разговаривая, ахая, смеясь, незаметно воткнёт иголку себе в кофту, потом

схватится — нет её нигде! Истошным голосом закричит на ребят:

— Куда вы, бесы, у меня иголку девали? Ищите сейчас же! Сказывайте, куда утащили?

Начнутся отнекиванья, всхлипыванья, поиски. Иголки нет и нет. Изругает ребят, изобьёт, махаясь, уколет руку и обрадованно скажет:

— Ах, вот она, а я её ищу, ищу...

Начнёт скорее, кое-как ушивать, и, глядишь, делает это уже с довольным лицом, на котором ни малейшего следа раскаяния или сожаления, что зря измочалила ребят.

Кроме хлебов, она ничего не пекла, да и те выходили у нее часто с закалой или с отставшей коркой. Чай заменял в семье и суп и щи.

Сам Ермолай Квасников, отдыхая дома после торговли или ловли гривенников, наливался чаем по пять раз в день.

— Богатеи, а житью их не позавидуешь, — говорили соседи. — Сами ничего вкусного не едали и дети выросли, а пирога или ватрушки на столе не видали. Ни обеда, ни ужина, целый день кусошничают и чай хлещут, никакого порядка.

Вспоминая о покойных супругах Квасниковых, старуха Старостина утешала себя: „Может дочка удалась не в них? Бывает в жизни и так, что дети сами набираются ума.“ Но эта её маленькая надежда не оправдалась.

После женитьбы Тихон увидел, что Фиса совсем не такая, какой она представлялась ему в девушках. Она оказалась ленивой, нечуткой, бесцеремонной. Интересы к чтению у неё, оказывается, нет и никогда не бывало. После замужества книги она и в руки не брала. На письменном столе мужа появились вёдра, горшки, плошки, мочалки; на этажерке висели пелёнки. Портреты со стены стали постепенно исчезать. Тихон находил их потом в чулане, на погребке, в подызбице. В течение целого дня он зачастую не мог выбрать тихой минуты, чтобы сесть за книгу. В избе постоянно толклись подружки жены и болтали с молодой хозяйкой о таких пустяках, что хотелось заткнуть уши и бежать куда глаза глядят.

— Неужели вам охота столько времени молоть о разной пустяковине? — возмущался Тихон.

— А что тебе? — возражала жена. — Мы о своём, ты можешь не слушать, если тебе неинтересно.

Тихая, сдержанная мать молчала, чтобы не вносить разлада и в без того хлипкие отношения молодых супругов. В невестке она не находила ума, не замечала ни одной приятной черты в ее характере.

Осторожно, издали, по деревенскому способу — „кошку бьют, а невестке наветки дают“, она кое-что старалась внушить снохе, но до Анфисы это не доходило, она как бы не замечала намеков старухи.

После смерти свекрови самая чистая в селе изба стала самой грязной. Прежде здесь витал приятный запах чистоты, духовитых трав, вкусной пищи, а теперь непременно пахло чем-нибудь прокисшим или сожжённым.

Анфиса подавала такой суп, что к нему не хотелось прикасаться ложкой. Даже продукты будто стали другими: вода, мясо и капуста в горшке не хотели входить ни в какую связь между собой, и хороших крестьянских щей не получалось.

Тихон удивлялся, раздражался, бранился, показывал, как надо делать, учил, убеждал, упрасивал, но от этого в семье лучше не стало. В подполье была тьма картошки, но на столе её не оказывалось, хозяйка в сотый раз „забывала“ сварить.

— Тебе хочется есть, но не хочется лезть, — говорил Тихон, приносил картошки и варил сам.

Помогая Ефиму Горшкову, Тихон много хлопотал по организации колхоза. Жене его интересы были совершенно чужды, между ними произошёл разлад, он охладел к ней, а она ходила по всему селу и насмешничала:

— Забылся, что женился и пошёл в солому спать.

В колхозе Тихон принял с ней немало стыда. Люди давно уже наработались досыта, а она ещё только в поле собирается. Отнесет ребёнка в ясли и на обратном пути с троими присядет посидеть, с четверными остановится посудачить. А выйдет в поле, ещё того хуже: сама ничего не делает и других разговорами от работы отбивает, сплетнями и пересудами восстанавливает колхозников друг против друга. Всё прощалось ей ради мужа, но Ефим Васильевич не раз говорил Тихону:

— Призови ты к порядку свою половину!

Но как её призовёшь, когда на неё не действовали ни угрозы, ни просьбы, ни укоры. Тихон пожаловался своей замужней сестре Антонине, женщине строгого нрава. Она метнула на него недовольный взгляд и раздраженно спросила:

— А ты раньше ничего не видел, не замечал за ней, не знал, что так будет?

— Откуда я мог знать?! — удивился брат.

— Если сам глядеть не умел, так людей бы спросил. Она вся в свою родную матушку. Покойница, не тем будь помянута, немало почудила на своём веку, вволю посмешила людей и дочке все свои повадки передала. Над твоей женой также теперь смеются, что она от детских яслей до избы полдня идёт, лезет ко всем со своим языком, что с пирогом. Ухватил себе краляу, она те покажет... Надолго потехи хватит.

На фронте он редко получал письма от жены. Чаще писала ему сестра. Она и сообщила, что Анфиса сошлась с другим.

Эта весть не только не потрясла его, но даже мало огорчила. „Этого надо было ждать“, — сказал он себе. Внутренний голос давно подсказывал, что именно так случится, но Старостин не

хотел прислушиваться к нему, боясь ошибиться, опасаясь дурным мнением оскорбить жену. Он всегда старался думать о ней лучше, чем того она заслуживала.

* * *

Старостин вернулся с фронта в сумрачный мартовский день, глянул на свой заколоченный дом и пошёл к сестре и зятю.

Сестра кормила грудью ребёнка и, не поднимаясь навстречу, воскликнула:

— Живой, целый, здоровый!? Вот счастье!.. А твоя благоверная одно время совсем уже похоронила тебя, дом хотела продавать, но мы не дали. И хорошо сделали. Теперь вот вернулся, и у тебя есть свое пристанище.

Муж Валентины — Семен Саввич, колхозный бригадир, пожилой, тихий человек, стоял над ящиками с землей, рассаживал какие-то семена. Он оставил дела, вымыл руки, подошел:

— Тихону Матвейчу!.. С благополучным возвращением! Давай я шинельку повешу!.. Продавать?! Разве можно продавать, — продолжал он разговор, начатый женой. — И не думай, я сказал ей, продавать. К прокурору пойду! И пошел. Прокурор говорит: не имеет права без письменного разрешения мужа... Она всю свою жизнь ищет чего бы продать да промотать...

Семен Саввич принялся ставить самовар. Антонина положила в колыбель ребенка и стала подавать на стол.

— За Щедриковым она распустилась, как маков цвет во всех смыслах, — продолжал Семен Саввич. — К работе у нее охоты не было и нет, а у нее стремление к спекуляции, хлебом не корми, только дай побазарить. Ты с ней больше не связывайся, ты ведь не Щедриков... У тебя душа другая, согласной жизни с ней не установишь; в коллективе жить она не умеет... Щедриков к ней под начал попал, вот у них дело и пошло, она куда хочет, туда и воротит.

— Она к тебе приставать станет, но ты ни-ни, ни отнюдь... Она надеется на твою простоту и мягкость... Когда она сходилась со Щедриковым, ей говорили: а если Тихон вернется, что тогда? А она: сладимся, я живо его умаслю, опять мой будет. Сторонись ее! Ты на фронте ведь был, характер у тебя, наверно, теперь потверже.

Сели пить чай, со свиданием пропустили по две рюмочки... В сенях послышались тяжелые торопливые шаги, дверь в избу широко распахнулась. На пороге появилась широкая, плотная женщина, простоволосая, в легком пальто внакидку. Ее розовому, пышущему здоровьем телу было тесно в старом трапезном платье. Ее масляные карие глаза, небольшие красные сочные губы, ряд крепких зубов — все отливало довольством, сияло весельем и оживлением.

— Я только услышала, скорей пальтишко на плечи да бегом, — радостно и громко говорила она и стучала ногой об но-

гу, обивая снег с валенок. Около ее ног потекли лужи. Антонина покачала головой: не могла на улице валенки обить.

— Анфиса Ермолаевна, а вы у себя дома дверь когда-нибудь закрываете? — недовольно спросил Семен Саввич.

— Когда закрываем, а когда и нет, — смеясь ответила Анфиса, обернувшись и так прихлопнула дверь, что заняли чашки на столе. Ни единой тени смущения не промелькнуло на ее лице. Она прошла к столу, села напротив Тихона и ясным невинным взглядом посмотрела ему прямо в глаза.

Старостин смотрел строго, испытующе, но она легко выдержала его взгляд, только глаза ее замаслились и больше подернулись томной поволокой. „Ох, уж эти глазки с поволокой, ротик с позевотой, — подумал Тихон, — в них никогда не найдешь ни правды, ни искренности.“

Старостин взялся за рюмку, чокнулся с Семеном Саввичем и с ожесточением опрокинул ее в рот.

Анфиса оглядела лицо, раздавленные плечи, широкую грудь Тихона и жарко воскликнула:

— Ка-а-акой дужой ты стал!..

— Не одной тебе толстеть, — ввернула Антонина.

— Я не толстая, я только полная, как вон Тихон Матвеев.

— Похоже ружье на тарантас, — засмеялся Семен Саввич.

Захмелев, он стал резким:

— На тарантас ты, пожалуй, похожа, Анфиса. Несешься, дребезжишь, покачиваешься на кочках и колеях, а куда везет тебя легкий твой разум, не знаешь. Умных людей ты слушать не хочешь: они тебе про Тараса, а ты им полтора ста...

Анфиса принимала колкости Семена Саввича за шутки и сама говорила в полушутливом тоне. Не теряя живости и радостного возбуждения, она тронула Антонину за рукав и кивнула на грудь Тихона:

— Тонь, слышишь?! Так и звенят...

— Не как у твоего Щедрикова. Этот увешен орденами и медалями, а твой грехами. И ловка, и бойка, а прогадала, — уязвила Антонина в том же полушутливом тоне, который невольно установила Анфиса своим оживлением, весельем и умением смущаться.

Тяжеловатые колкости Семена Саввича не задели Анфису; непринужденные слова его жены попали в цель. Женщина сумела уколоть большее мужчины. Анфиса ничего не нашла возразить. Она приняла еще более беспечный вид и откинула с плеч пальто:

— Ух, и жарко же у вас.

— Мы тебя так проберем, что еще жарче станет, — усмехнулся Семен Саввич. — Давно тебе правды в глаза не говорили.

Анфиса пропустила его слова мимо ушей и повелительно обратилась:

— Ладно, хватит, кончайте здесь, пойдете к нам!

— Федор где?— строго спросил Старостин.

— В школе, скоро прибежит... Одевайся, пойдём, там и на Федора наглядисься,— властно, по-свойски сказала она Тихону, метнулась к вешалке, сняла шинель, шапку и подошла к нему.

— Анфиса Ермолаевна, ты шинельку повесь, а сама отправляйся ставить самовар, Тихон Матвееч скоро прибудет в моем сопровождении,— распорядился Семен Саввич.

Анфиса послушно отнесла обратно шинель и шапку:

— Я буду ждать, вы не задерживайтесь.

— Задержимся, так еще раз прибежишь, здесь недалеко, а на ногу ты легкая, твои ножечки, что чайные ложечки, по пуду каждая,— игриво проговорил Семен Саввич.

Анфиса довольно рассмеялась и вышла.

— Не зря говорится, что беспечные с воды толстеют,— сказала Антонина.— Ровно девушка красная явилась, будто ждала да сохла.

„Интересно: что она сегодня думает?“ задал себе вопрос Семен Саввич.

— Видишь — забегает, ластится к Тихону,— ответила ему жена.— Ты, братан, не вздумай ей поддаться! Хватит — помаялся. Поживи пока один, оглядись, а потом наладь свою жизнь, как следует, а не как прежде, когда еще молод да глупенек был. Ты теперь человек заслуженный, тебе не пристало с ней себя позорить. Смотри! А то и на глаза мне не показывайся...

Тихон вышел из-за стола:

— Надо все-таки сходить к ним: нестерпимо хочется сына повидать.

— Ты выпивши не забывайся там, веди себя хорошо,— дала сестра наказ.

— Ничего, пьяный да умный, человек думный,— успокоил ее Семен Саввич.— Я схожу пригласить за ним.

Они вышли на улицу, свернули в переулок к дому Щедрикова. Хозяин встречал их, опираясь руками о перила крыльца, фартово отставив ногу. В его взгляде и осанке было столько напыщенности, что Семен Саввич кивнул на него и усмехнулся:

— Вво! Гроша не стоит, а глядит рублем. Встречать на крыльцо даже выкатился, будто рад-радешенек. Сама, наверно, послала...

— В самом деле,— согласился Тихон.— Воображает, что снес яйцо с двумя желтками.

Прикрывая свою робость чрезмерной почтительностью перед сильным насупленным Старостиным, небольшой, сухощавый Щедриков спустился на несколько ступенек и крепко пожал пришедшим руки:

— Добро пожаловать! Давно ждем.

Он суетливо сунулся вперед, услужливо распахнул крылечную дверь, потом избяную:

В избе было тесновато, грязновато и холодно.

„К приходу гостей и то не убралась,— подумал Семен Саввич,— печку истопила, а тепло упустила, заболталась с кем-нибудь, в избе стужа, волков можно морозить“.

Анфиса держала на руках толстого, пухлого младенца. Он был в одной коротенькой распашонке и тельце его ядрено краснело от холода.

Тихон коснулся ладонью пухлой щеки ребенка:

— Девочка?!

— До-очь, — довольно подтвердила Анфиса.

— Федя не приходил еще?

— Не бывал...

Щедриков, стараясь показаться хлебосольным хозяином, настойчиво угощал, пытался внести оживление, но всех тяготила неловкость, разговор не налаживался. Чтобы смягчить эту неловкость, все много пили. Запьянев, Щедриков отважно подошел к Тихону:

— Вот как хочешь, Тихон Матвееч, суди нас, — вкрадчиво заговорил он. — Я остался вдовой, а она (кивок в сторону Анфисы) никак не думала, что ты останешься жив, война, слышно, была велика... Мы сошлись да и дочь завели... Я не знаю, как теперь быть? Ты, наверно, сердисься и на нее, и на меня, но, если войдешь в положение и здраво рассудишь...

— Я человек спокойный, — перебил его Тихон, — и могу рассудить так... Увидишь ли ты с Анфисой счастье, не знаю, но я с ней его не видал, у нас разные с ней взгляды на жизнь и шибко разные характеры. Ты, видно, лучше с ней споешься; живите, раз сошлись, мешать я вам не буду. Мой сын в вашей жизни станет помехой...

— Он не помешает, — для приличия возразил Щедриков.

— И помешает, и воспитать по-нынешнему вы его не сможете. Я возьму его к себе и буду воспитывать сам! Если хочешь, чтобы все обошлось по-хорошему, не препятствуй и внуши ей, что так нужно!

Они говорили громко. Анфиса могла слышать все до последнего слова. Почему она не отозвалась ни единым звуком? Тихон поднял захмелевшую голову и повел вокруг себя взглядом: хозяйки за столом не было. Семен Саввич понял его взгляд:

— Давно ушвырнулась куда-то: соседкам, поди, понадобилось много всего рассказать, новостей накопила.

— Часу дома не посидит, чистое наказание,— пожаловался Щедриков.

— Она даст тебе ума,— пригрозил Семен Саввич.

— Моего на обоих хватит,— похвалился Щедриков.

— Хватит ли?— усомнился Семен Саввич.— Дней много, а ум-то один.

— Набегается, утихомирится когда-нибудь...

— Долго тебе ждать придется.

В то время над избой Тихона Старостина поднялся дымок.
— Тетя Валя там, — догадался мальчик и опрометью бросился к своей ожившей избе.

— Сестра, видно, у меня порядок наводит, — сказал Тихон.

— Наверно... Ну, а я побегу домой, дети дома одни остались, — заторопился Семен Саввич.

* * *

Обо всем этом и поведал Алексею Ивонину Тихон Старостин. Алексей выслушал его и проговорил:

— Целый роман переживаний у тебя.

— Роман мой... Вернее два романа с плохими концами старозаветного склада. Неудачлив я по любовной части, а неудачливому, говорят, ничем не поможешь.

— Неверно! И неудачливому можно помочь. — Алексей помолчал, потом засмеялся, думая все еще о рассказанном:

— А ловкая эта Фиска!... Прикинулась, говоришь, любительницей чтения?! Сообразила, с какой стороны подойти к тебе!

— Ловкая, — согласился Тихон. Но ловкость-то ее однобокая. Вот опутать кого-нибудь или натравить одного на другого она ловка, а на дело-то ее нет. Дельное ее не интересует, в коллективе она жить не умеет... Теперь вот подросли девушки — полнейшая противоположность ей. Тут есть у нас одна особенная... Не знаю еще пока, люблю ли я ее, но вертится она у меня постоянно в голове. Высокая, темнорусая и гордая, говорит неторопливо, работает неспешно, но умело и упорно. И с очей, и с речей хороша. Подойдет, станет, не двигая ни рукой, ни бровью, улыбнется, все осветит, праздничком подарит...

— Ты уж очень, друг, высоко хватаешь! О Тане Буковой говоришь ведь?

— О ней...

Село спало крепко. Так спит усталый земледелец: без просыпа, без сновидений. Тишина простиралась вокруг беспредельная. Теплый воздух недвижим, но откуда-то в него врываются свежие струи, задевают ветки то на одном дереве, то на другом. Они встрепенутся, как чуткие во сне птицы, прошелестят листвой и опять стихнут. Далеко на берегу Любицы то разгорающимся, то пеплом подергивающимся углем горел костер пастухов. Они пасли в ночном колхозных лошадей. С околицы изредка доходил до слуха дразнящий девичий смех.

— Вот и я так думаю, — медленно заговорил Тихон, поблескивая в темноте огоньком папиросы, — для меня она чересчур большое счастье, о нем и думать не следует! Где уж мне... Нет-акая девушка!.. Таких раньше, кажется, и не было...

— Знаешь что? — перебил его Алексей. — При случае ты расскажи ей все, что сегодня мне рассказывал.

— А для чего?

— Для всего... Если ты надеешься на близость, то необходимо навести ясность. Потом она посочувствует тебе и, может быть, привяжется. Теперь о самом главном! Совесть твоя чиста... Подавай заявление! Я знаю тебя, верю и сам помогу тебе рекомендации собрать.

* * *

О Щедрикове говорили в селе:

— Мя-яконький мужичок. Настоящую работу не любит, норовит все туда, где полегче.

В старое время он был мальчиком на побегушках у торговца, в советское — служил приказчиком в кооперативе, но, по его аккуратному выражению, „обсчитался“, и отсидел три года. Хозяйство вела жена, богатырски сложенная, сильная, неутомимая женщина. Муж был вдвое тоньше ее, а ростом по плечо. Вдвоем они ходили так: она шагает впереди крупно, размахисто, ступает твердо, голову держит высоко; за ней поспешает Щедриков, семенит мелкими шажками, еле касаясь земли, глядит под ноги, будто разыскивает потерянное.

— Аннушка, Аннушка, — нежно говорит он жене, пойдём — починим сарайчик! Иди, родная, берись!

Они отправляются к сараю. Жена несет бревно или тесину, а муж идет за ней с топором или пилой. Так во всяком деле. Жена поедет пахать, а Щедриков пойдет на огород овощи садить или отправится на задворки прутьшки рубить и покуривать в прохладце, сидя на пеньке. На лугу жена ведет саженный прокос, а муж маленькой косою концы обкашивает, словно тяпкой рубит.

— Щедриков! — кричат ему насмешники, — смотри — пере-неволишься!..

В колхозе она вырабатывала по пятьсот трудодней, а он не набирал и сотни. Детей у нее не было, и умерла она неожиданно, во сне.

Словно стараясь возместить недостатки своей неказистой фигуры, Щедриков тянулся к женщинам большим, сильным. После жены ему приглянулись только две, напоминающие ее: Христина Теплова и Анфиса Старостина. Первая решительно и резко отвергла его ухаживания, вторая охотно отозвалась. Ее соблазнило его положение (тогда он был председателем колхоза) и они быстро сладились.

Анфиса не могла заменить ту, которая зарабатывала каждый год по полтысячи трудодней, но Щедриков рассчитывал на другие свойства ее характера. Он стал потворствовать ее природным торгашеским наклонностям, разжигать жажду наживы, страсть к деньгам, достаемым без труда, а потом и сам втянулся.

Щедриковы приспособили домовничать одну древнюю старуху, а сами стали пропадать из села на целые недели. И

нынешней весной они исчезли и в течение весновспашки не появлялись в поле.

— Никита Еремеич, позови Щедрикова в правление! — сказал однажды Нефед Степаныч.

— Ов, слышно, в разъездах...

— Появится, веди ко мне...

— Приведу как только нос покажет.

Через несколько часов после очередного возвращения к Щедрикову появился Никита:

— Живым манером к председателю! — строго и внушительно заявил старик.

Щедриков вопросительно посмотрел на жену.

— Сходи узнай, чего ему от нас надо, — недовольно молвила Анфиса.

Щедриков пришел в правление.

— Весенний сев прошел, а у вас с женой ни одного трудодня, — прямо начал председатель. — Я понимаю, что вам некогда, что вы заняты. Мы долго ждали, когда вы образумитесь, но жданки наши кончились! Надо решать либо так, либо этак, либо честно трудиться в колхозе, либо на все на четыре стороны... За друзей твоих Косачева и Ныртыкова взялся Алексей Лукич, и они, кажется, входят в разум. Тебя воспитывать некому, да и надобности нет, ты сам был председателем колхоза, сам все знаешь и понимаешь. Нынче мы работаем лучше, все приводим к знаменателю, хорошему даем полный ход, плохому находим концы. В пятницу, пометь это себе на ногте, общее собрание по итогам весеннего сева, а в текущих делах вопрос о твоём пребывании... Приходи держать ответ!

* * *

На собрание первыми пришли девушки с букетами черемухи, в ярких летних платьях. Они стояли тесной группой и наминали издали полянку полевых цветов.

Потом появились Паша и Алексей Ивоины, оба принаряженные по случаю собрания. Алексей пришел в избу-читальню к Нефеду Степанычу, который там уже хлопотал; Паша остановилась на воле и заговорила с девушками.

Вот идут, о чем-то рассуждая, соседи: Наум Чайнов, Мирон Батманов, дядя Петя Долотов. Спешит — торопится бабка Стратилатова: она всегда и всюду боится опоздать, придти последней.

Колхозники стекаются со всех сторон, у избы-читальни становится людно, слышатся разговоры:

— Черемуха еще цвет не обронила, а мы уже нынче посеялись, — гудит дядя Петя Долотов.

— Нынче порядочек, Петр Авдеич, — заискивающе отвечает ему Иван Косачев. — При таком порядочке работать можно!

— Глядите — Ныртиков! — шепчутся между собой колхозницы. — И он пришел! Когда это видано?!

Идут парни. Впереди шествует гармонист. Сдвинув кепку до самых бровей и немного склонив голову, он самозабвенно наяривает на гармошке. Позади приятели напевают частушки и присвистывают.

Вплотную за парнями следуют подростки; за ними тянутся мальчишки. Закинув руки за спину, босой, без фуражки Оська Теплов заключает шествие.

Последними появляются у избы-читальни старики. Они встают поодаль и начинают толковать о чем-то своем. Беседа их вскоре становится жаркой, и вон уже дедка Алфеев горячится и размахивает в воздухе сухими кулаками, а хохолок седых волос так и припрыгивает на его маленькой голове.

По свежей мураве всюду выются тропки, гладкие, утопанные.

Под окнами многих изб блестят, словно восковые, свежие колышки новых палисадников.

На грядках огородов грозит уже во все стороны тонкими зелеными стрелками свежий лук.

В воздухе смешались запахи травы, земли, черемухи.

На полях весенней пашни всходов еще не видно, и голый, обсохший суглинок розовеет в лучах заката.

В дверях избы-читальни появляется посланец председателя

— Никита Еремеич и приглашает всех в помещение.

В избе-читальне окна открыты настежь, она полна свежего воздуха. Сколько лет ей, Думинской избе-читальне? Она построена в конце первого десятилетия обновленной жизни деревни. До войны это широкое, присадистое, бревенчатое здание ремонтировали, а теперь вот оно опять покосилось, расщелилось, и его надо подновлять.

Здесь думинцы увидели первые спектакли, услышали первые лекции. Здесь же создавали колхоз и проводили все колхозные собрания.

Сегодня пол в избе-читальне примыт; лавочки аккуратно расставлены; на сцене, убранной свежими березовыми ветками, стоит длинный стол, покрытый зеленым сатином.

Начинается собрание, в президиум выбирают председателя колхоза, секретаря партийной организации и тех, которые лучше и больше всех потрудились на весеннем севе: Петра Авдеевича Долотова, Наума Чаянова, Таню Букову, Мирона Батманова, Пашу Ивонину, Христину Теплову, Валю Цветову. Валя усаживается рядом с Алексеем Ивоинным и принимается что-то нашептывать ему. Но вот Алексей покидает ее: ему предлагают председательствовать. Он занимает за столом центральное место и предоставляет слово Нефеду Степаньчу.

— Товарищи, у нас радость! — начинает председатель артели. — Мы в числе первых по району завершили сев. Вот сейчас

мы сидим здесь, отдыхаем, подводим итоги, а там, в полях, зерна, заделанные в землю нашими руками, в рыхлой почве, в весеннем тепле набухли, как шубу скинули с себя кожуру, пустили корешки, уцепились и теперь набирают соки. Мы нынче так напористо работали, что все злаки посеяли в любимые ими сроки и это должно хорошо сказаться на урожае.

Хоть все почти это знают, но председатель значительно и подробно сообщает: сколько этой весной обработано земли лошадьми и тракторами, на какую глубину она вспахана, сколько и каких удобрений положено, какого числа то или иное поле засеяно.

— Еще одно дело нас должно порадовать, — говорит он в заключение. — Ранней весной мы подкормили и проробороновали всю площадь озимых хлебов. Первый раз мы так широко размахнулись. Раньше применяли только на небольших участках... Наши усилия не должны пропасть даром! И по всему видать, что не пропадут! Озимое сейчас здорово приободрилось и быстро пошло в рост; невооруженным глазом можно заметить, что они лучше, чем в прошлые годы.

После председателя счел необходимым выступить Петр Авдееч Долотов. Он редко выступал и, может, оттого в зале стало еще тише.

— Сев закончили в срок и даже нас во-время собрали подвести итог, от этого и на душе у всех хорошо. А ведь годами было у нас и так, что косить пора, а мы только итоги весеннего сева подводим. Смотрите: сегодня на собрание пришли даже те, которые здесь многие годы не появлялись. Это кое о чем говорит, товарищи! Говорит о том, что руководство наше артельное нынче крепко, больше заботы проявляет, лучшие силы использует и люди начинают верить ему. Это надо чувствовать и поддерживать! Люди хотят работать с толком и пользой!

Потом звеньевые рассказали о трудах и заботах своих маленьких коллективов, назвали имена наиболее усердных членов своих звеньев, сообщили, что намерены делать дальше.

Поднялась Валя Цветова, взяла список передовиков весеннего сева и, по поручению президиума, стала внятно и неторопливо читать, кто в чем отличился и чем премируется.

Вот уж получили коричневого меланжа в белую полоску на костюмы Долотов, Батманов, Чайнов, дедка Алфеев, Тania Букова шелку на кофточку, Христина Теплова и Анна Доброхотова по отрезу ситца на платья. Все они благодарили собрание и обещали еще больше стараться, а старик Алфеев вылетел на самый край сцены и, тряхнув хохлом седых волос, заговорил сердито, будто доказывал кому-то:

— Я здесь самый старейший... Да! Да! Никого нет в селе меня старше... Другие старики и моложе меня, а позаскучали, но я в поле работаю. Вот наладится и они все оживут. Все

от наладки зависит... Да, да! От наладки! Ну, а за почтенье спасибо. Дедка Алфеев в долгу никогда не останется! Да, да! Не останется; он соответствует, он знает, чем колхоз отблагодарить. Знает! На то он и дедушка Алфеев. Да, да!..

Когда Валя Цветова назвала имя Косачева, Нефед Степаныч приподнялся над столом и пояснил:

— Иван Андреич Косачев нынче нашел себя. Он работал ретиво и, кажется нам, по-хорошему внедрился в колхоз и потому мы решили его отметить.

Косачев не появлялся на сцене, и председатель спросил:

— Здесь ли он?

— Здесь был, — ответили с первых рядов.

Иван Косачев сидел на полу и спал, прислонившись к стене.

Миша Теплов будил его:

— Дядь Вань, вставай, тебя отмечают!

Иван проснулся и спросил, протирая глаза:

— Куда намечают?

— Премиируют!

— Ты мороку не наводи, молод еще надо мной шутить...

Колхозники засмеялись. Дедушка Алфеев, стоявший поблизости, прикрикнул на Ивана:

— На собрание не спать ходят! Что тут развалился?.. Иди!

Мишутка правду говорит.

Но и ему Косачев не поверил:

— Ты тоже умеешь поддеть... Знаем тебя! :

Тогда вмешался Алексей. Он громко сказал со сцены

— Иван Андреич, иди!.. Сюда подымись! Премиируем тебя за старание на весеннем севе.

— Получай премию, — закричали на Косачева из рядов. — Не задерживай собрание.

Провожаемый веселым смехом, Иван впритруску пустился на сцену. Там Нефед Степаныч подал ему полуботинки и сказал:

— Ты для артели будешь стараться, артель к тебе будет относиться, как к сыну.

— За что это мне?

— За ретивый труд на весеннем севе.

Косачев, не зная куда деваться от радости, стоял и разглядывал новенькие блестящие ботинки.

— Эти на охоту не годятся, — заявили ему с первых рядов.

— Это парадные.

— Слово скажи? Ответ собранию...

Иван повернулся лицом к президиуму и растерянно проговорил:

— Извините меня: уснул я по охотничьей привычке... В лесу у костра этак вот отогреешься да так сидком и уснешь...

— По-птичьему и выспишься, — насмешливо откликнулся дядя Петя Долотов.

— На службе,— деловито начал Никита Еремеич, приютившийся на стуле в стороне от президиума,— нам тоже приходилось, но спина затекает... Отдохнешь мало-малю, но не то...

В зале сначала сдержанно, а теперь уже открыто смеялись.

— Я нынче больше устаю, — продолжал Косачев...

— Ты лицом к собранию повернись, — перебил его Алексей. Косачев повернулся и заговорил бодрее:

— Товарищи, я нынче с весны больше устаю, но лучше себя чувствую и знаю, от чего это! Оттого, что душа на место встала и успокоилась. В колхозе теперь у нас порядочком запахло и потому в руках твердость появилась, а в сердце охота к труду, любовь к полю. Вы почтили меня, а мне и не верится; только вот, когда Алексей Лукич сказал, тогда я и поверил, что это не насмешка... Ну, спасибо, товарищи! Вы ко мне от души!.. и я стану еще пуще стараться.

Иван Косачев ушел со сцены и направился в тот угол, где спал. Дедушка Алфеев сказал там ему:

— Эх, ты!.. Такой почет было проспал.

— И не говори-ка, — вздохнул Иван Косачев. — Перед собой даже стыдно... Притулился тут по-охотнички, а сон и напал на меня.

Ни Щедриков, ни Анфиса на собрание не явились.

— Саму-то я вчера пытала, — выступила дотошная бабка Стратилатова. — Мы ведь в соседях... Она сказала, что в город, либо в поселок подадутся, в колхозе работать не хотят. А раз сама решила, будет все по-ейному; сам-то у нее теперь под пятой...

Щедриковых без долгих разговоров единогласно исключили.

— Воздух будет чище в артели...

— Давно бы надо!

— Нянчимся тут со всякими...

— Тут уж можно и не оглядываться назад, — заключил Нефед Степаныч. — Вон сорняки, — нива скорее подымется!

* * *

Христина Теплова со своими ребятами заготовила сухого мха; хозяйственный Нефед Степаныч позаботился о недостающих строительных материалах.

Партийная организация помогла председателю призвать колхозников к добровольному участию в строительстве дома семье погибшего воина. Члены партии решили выйти на стройку первыми.

Председатель с секретарем парторганизации задумались о самой сложной работе — отделке избы. Нефед Степаныч вспомнил:

— Саше Ныртикову хотелось поруководить. Пусть подберет тех, которые помастеровитей, и сделает вместе с ними рамы, косяки, двери, чтобы всё было хорошо и точно. Слышно, что

он искусен на такие поделки. Алексей Лукич, Саша Ныртиков тебя уважает; поговори с ним от партийной организации. Так-то надёжнее будет. Я прошу тебя! Дело тут добровольное, и сам я его послать не могу.

Накануне, выходя на строительство дома, Алексей Ивонин при всём звене обратился к Ныртикову:

— Александр Степаныч, наша партийная организация поручила мне поговорить с тобой! Ты, наверно, слышал, что мы будем ставить дом путем добровольного участия... Специалисты по плотницкому делу у нас есть, а вот по столярному хороших нет; тонкие поделки у них выйдут топорными. Мы просим тебя показать им, как надо сделать по-настоящему, взять руководство всей чистой работой на себя.

Ныртиков был так польщён таким обращением, что покраснел и от смущения отвел взгляд в сторону. Ведь к нему так благородно и учтиво обратился в присутствии стольких людей секретарь партийной организации!

„Он это любит, — подумал Косачев о своем приятеле. — Алексей ловко подбехал! Да, впрочем, и кто только этого не любит.“

— Я приду! — отзвучиво, сдерживая волнение, молвил Ныртиков. — Приду и займусь! Будет всё точка в точку: рамы, косяки, переборки...

— Вот это самое мы и имели в виду, — подхватил Алексей. — Стало быть, Александр Степаныч, я так и доложу, что ты дал полное согласие.

После весеннего сева, до наступления больших летних работ, колхозники пришли утром к вросшей в землю избушке Христины Тепловой.

— Прощай, старушка, — оживлённо, чтобы расшевелить людей, заговорил Нефед Степаныч. — Послужила ты Тепловым достаточно и на том тебе великое спасибо. Начинайте, товарищи!

— Избу эту, помню, строили, когда я вот этакеньким мальчиком был, — показал дядя Петя Долотов на малыша лет четырёх-пяти, который с величайшим интересом наблюдал за развертывающимися перед ним событиями.

— Ты, дядя Петя, крепче избы-то, — не преминул вставить острое слово Валерка Алфеев.

— Невпример крепче! — подтвердил дядя Петя. — А ты подумал я избе долголетием-то поддамся.

Миша Теплов подлетел к Серафиме Петровне и обратился к ней с мольбой в голосе:

— Серафима Петровна, не надо!

Она крайне удивилась:

— Чего не надо, в чем дело, Теплов?

— Не надо тут заниматься, вы устанете!

— Молодец! — бережет свою учительницу, — похвалили его.

Серафима Петровна растрогалась и погладила ученика по голове.

— Ты, Миша, не беспокойся, — сказал впечатлительному мальчику дядя Петя Долотов, которому было поручено здесь всё управление работами. — Мы сами Серафиму Петровну бережем, не затрудним её, не переневолим.

Одни разбирали крышу, другие снимали двери и ворота, третьи переносили к соседям имущество Тепловых.

Многие обратили внимание на старинную укладку, которую вытащили из избы четверо. Носильщики остановились, поставили на лужайку, чтобы перевести дух. Укладка стояла, как постамент памятника.

— Тяжела старинушка, — сказал Мирон Батманов, смахивая рукавом пот со лба.

— Вот это су-ундучок, — раздались удивлённые голоса. — В нем жить можно, только окошечки да дверку проделать.

— Из дуба что ли? Как полированный весь, не гниет, видно, а только гладится. Он три века проживет.

— Вполне может заменить двухспальную кровать.

— У меня Мишутка на нем спит, — сообщила Христина.

— Просторно ему... Небось не упадет.

— Вещь тяги неимоверной! Чего ты в неё натискала? — спросил Мирон Батманов. — Можно подумать, что он двухпудовыми гирями набит.

— Рухлядь всякая испокон веков в неё складывается, — объяснила Христина. — Накопилось тут разной разности невпроорот... Одного железа незнамо сколько; исписанной бумаги охапки...

Услышав любезное его сердцу „испокон веков“, Наум Чайнов подошел к сундуку, приподнял массивную крышку и жадно взглянул в необъятное чрево. Его внимание привлекло ржавое железо разного назначения. Он принялся перебирать долота, сошники, зубреные топоры, сломанные косы, подковы, серпы, зубила, ручки от дверей.

— Чего ты ищешь? — спросил Мирон Батманов.

— Ножик с ручкой из слоновой кости: может он случайно к Тепловым попал! Бывают ведь такие находки.

Тихон Старостин увидел ворох ученических тетрадок и склонился над сундуком рядом с Чайновым. В ворохе мелькнул заветный почерк. Старостин тщательно принялся перебирать бумаги, откладывая в сторону отдельные листки. Отобрав, он взял их обеими руками, прижал к груди и просяще обратился к Мише Теплову:

— Мишенька, разреши мне взять эти листочки! Я дам тебе вместо их в десять раз больше чистой бумаги.

— Куда их вам? Они два раза исписаны.

— Вот мне и дорого, что они два раза исписаны. Тебе их дал Горшков? Вот мне их и надо. Я возьму! А за чистой бумагой зайди ко мне в правление.

Сундук-великан закрыли, унесли, все принялись за работу, а Тихон сел на лужайку, разложил перед собой листочки и складывал, подбирая страницу к странице.

— Ты нашел чего-то, а у меня, брат, опять промах, — вздохнул Наум Чайнов. — Вот незадача! А должен этот ножик быть у кого-то в селе...

Тихон бережно свернул листочки, опустил в карман и поспешил к самой старательной и толковой группе, которую составляли демобилизованные. Они уже разобрали крышу, разъяли стропила и сняли потолок. Ныртиков вытащил осторожно, чтобы не повредить стёкла, летние рамы, выбил косяки, и в широкие оконные проемы глянули закопченные углы, пошатнувшаяся на бок печка.

— Ребятухи! Орлы! как говорил Суворов... Чудо богатыри! — крикнул Алексей. — Покажем фронтовой размах.

На глазах его Иван Косачев совался в те места, где было труднее. Он стаскивал грязную гнилую солому с крыши, землю с потолка. Пыль набивалась в волосы, в нос, уши, оседала на потном лице. А теперь он откатывал брёвна, которые сбрасывали сверху.

— Береги-и-сь, Косачев! — кричали ему.

— Ничего, бросайте, я гляжу-у...

— Премированный-то наш как старается, — шепнул Нефед Степаныч Алексею. — Будто подменили нашего Косачева... Совсем стал не тот, что был.

— Он мужик душевный, — тихо ответил Алексей. — Приласкай его, он все силы положит; обидь, побрани, взъерепенится, замкнется...

— Алексей посмотрел на Косачева и крикнул ему:

— Иван Андреич, ты стяжком, стяжком брёвна-то, а то живот надорвёшь, они тяжелые.

— Да за стягом надо идти; а тут дело спешное.

Колхозники, которые когда-либо держали в руках столярный инструмент, под наблюдением Ныртикова, выпиливали бруски, строгали доски для пола, потолка, дверей и косяков.

До обеда разобрали старую избу, расчистили место для новой и положили два первых венца: массивных, прочных, способных много лет держать на себе тяжелую избу.

Старостин пошел домой вместе с Алексеем Ивоным. По лицу Тихона было заметно, что ему хочется что-то сказать.

— Ну, говори, — сказал Алексей. — Выкладывай!

— Я не о деле, — начал Старостин, — я опять по личному...

Потолковал я с ней... Выбрал удобный момент и рассказал все свои романы...

— И что она? — заинтересовался Алексей.

— Выслушала и вздохнула: „Не везло вам.“ Потом подумала и спрашивает: „Неужели вы Иру простить не могли? Она была хорошая девушка и заслуживала прощения“. „Я так-то

много раз говорил тогда, но простить в себе силы не нашел, оттого, по-моему, что характерец у меня мужицкий, тяжелоатый на поворотах... Переломить я его не мог и потому, возможно, поступил нехорошо". „Нехорошего, говорит она мне, тут ничего нет, прощать или не прощать — это было ваше право. Может, она и не нуждалась в прощении... Судить о людях в таком деле очень трудно“.

— Трудно, — согласился Алексей. — Интересно: каковы у вас с Таней отношения? Есть какая-нибудь надежда?

— Пока не видно. А отношения просто дружеские... Только за последнее время, я замечаю, она стала что-то к Феде благоволить.

— О-о! Для тебя это неплохо... Это уже кое-что!..

* * *

После обеда Алексей зашел в правление. Старостин с председателем сидели за одним столом и о чем-то говорили. Разговор, видимо, они вели невеселый: Нефед Степаныч был грустен и тяжелым взглядом уставился в окно, виском положив голову на руку.

— Что ты загрустил? — спросил Алексей.

— Рындина, вот жалко, упустил...

— Какого Рындина?

— Пастуха...

— Ничего не понимаю.

— Нашел я сегодня в том громадном сундуке еще часть записок, а в них Горшков пишет о пастухе. Вот я тебе сейчас прочитаю.

Тихон стал перебирать листы, отыскивая в них запись о Рындине, но Алексей настойчиво заявил:

— Ты читай сначала, мне всё интересно!

Тихон Старостин хорошо помнил Ефима Васильевича (он вместе с ним работал в правлении) и читал сейчас, подражая его манере рассказывать:

„Приехал к нам зимой агроном с лекцией. Щуплый, седой, но бойкий, колючий. Из бывших земцев. Долго ходил я с ним по всему селу. Выбирал он квартиру. Искал такую, чтобы и чисто было, и удобно, и тихо. Потребовал хорошей еды.

Вечером собрались в избе-читальне колхозники. Важно начал он говорить... То и дело томно закатывает глаза, манерным движением потирает узенькую лысинку, похожую на ленту бежевого цвета. На большом фиолетовом носу поблескивают квадратные стеклышки пенсне.

За напыщенную важность, за бестолковое обращение со словом наши слушатели сразу не влюбились его. Дядя Петя громко сказал своим соседям на лавочке:

— Чем не молодец, если нос с огурец.

Все около него засмеялись.

Наш заносчивый лектор смолк, пожал плечами и молчал до тех пор, пока я не установил полнейшую тишину.

Сперва я думал, что он просто непутевый болтун, но потом расчухал, что он хуже.

— Дания! Культурнейшая, — кричит, — понимаете, страна. Датские куроводы получают в среднем яиц от каждой курицы... Привожу таблицу... Голландские фермеры снимают овощей... Беру средние цифры... Вот вдумайтесь в эти данные...

Кажется, что говорит с пятого на десятое, но ломит и ломит в определённую сторону. Без конца: датские куроводы, голландские фермеры, немецкие хозяева... Перенимать, учиться, восторгаться призывает...

Я не выдержал, выступил и говорю лектору:

— Что вы нам тысячу раз: Дания, Голландия, Германия... Вы бы про опыт наших передовых колхозов рассказали! У нас не хуже, а местами и лучше научились разводить кур, выращивать овощи, снимать большие урожаи зерновых... Ваши фермеры сидят на хуторах, нам они не пример. У нас хозяйства большие, сложные. Пусть они у нас поучатся бедняков выводить в знатные люди, их детей в инженеры, врачи, ученые. Пусть поучатся заботиться не только о себе, но и о коллективе... Да мало ли чему они у нас могут поучиться! Не соблазняйте нас Даниями, Голландиями, ничего не выйдет. Это годилось прежде для кулацких хозяйств, а теперь старо, старо и старо. Мы любим свои порядки, свою страну, а на счет кур, овощей, урожаев зерна можем вашим фермерам и хозяевам кое-что новенькое преподать: на это у нас теперь знаний хватит“.

— Видели мы этих фермеров, — хмуро заговорил Нефед Степаныч. — Нагляделись в походах. Сам на кровати спит, а батраки на конюшне ночуют.

— Считают себя культурными, а верят всякой чертовщине, хуже любой нашей старухи, — добавил Тихон Старостин и начал опять читать:

„Приехали мы в город на слет колхозников. Вся наша делегация со мной, а Семен Саввич Пестихин пропал. Нет и нет, хоть в розыски пускайся.

Зарегистрировались, позавтракали, вернулись из столовки, а Саввича не видать. Меня тревога взяла: куда мог деваться такой дисциплинированный колхозник. Может заболел неожиданно...

Наконец-то является Саввич со свертком в руке.

— Где ты, говорю, пропадал?

По книжным магазинам прошелся...

Он мне показал купленные книжки, и на сердце у меня стало хорошо. Вот, думаю, наш колхозник ходит по книжным магазинам, собирает себе библиотечку. Разве это не новое. Я прикинул на руке пачку книг — тяжелая.

— Неужели, говорю, все прочитаешь?

— Непременно. Если не читать, тогда для чего же и покупать. У меня их подобрался целый уголок. И все прочитаны.

Ничего, кажется, особенного, а сердцу приятно.“

— Ефим Васильич умел все подмечать и всему придавать значение, радоваться новому, — сказал Алексей.

„Ехал я из города, догнал на дороге Леньку Рындина; посадил к себе в тарантас. Разговорились. Леньке тринадцать лет. Он кончил четыре класса. Считает себя человеком знающим. Матери у него нет, померла. Живет с отцом. Отец уже стар. Ленька последыш в семье. Серьезный паренёк, неизбалованный. Задумывается о своем будущем, ищет себе дела. Ходил вот к тетке в дальнюю деревню посоветоваться по родственному.

Видим: недалеко от дороги мечется из стороны в сторону и жалобно с плачем блеет ягненок. Ленька живо выпрыгнул из тарантаса и погнал ягненка в лес. Долго я его дождался. Наконец, он вернулся.

— Чей это ягненок?

— Наш.

— Сколько у вас с отцом овец и ягнят?

— Ни одного.

— А говоришь наш..

— Наш, колхозный!

Оказывается — все, что принадлежит родному колхозу, он считает своим и называет нашим.

— Куда ты его угнал?

— В стадо.

— А сам-то он разве бы не нашел его?

— Где ему... Овца без стада живо теряется и в голове у неё все кругом идет, глаза туманом застилает. Так у овцы, а у ягненка особенно.

— Пастух бы за ним пришел.

— Где ему... Наш пастух ножки бережет... Ему грош цена, да и то в базарный день. Ему бы только время шло. Он только ждет не дождется осени, чтобы положить в карман денежку с коньком.

Мальчик не мог вывести такое заключение сам. Он явно передавал суждение взрослого человека, очевидно, тоже пастуха. Дальше он мне поведал, что ласковое слово лучше действует на животных, чем злой окрик или удар кнута. На призыв рожка к ласковому пастуху все стадо выходит на опушку, не надо рыскать и собирать стадо по лесу. Пастух должен знать, где какая растёт трава, в каких порубьях меньше овода. Главное же заключается в том, чтобы каждый день досыта накормить скот, а потом не утомлять лишними перегонами. И никогда не надо торопить стадо, не допускать скученности, следить, чтобы

животные не мешали друг другу кормиться, пить в точно установленное время.

Ленька расписал мне все так, будто десятки лет ходил пастухом.

— Откуда ты это все знаешь?

— Дядя, тетин-то муж, с восьми годов пасет, я к нему хожу...

„Надо интересоваться пастушьим делом, чтобы проводить целые дни с дядей пастухом и перенимать его науки“, — думаю я и говорю:

— Леся, ты попрактикуйся у дяди до осени, вызнай у него все, я за это тебе заплачу, а с будущей весны пастухом в колхозе поставлю.

Так мы с ним и договорились.

До того мы держали наемного пастуха, у которого ничего здесь не было родного, на все ему наплевать, лишь бы только сорвать, по выражению Леньки, „денежку с коньком“.

А теперь у нас пастух свой, колхозный. Ему дорога каждая животина. Хозяева коров личного пользования и наши доярки не нахвалятся им. Он знает все тонкости пастушьего мастерства.

За время учебы я начислил Леньке трудодни. Он остался очень доволен. Я думал, что колхозники меня забранят за это, но на отчетном собрании они охотно утвердили этот расход и сказали:

— На такое дело, которое на пользу артели, ничего жалеть не надо.

Расход вернулся сторицей: летние удои намного повысились, что приносит колхозу хороший доход.

Нефед Степаныч вздохнул и еще больше закручинился.

— Пастух верно, хороший был, — сказал Старостин.

— Где он теперь? Вернулся с войны-то?

— Вернулся. Где-то в городе на заводике обретается. Тоскует, поди, по пастушеству, ведь, у него к этому особая прилежность. Зимой по возвращении с фронта он приходил к Степанычу, просил ссуду; Степаныч обещал, но, по своему обыкновению, выдачу позатынул, а Ленька ждал-ждал, да на завод и подался. Вот Степаныч-то и жалеет теперь, что покусился.

— С ресурсами было туговато, — виновато начал Нефед Степаныч. — Ленька одинокий, перебьется, думаю, а он махнул в город да там и застрял. Эх, какого дурака я тогда сваял. Я ругал себя потом за это много раз, сейчас вот послушал запись Ефима Васильича и стал сам не свой... Ну что мне делать? Такого парня я упустил. А?! Алексей Лукич, что мне теперь делать?.

Ивонин помедлил с ответом. Он пристально смотрел на председателя и молчал. В прищуре его глаз, в плотно сжатых губах Нефед Степаныч усмотрел что-то похожее на усмешку:

— Ты, видать, смеешься надо мной, а мне не до смеху. Такой пастух!.. Ефимом Васильевичем выращен... Ведь надо вернуть Леньку-то?

— Я не смеюсь, а хочу тебе, председатель, сказать вот что, — многозначительно заговорил Ивонин. — Ты помнишь, когда я стал секретарем парторганизации, мы с тобой схватились даже... В отношениях с колхозниками, особенно с передовыми, у тебя была натянутость, неясность. Мы тогда прояснили; парторганизация помогла тебе, как члену партии, уладить отношения, и теперь все, кажется, ясно. Теперь, Нефед Степаныч, твое дело хозяйствовать, а мое воспитывать. Ты управляй колхозом, веди людей, а я буду помогать воспитанием их. Не оглядывайся на меня, сам принимай решения, сам действуй. Тебя колхозники выбрали вожаком и от тебя ждут указаний и решений. Вот это я тебе и хотел сказать. Вернуть или не вернуть Леньку? Дело твое. Забота о рабочей силе, о специалистах на тебе лежит; ты руководитель, ты и решай. Мне секретарь райкома так и сказал: твое дело воспитывать, а хозяйствовать и руководить должен председатель, ни в чем не связывая и не подменяя его.

— Да, да! — утвердительно кивнул Нефед Степаныч. — Именно так и должно быть.

— Насчет вызволения Леньки, думаю, ты сам найдешь решение, но я могу сказать свое мнение, если хочешь.

— Я решу, — задумчиво проговорил Нефед Степаныч, шагая по обширной правленческой избе. — Но временами посоветоваться не мешает.

— Почему не посоветоваться, — мягко ответил Алексей. — Я всегда охотно посоветую, если нужно, но мой совет, — только совет, а не указание или решение. Работай самостоятельно, смело, инициативно, а меня не считай вторым председателем или заместителем; мое дело вести агитацию, пропаганду, воспитывать колхозников. Читай, Тихон Матвейч, дальше.

Тихон стал читать:

„Отставали мы от Терехина на сенокосе. Я встал рано утром и пошел по бригадам посмотреть организацию труда, проверить расстановку сил. На одном участке бросилась мне в глаза такая картина: женщины и девушки косят (случилось, что они тут своей командой подобралась), а бригадир — здоровенный дядя, подложил себе под бок травки и вот спит-похрапывает. Я разбудил его. Сели. Закурили. Я говорю:

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Очень, — говорит, — хорошо. Утро нынче как по заказу: солнышко, ветерок и день, знать, будет ясный.

— И солнышко, и ветерок, а я чувствую себя неважно.

— Отчего бы это? — спрашивает он.

— Оттого, что жонки и девчата косят, а мы с тобой, два

таких мужика, сидим да еще стараемся доискаться — почему мы на сенокосе от Терехова отстаем. Давай-ка, друг любезный, покосим!

Взяли мы косы и таково-то хорошо покосили, что самим приятно стало.

Идем домой завтракать. Счетовод бредет к девяти в правление, избача еще совсем нигде не видно, доярки, скотники, сторожа на своих огородах копаются. Покосы у нас рядышком — по Любице и Выремше. Сколько все эти люди могут накосить травы до восьми часов утра, если выйдут на покос в три. Кроме того, по вечерней росе можно три-четыре часа косить.

В полдень я созвал животноводов, бригадиров, сторожей, пригласил счетовода, избача.

— Скот, говорю, теперь на выпасе, доярки в три часа пойдут коров и отправляются спать или копаются на своих огородах. Они свободны до полдня. В полдень возьмут второй удой и опять свободны вплоть до самой темки. Сторожа могут выспаться в середине дня. Мало сна? Хорошо знаю, что мало, но летом много не спят, зимой отоспимся. Бригадиры целыми днями мотаются, как неприкаянные, а до кос не дотронутся. Им тоже, считаю, надо взяться за покос, а по бригадирскому делу можно в любую минуту оторваться. Сегодня на вечернюю росу жалуйте все.

Никто, разумеется, возражать не стал: лишние трудодни никому не мешают, лишний мешок зерна сусек не разломит.

И я вечером с косой на плече отправился в луга. Вот пошла работа!

Руководитель должен руководить, но иногда не мешает ему в поле или на лугу поработать. Это его сближает с колхозниками.

Через несколько дней мы опередили Терехово на сенокосе, а потом и на уборке вперед его пошли. Вениамин Андронич встречает меня и спрашивает:

— Как же это, мой ненаглядный, ты меня так быстро обставил?

— Людей, говорю, сумел поднять. Все от людей зависимо. Все в людях“.

— Вот все, что сегодня посчастливилось найти, — сказал Тихон, убирая листочки. — Да, было времечко, когда мы Терехову не поддавались, часто даже впереди шли. Вениамин Ненаглядный на наши поля учиться бегал.

— Все в людях, все от людей зависит, — повторил Алексей. — От нас самих, стало быть... Захотим мы не поддаваться Терехову и опередим его! Ничего такого невозможного нет. Надо вот поднять людей на соревнование и суметь зажечь их, тогда Терехово увидит, что оно не венец творенья.

После обеда колхозники дружно собрались на постройку и принялись за работу уже более спокойно и уверенно.

— Делайте так, чтобы зимой было тепло Тепловым, — говорил дядя Петя Долотов, показывая, что и как надо делать. — В старое время говорили: от живого не жди добра, а от мертвого и подавно, а мы это опровергнем, покажем, что от живых добра ждать можно. Алексей Лукич, да ты настоящий плотник: у тебя дело так и горит в руках.

— Он все умеет, — слышались голоса.

— У него ничего не отобьется.

— Меня батя наставлял, а он был на все руки...

Над землей поднимались все новые и новые венцы, сияя телесной белизной бревен. Сильные, толковые руки сплетали избу, как венки. Дробный стук топоров прокатывался по всему селу и эхом отзывался в ближнем лесу.

— Стучи, ребята, сильнее, — крикнул задорный Мирон Батманов. — Может этот стук докатится и до братской могилы, где лежит Ромаша Теплов, и он узнает, что друзья-односельчане не забыли его!

— Куда Нефед Степаныч сейчас опрометью пустился, — спросила Серафима Петровна.

— В город, — ответил Старостин.

— Так далеко... Хоть бы лошадь заложил...

— Он пешком скорее сбегает. Не любит с лошадыю возжаться в дороге. У него еще при единоличке лошадь угнали от чайной, с тех пор его и отшибло... Теперь, если одному куда надо, то он обязательно пешком, на лошади его и не заставишь поехать. Ну и надо сказать, что ходок он отменный.

— На совещание что ли его срочно вызвали?

— Нет. Кинулся Леньку Рындина вызволять. Оказывается, пастух приходил к нему зимой по возвращении, просил ссуду, Степаныч обещал, но затянул, а Рындин ждал-ждал да на завод и ушел.

— Теперь его с завода, пожалуй, и не отпустят.

— Нефед Степаныч взял бумажку с печатью... Колхозника не задержат, если есть требование. Мы посоветовали Степанычу в крайнем случае в райком зайти: Григорий Антипыч поможет.

Новая изба росла, поднималась. Вот уже наметились проемы окон, дверей. Стали обводить избу лесами. Без них невозможно уже стало подымать бревна на стены.

Мирон Батманов встал на первую площадку лесов и огляделся вокруг. Его взору представились широкие поля яровых и озимых хлебов, бесконечные линейки всходов картофеля, темные массивы паров.

— Все Терехово отсюда видно, — объявил он. — Как на блюде. Вон Вениамин Андроныч куда-то погнался на своем рысаке. Бы-

вало ездил к нашему Ефиму полюбопытствовать, а теперь селом-то нашим никогда не ездит, а все где-то по за селом. Вон и сейчас кривулю дает.

— Позазнался маненько, — усмехнулся Наум Чаянов. — Считает, видать, нас совсем слабосильными.

— А вот нынешним летом соберем побольше зернышка, картошечки и овощей, сенца накосим вволю, тогда будет загадывать, — проговорил дядя Петя Долотов.

— Вон Батманов его двухразовым урожаем картошки оглушит, — добавил Наум Чаянов. — Насчет двух урожаев он обязательно прискачет полюбопытствовать. Не утерпит. Он самолюбивый... Примется еще, пожалуй, Батманова к себе сманивать. На чужих мастеров он завидуш, а своих мало ценит.

— Двумя урожаями картошки его не удивишь, — заговорил Алексей Ивонин. — Он скажет: за двумя урожаями гоняются, а хозяйство расползлось по всем швам. Вообще-то следует нам поднять себя в его мнению. Тут, ребята, можно сделать вот как: вызвать Терехово на соревнование и так постараться, такие усилия употребить, чтобы непременно Терехово по всем статьям обставить, чтобы Ненаглядный осенью к нам приехал, поглядел и от удивления рот разинул. Вот это будет номер! Нас, фронтовиков, много съехалось, люди мы смекалистые и рьяные. Давайте нынче удивим весь район, опередим Терехово!

— Вот бы загануть Вениамину такую загадку! — засмеялся Наум Чаянов и почесал даже в затылке.

— А что ж! — воскликнул Мирон Батманов, блеснув загоревшимся взглядом. — Заганем и пусть разгадывает: были только что далеко позади и вдруг впереди... Пиши, Алексей Лукич, договор! Вызываем! Вот и все.

— Потягаемся с тереховскими, — загорелся его огнем Иван Косачев. — Возьмемся и сделаем! Наши в поле не робеют и на пекче не дрожат.

— Написать-то я напишу, вызвать-то мы вызовем, — спокойно продолжал свое Алексей Ивонин — а потом как опять позади останемся! Нехорошо выйдет. Если уж вызывать, так надо победить и с волей к победе делать все быстро и хорошо! Хлеба у нас нынче в хорошем состоянии, нам только поухаживать за ними получше, да убрать во время все до зернышка...

— Уберем! — громко заявил Батманов.

— Постараемся.

— Ты можешь в нас верить, Алексей Лукич.

— Я хоть и не фронтовик, но могу сказать, что не подведем, — вставил свое Иван Косачев.

* * *

Нефед Степаныч появился на постройке только через несколько дней. За это время он высвободил с завода Леонида Рындина и поставил его на место наемного пастуха.

— Управился, — сообщил он Алексею. — Все обошлось благополучно, но не без задиринок. Теперь пастух надежный, будем ждать повышения удоев. А Капитон Дятлов как рад! На радостях взял Рындина к себе на квартиру.

Он осмотрел постройку. Избу свершили. Вверху к ней на коленках припали люди: крыли избу свежей дранкой.

Внутри неторопно трудились мастера тонких поделок. Под руководством Александра Ныртикова они производили внутреннюю отделку.

Христина Теплова, энергичная, сияющая, помолодевшая, словно в комнате, наводила чистоту вокруг новой избы.

Сыновья и дочь в счастливом детском увлечении помогали ей, подбирая те соринки и щепочки, которые ускользнули от глаз матери.

— Вот, оказывается, как хорошо и быстро мы умеем строить, — обрадованно удивился Нефед Степаныч. — Такой домик схлопали, что выходи кума любоваться! Теперь бы в новую-то избу электричество провести — так бы все и засияло. Большую красоту в жизни оно придает.

— Не только в новой, — пристал к его словам Наум Чайнов. — Оно и в старой хорошо бы засияло, а то ведь что... Зимой засветишь лампу, ребята сядут вокруг ее уроки учить и жалуются: пап, в тетрадке линейк не видно. А сам в сторонке прилаживаешься-прилаживаешься газетку почитать — не выходит, не достигает до нее свет.

— Да, с электричеством-то удобно, — задумчиво продолжал Нефед Степаныч. — Пришел ты домой, повернул выключатель (он щелкнул концом большого пальца о конец указательного) и во всех углах у тебя светло. Надо молотить, пилить или воду качать (он вскинул голову, протянул вверх руку, сжал пальцы в кулак и резким движением отвернул воображаемый рубильник), включил ток, и пошла писать...

— Давно бы надо, — заговорили колхозники.

— Две реки около нас, а живем без света.

— Говоришь, что удобно с электричеством, — прицепился к председателю Наум Чайнов, — а ничего не предпринимаешь.

— Он станцию еще по весне собирался строить, да, видно, забыл, — насмешливо вставил Тихон Старостин.

— Ничего я не забыл, — осадил его Нефед Степаныч. — Собирался и собираюсь! Вот снимем урожай, поправимся и зимой начнем. Тогда у нас будут и средства, и свободные силы.

— Так к этому надо подготовиться: прикинуть, подсчитать, материал заготовить, место выбрать, расчеты произвести. Специалистов ведь придется пригласить, а для этого следует договор.

— Я думаю все это поручить Старостину, — перебил Нефед Степаныч Алексея. — Он кое-что в этом понимает, а чего не понимает, так подучит, голова здоровая, о-осилит!

- Сообразит, если возьмется.
- Ты как, Тихон?
- С радостью, если доверите.
- Постарайсь, за колхозом не пропадет.

* * *

Рано утром, выходя на работу, Алексей находил Ивана Косачева на завалинке своего дома. Он всегда сидел все на одном и том же облюбованном месте и терпеливо дожидался.

— Бессонный ты, Иван Андреич, — заметил Алексей.

— Нет, я поспать люблю, — возразил Косачев, — но сейчас меня дело тянет к себе; я привился к твоему звену и мне не спится.

Алексея тронули эти слова. Он не нашелся, чтобы отозваться на них. Он сел рядом с Иваном.

Свежее летнее утро, свежая умирительная, как сон младенца, утренняя тишина, ясная заря над лесом; все это располагало к откровенности, к дружеской беседе, и Косачев заговорил опять сердечно, от души:

— Ты отклонил от меня беду и я прилепился к тебе всем сердцем.

— Какую беду? — удивился Алексей.

— Если бы не ты, я бы одичал и зачах совсем один-то...

— А охотники?

— Охотники далеко, в городе, здесь я один... Да и они охотой занимаются, можно сказать, раз в году в досужее время, а в остальное все каждый при своем настоящем деле.

Из-за угла вывернулся Ныртиков. Он спешил.

— Вот и Саша у нас теперь стал бессонный, — кивнул Косачев.

— Старики говорили: вставай по заре! — бойко сказал Ныртиков. — Заря золотом наградит или еще так они говорили: озолотит.

Он был озабочен, спешил и сразу приступил к делу:

— Правильно сказано, что не дорога заделка, а дорога отделка. Я люблю чистую работу...

— Это в каком смысле? — спросил Алексей.

— Чья работа? Ныртикова. Молодец! Видел, я сарайку себе поставил?

— Видел.

— Ведь не сарайка, а сундучок, любо взглянуть!

— Сундучок, — согласился Алексей, — я даже позавидовал...

— Вот какую отделку я люблю. Избу мы теперь ставим не на месяц, а на десятки лет, надо, чтобы все в ней было крепко и красиво, а там у меня на отделке плотники-топорвики; без меня они так отделают, что отворотясь не нагладишься. Христина еще полати велит сделать... Меньшой мальчонка у них,

оказывается, на полотах страсть как любит спать. По своему мужицкому соображению я считаю полоти умным приспособлением. Захотел, например, отдохнуть — пожалуйста!.. Ты никому не мешаешь и тебе никто не мешает. А зимой там те-еплынь... Места в избе они не занимают, а удобство придают большое.

— Если просят, так сделай, — ответил Алексей. — Полоти в крестьянской жизни годятся; на них даже зерно сушить хорошо.

— Сделаю! Но ведь мне в это время в звене надо работать.

Алексей поднялся с завалинки и положил руку Ныртикову на плечо:

— Иди, доводи отделку до конца, а я попрошу у Нефёда Степаныча разрешения трудодни тебе записать. На самом деле: все уже закончили там дело, принялись за полевую работу, а ты еще всё на отделке занят. Катай.

Ныртиков бодро вскакивает и пускается вдоль улицы.

— Так и побегивает теперь с обогретой-то душой. А не возьмишь ты тогда, так бы и запутался человек, — говорит Косачев и провожает Ныртикова долгим взглядом.

— Захвалишь меня, — улыбается Алексей. — Я еще зазнаюсь и возомню о себе.

— Умный человек никогда не возомнит.

— А ты разве причисляешь меня к умным?

— Так боже ж мой...

Сошлось звено. Алексей сообщил, что Ныртиков сегодня отпущен на отделку дома Христины Тепловой. Потом сразу перевел разговор на другое:

— Сегодня удобрения будем возить на паровое поле.

Посоветовались и дружной стайкой двинулись начинать трудовой день, оживленно разговаривая по пути.

На улице Алексея остановил Назар, отозвал в сторону, по стариковской привычке посмотрел, нет ли кого поблизости, и заговорил тихо, интимно:

— Ты человек душевный, охота мне с тобой посоветоваться.

— Молод, а дорого стоишь, — волнуясь почему-то, молвил Назар. — В колхозе нынче все дела узлом затянул. Мы хоть и стары, а ход жизни понимаем.

— Это Нефед Степаныч, не я...

— Да, да... Вот и мы считаем, что Нефед Степаныч; он тоже своего стоит, но одному ему век дело так не извернуть бы...

— Ему партийная организация помогает!

— Вот, вот! Мы так и считаем: партийная организация помогает, ну и твоя голова немножко работает... Я вот о чем хочу тебя спросить: Тихон Старостин с женой-то, видно, жить не станет?

— Нет. А что?

— Да так я спросил...

— Ты уж договаривай, не стесняйся! Я знаю, что просто

„так“ ты спрашивать не будешь. Давай всё на чистоту! Советоваться, так советоваться. Выкладывай, что тебя томит.

— Скрывать от тебя не стану, откроюсь тебе. Я знаю, что ты партийный секретарь и моя тайна дальше тебя никуда не уйдёт. Вот что: замечаю я, что наша Татьяна его частенько в разговорах поминать стала. Не так, чтобы напрямки, а нет-нет да и проговорится. А я ведь жизнь немалую прожил, чувствую, отчего это она проговаривается. Я знаю его, Тихона-то, в одном селе живём, но мне ещё хочется знать, какого мнения ты о нём придерживаешься. На твой глаз каков он человек-то?

— Могу тебе твёрдо сказать: человек правдивый, честный, работающий и способный.

— А нам с Натальей мнится, что наша девка не по нём: больно хороша. Держи денежку, по-стариковски сказать, в котомочке, а девушку в потёмочке. По нынешним временам в потёмочке держать нельзя и мы её не держали, но берегли и воспитывали хорошо, умной и сильной вырастили, она всякую работу делать умеет, трудного не испугается, ни перед чем не устрашится... Хвалиться не полагается, но и...— Старик замялся.

— Тихон и умом, и стойкостью не уступит...

— Может и не уступит, но годами с ней разнится...

— Это да, но не плохо, когда муж постарше.

— Я понимаю тебя так, что тут выйдет надёжно?— спросил Назар и упёрся взглядом в Алексея.

— Надёжно!

— И я, и Наталья, мы верим тебе, Алёша! Если насоветуешь нам не так, грех тебе будет. Смотри—не ошибись!

— Я привык на фронте за всё отвечать головой!

— Стало быть не препятствовать ей?

— Не препятствуйте.

— Вот спасибо, что успокоил. А то ведь мы напуганы: Наталья ведь, бывало, ошиблась смолоду-то, так теперь боится, как бы и с дочерью такого греха не случилось.

— Не случится, не бойтесь. Сегодня мы стариков собираем в правление! Ты приходи. Мы извещали всех, а вечером вам ещё напомним, чтобы надёжнее было.

— Сказывали мне... Только невдомёк нам всем, зачем это мы понадобились?

— Хотим потолковать по душам, а потом ещё собираемся записать всё, что вы помните о старом Думине.

— Так, так... Это дело, дело... Придём! Всей старой гвардией явимся. Сейчас между парьё, есть время и потолковать. Потом страда придёт, тут будет не до собраний.

— Вот мы так и рассудили.

„Хорошего сына оставил Лука Ивонин,— подумал Назар, провожая взглядом Алексея.— И рассуждает обо всем с толком и твёрдое слово умеет сказать.“

Солнце садится за Любицей. От Стрелки ложится на поле длинная клинообразная тень.

Дымчатые сумерки ползут от леса к селу.

Пахари возвращаются домой. Они поднимали пары, пахали под озимое. Колхозницы идут с прополки. Шествие возглавляет звено Тани Буковой. Девушки поют песню. Запеваёт Груня Мягкова. Её голос сильный, раскатистый, медленно стелется по полям.

Весь день резвился ветер. Не утих он и вечером: играет пыльными причёсками девушек, тербит концы косынок на головах женщин:

По селу бродит Никита Еремеич, заходит в некоторые дома, приглашает стариков в правление.

— К Нефеду что ли являться?— спрашивают его.

— Нет, это пойдёт по партийной линии... К Алексею!— объясняет он всем и важно заключает.— Можно сказать, на партийное собрание вас приглашают... Почёт!

Никита собрал не только своих сверстников, но даже и тех самых древних, которые дальше завалинки и огорода никуда уже не ходили.

— Постукивая подошмой, прибрёл суровый, широкий в плечах, лобастый Карп Кочетков. На его загорелом черепе не было ни одного волоска. Всё лето он ходил без фуражки.

— Напечёт тебе, дедушка, голову-то,— говорили ему.

— У меня голова не робкая... Таково-то ей хорошо на солнышке, ровно на печке...

Прибежал торопливо, словно на пожар, маленький высохший, похожий на белесого мальчика, Евсей Алфеев.

Привёл своего дряхлого, с длинной бородой клином отца Мирон Батманов.

„Пройдёт ещё десяток, другой лет, уйдут они в могилу и некому будет о старине рассказать,— думал Алексей, дожидаясь, когда соберутся старики.— Потом будут редкостью и те мужики, которые когда-то жили в одиночке, пахали полосы, видели живого урядника, станового, старшину... Истории этих жизней надо бы подробно записать.“

Его внимание привлёк Евсей Алфеев. Длинная полотняная рубаха висела на нём, как на палке.

— Евсей Корнеич, сколько тебе годков-то?

— Москве исполнилось восемьсот... Так я её моложе только на один ноль...

— Вон чего ещё он знает!..

— Остроумный старичок.

— Мы ровесники с тобой,— сказал ему Карп Кочетков.

— Нет, нет,— энергично запротестовал Евсей Алфеев. Он, видимо, очень гордился тем, что был самым старым в селе.

Карп Кочетков не уступил:

— Найдутся и постарше тебя, если поискать.

— Поищи — поищи-и... Найди — попробуй!.. И не найдёшь... Да, да! Не найдёшь! Ну, скажи — кто старше меня?

— Да что ты пристал ко мне, — вспыхнул Карп Кочетков. —

Экая смола...

Считая его, видимо, побежденным, дедка Алфеев обратился к Алексею:

— Годков-то еще немного, живут люди и дольше меня, только здоровья настоящего нету... Недавно я к доктору ходил, пожаловался ему: нет, мол, во мне прежней прыткости. Я ведь, бывало, молодым-то за три версты драться бегал... Услышу в Терехове или в Ландышеве драку и меня туда будто на канате потянет...

— Бе-едовый был, — подтвердил отец Мирона Батманова.

— А силенка-то была ли? — спросил Алексей.

— Бы-ыла! — игриво отозвался дедка Алфеев.

Карп Кочетков поморщился и махнул рукой:

— Ну, сами посудите, какая в этом естестве сила!.. Да никакой. Он только увертливостью брал. Замахнулся на него — рраз, а его нет, он увернулся. Потом улучит минуту, налетит ястребом, пырнет под вздох... Он все под вздох метил... Ну, за это ему и попадало!

— Ничего не попадало, я сам всех колотил... И силой и увертливостью брал, — стоял на своем старичок. — И задорный же был! Задиристый. Заслышишь свару, разуешься, да изо всей силы-моченьки в Терехово или в Ландышево драться... Примчишься, а там уже все кончилось... Такая досада! Про меня так и говорили: ищи его там, где драка. Всякое былье свое семя приносит. Вот Валерка-то, внук-то мой, весь в меня, такой же постреленок и забияка, только в нем моей прежней дикости и злобы нет, потому как время теперь другое. Он отесавый, а я так во всей своей шершавости и рос, и жил...

— Ну а что доктор тебе сказал? — спросил Алексей.

— Да, да... Я и попризабыл об этом сказать-то... Я говорю ему: прежней прыткости нет, исхудал, как шкелет, пища впрок не идет, ем и кушаю, а последствий не чувю. Он всего меня обследовал и говорит: „Я тебе порошок пропишу, но главное тебе леченье такое будет: после обеда полежи, а после ужина прогуляйся.“

— Это самое лучшее для тебя лекарство, — сказал Мирон Батманов. — У тебя не болезнь, а старость.

— Какое же это лекарство, — возразил Мирону старик отец. — Гуляньем-то не вылечишься. Кто гуляет, тот самый нездоровый человек. От безделья все хворости...

— Вот это правильно сказано! — похвалил слова старика Батманова Косачев. — Безделье ни достатка, ни здоровья не дает.

— Я не возражаю, — молвил Алфеев.

— А градусник он тебе ставил? — спросил Карп Кочетков.

— Помнится, что нет.

— Стало быть, неправильно лечил. Надо сначала градусник поставить, а потом и за лечение приниматься. На то и градусник выпущен. У меня жена сколь годов сиделкой состояла, я от нее кое-что и узнал...

— погоди ты, — прикрикнул на него Алфеев. — Дай доскажу! „Раньше чем болел?“ — спрашивает меня доктор. — Отродясь, отвечаю, ни одной болезни не прилипало. Он даже в листочек это записал. Вот Валерка весь в меня! Не примчив. Другие ребятишки хворают, а его ни одна болезнь не берет.

Старики сошлись. Пришел Саша Ныртиков и сел в их ряду.

— Ты, Александр Степаныч, то же в старички определиться хочешь? — насмешливо спросил его Мирон Батманов.

— Нет, мне еще рановато. Послушать пришел.

Алексей решил долго не задерживать стариков.

— К плохому, — заговорил он протяжно и громко, чтобы тугие на ухо старики слышали каждое слово, — наш колхоз мигом скатился, а к хорошему его приходится втаскивать. Дело трудное! Мы нынче работаем напористо, вползаем наверх, мужаем и крепнем. Возрождаемся! Дошло до того, что мы насмелились Терехово вызвать на соревнование, хотим лучше и быстрее его управиться с делами, выращивать больше зерна, картошки и овощей, иметь больше молока и мяса.

— Ой, трудно тягаться с Андроничем, — сказал Назар. — Веньямин мудер очень!.. У него все по струнке ходят...

— Тут надо хоть разорваться, а не поддаться, — закипятился Евсей Алфеев и потряс сухоньким кулачком. — Всем встать за одно! Тогда можно и Ненаглядного положить.

— По-о-ложить, — покосился на него Косачев, — чай, это не в драке...

— Я в других смыслах, — накинулся на него Евсей. — Понимать должен, о чем речь идет! До чего дожили! Тереховским поддались... Думинские, бывало, завсегда над ними верх брали.

— Виниамин мудер, но и мы помудровать можем; за этим сегодня и собрались, — продолжал Алексей. — Давайте помудруем. Начнем с удобрений. Каждому звену хочется побольше сдобы положить на свой участок, а ее нехватает. Может, вы скажете нам, где поискать...

Старики задумались.

Карп Кочетков стукнул об пол подошком:

— Достань дедовского навозу, снопы будут валиться с возу.

— Известно: дедовский хорош, но где его взять?

— По задворкам надо пошарить, — подал голос нетерпеливый Алфеев. — Надо пошевеливаться!.. Сказали бы мне, я бы давно все задворки обшарил.

— На задворках найдется, — подтвердили старики.

— Правильно! — одобрил суровый Кочетков. — А еще на ме-

сте барской усадьбы он есть. Там бурьян да щебень, а под ними навоз. Это доподлинно мне известно. Конюшни там были, скотные дворы. Там его страх сколько... Мы потом пользовались им, но и сотой доли не выбрали... Тридцать годов он прел. Лучше чернозема. Оттуда весь надо вывезти; вот будут снопы так снопы...

— Еще будет пользителен перегной из леса...

— Это все знают.

Евсей Алфеев вскочил с места и протянул свою маленькую руку, требуя особого внимания:

— Вот чего: ил с Выремши берите! Берега у ней низкие, она много всего удобрительного приносит из лесов и полей. На Любиде этого нет. Она благородная — в высоких бережках свои струи плетет и течет быстро.

— Ил с Выремши скажется, — подтвердили старики.

— Он силу в земле возымеет.

— Евсюша молодец! Он будто и не глядит, а видит.

Выслушав стариков, Алексей Ивонин перевел на другое. Он заговорил о молотье. Как бы поскорее с ней управиться. Что скажут старые мастера.

— Нашел мастеров, — тоненько рассмеялся Евсей Алфеев.

— Да-а, — покачали головами старики, — отыскал молотильщиков...

— А что? — удивился Алексей.

— Мы ведь, бывало, цепами стучали — надрывались, а вы через машины живо пропустите. Вон Евсей драться был охотник, а молотить не любил, — задел приятеля Карп Кочетков.

— А чего любить... Только все руки себе отколотишь.

— Через машины пропустим, но получится неособенно живо, если дожди помешают, — заметил Алексей. — Надо поживее и без задержки. Хоть вы молотильщики, как говорите, и плохие, но помочь нам можете. Вы кое-что хорошее знаете. Никто из нас, например, не умеет лучше вашего скирды складывать...

— На это мы мастера.

— Скирду можем сложить и кувшином, и четырехугольником, и многогранником...

— Вот нашей молодежи и раскройте всю эту технику, все уменье передайте.

— Покажем и расскажем.

— И заскирдовать надо поскорее, а то вдруг заждит, а у нас хлеб еще в поле.

— Заскирдуем так, что ни одна капля не удержится, самая даже малая живо скатится со скирды.

— Видите ли, — задумчиво продолжал Алексей, — хочется ведь все получше наладить с уборкой и справиться поскорее. Вы сами хорошо знаете, что такое сельское хозяйство! Вот сейчас и людей, и времени хватает, а придет уборка, сразу почувствуется нехватка. Нам хочется, чтобы вы нам помогли на убор-

же! Сил-то у вас хоть и немного, но ведь есть работы легкие... Нынче мы хотим раньше других колхозов всё убрать с полей и посеять озимые в середине августа.

— Что ж, мы поможем!

— У нас еще и сила найдется и сноровка есть.

— Мы ведь отстали оттого, что дело-то в артели все неладилось.

Старик Алфеев неожиданно вскочил и закричал:

— В лепешку расшибемся, а уберем раньше Терехова! Докажем, что мы думинские... Да, да! Мы всем сердцем вас молодых всегда поддержим!

Он подбежал вдруг к столу и перед самым носом Алексея постучал пальцем:

— А вот вы неправильно с нами поступаете!

— А что такое?— встревожился Алексей.— Почему неправильно.

— Да как же... Собрали нас, а никакого протокола нет! Мы рассказывали, рассказывали, а из вас никто даже карандаша в руки не взял. Нешто это обращение? Стало быть, все наши слова мимо вас за окошко вылетели. Смотрите!— грозно поднял голос старик.— Не станет нас, вы совсем не будете знать, какое было Думино до Октябрьской революции.

Дедушка Алфеев махнул рукой, ушел от стола и не сел на свое место, а встал у двери, решив послушать еще немножко и раньше времени отправиться домой.

Алексея смутили эти яростные слова старика и он торопливо заговорил, чтобы скорее успокоить его:

— Ты, Евсей Корнеич, совершенно правильно говоришь. Мы думали как раз об этом. Но протокола тут мало, нужно что-то более основательное: книга. Ее собирается составить товарищ Чайнов. Он вам сейчас об этом и скажет. Наум, говори!

— Я хочу записать в тетрадку всю историю села,— начал Чайнов.— Мне надо со всеми стариками потолковать. Если мы за это примемся сейчас, то нам и ночи нехватит. Давайте вот как сделаем! Вы припомните все, что знаете, а я постепенно буду заходить то к одному, то к другому и записывать.

— Ты скажи, чего тебе припомнить-то!

— По какой части?

— Мы ведь много всего видели на своем веку.

— Если все припомнить, так тетрадки твоей нехватит.

— Надо записать не только крупные события — выступил Алексей, — но и памятные картины жизни, происшествия в быту, в отношениях между людьми. Вот Евсей Корнеич помянул сегодня о драках... Кто знает теперь, что прежде в каждой деревне и деревушке то и дело происходили драки. Следует записать, по каким причинам они возникали и почему теперь этих драк совершенно нет, что о них у нас и слы-

хом не слышать. Это только один пример... Мало ли всего интересного найдется... Припоминайте истории, происшествия, людей того времени; все это необходимо для сравнения: вот что было прежде, вот что стало сейчас, вот какие люди были раньше, вот какие теперь. Я еще прошу вас провести беседы с молодыми колхозниками!

— Мы речи-то держать негоразды.

— На-а-шел докладчиков, — саркастически заметил старик Алфеев.

— Я вас в докладчики не выдвигаю, — усмехнулся Алексей. — Мы сделаем вот как! В каждом звене у нас есть агитатор. Тех из вас, которые побольше помнят существенного, я буду направлять в звенья вместе с тем или иным агитатором. Он проведет беседу, а потом, когда нужно, попросят вас выступить. Тут вы попросту и расскажете о прошлом Думина. Так будет и колхозникам интересно и вам полезно, а то, я вижу, вы отошли от жизни колхоза. Рано отходить, товарищи старички! До гробовой доски надо жить всей душой вместе с родной артелью. Принимайте участие в делах, насколько сил ваших хватит, поощайте наши собрания, беседы, а то ведь в отрыве от большой жизни спокойная старость превратится в тоскливую и одинокую старость.

***

На другой день Иван Косачев пришел к Алексею до зари. Он постучал в окно и крикнул нетерпеливо:

— Долго залежался, пора вставать!

— Что тебя с полуночи сегодня подняло? — крикнул ему через окно Алексей. — Ты у меня спать скоро перестанешь...

— Идем скорее, а то улыбнется нам навозец-то...

— Куда он девается?

— Полежи еще, увидишь куда; все звенья разом налетят и разнесут, как ветер солому. Приятно ли, если скажут, что в звене секретаря партийной организации урожай ниже, чем в других звеньях? На слова, скажут, мастер, а на дела — божья коровка...

Алексей быстро оделся и вышел на улицу. Косачев восхищенно посмотрел на него:

— Вот это по-офицерски!

Собрали звено и отправились на место бывшей барской усадьбы. Там расчистили от бурьяна и щебня площадку.

Солнце выкатилось из-за леса большое, пламенное. Поднялось, припекло. Утренняя прохлада робко свернулась и убралась под деревья, за стены домов и сараев.

— Не спалило бы опять все, — слышался встревоженный голос.

— На жаре работать сразу стало вдвое труднее, — пожаловался Саша Ныртиков.

— Ничего, Александр Степаныч, нажимай, — крикнула Христина Теплова. — Нивка пот любит.

— Вырастили по полтораста пудов с гектара! Это легко сказать, а сколько труда положено, пота пролито — нелегко представить.

Вскоре явился сюда Мирон Батманов со своим звеном. К нему живо подлетел Иван Косачев:

— Прошу не располагаться! Найдите сами себе удобрения и возите вволю, а наше не трогайте.

— А это удобренье вы откупили что ли? — насмешливо спросил Мирон.

— Мы собирали стариков...

— Кто это мы?

— Наше звено.

— И я на этом собрании был, ты, наверно, видел меня. Но ты совсем стал молодец: за интересы своего звена стоишь... Привыкай, привыкай. Потом привыкнешь и обо всем колхозе заботиться.

Пахло нагретым перегноем и примятым бурьяном. Низко над землей гудели шмели: кто-то задел вилами их гнездо.

Все жарче разгоралось солнце, на разогретом навозе становилось душно. Пот обильно выступал на лицах.

Но вот с поля побежал юркий ветерок. Молодая береза лениво принялась перебирать свои длинные сержки, но старая береза осталась спокойной: ветерок обессилел и упал в ее тень, спасаясь от жары.

Возле того места, где стояла прежде барская усадьба, проходит дорога. Редко-редко на ней появится путник, еще реже чья-нибудь подвода.

Вот спешит куда-то Тихон Старостин. Алексей Ивонин окликает его и манит к себе пальцем:

— На одну секундочку!

Несколько шагов, и Старостин стоит уже рядом с другом.

— Оказывается, я недурной совет тебе тогда дал, — говорит тихо Алексей и улыбается. — Налаживается!

— Не может быть? — не верит Тихон.

— Будто и не знаешь. Не прикидывайся! Ну, иди куда пошел. Некогда, время-то птицей летит. Ты понимаешь, о ком разговор?

— О Тане.

— Ну да!

По дороге катит на велосипеде Степан Густомесов. Он похож на глыбу, водруженную на два колесика. Пыль серой метелкой мотается за велосипедом. Солнечный свет плещется в блестящих спицах колес.

Вот уже Густомесов подкатил к правлению и скрылся там. Через недолгое время они с председателем отправились в поле.

Полчаса спустя на дороге появилась подвода, нагруженная столами, стульями, мешками и разной житейской рухлядью. За подвоей шел незнакомый возчик, а позади его Щедриков и Анфиса.

— В поселок переезжают, — сообщила бабушка Стратилатова. — Решили из Думина убраться. А дом продавать Щедриков не хочет. Она — продавать, а Щедриков жметя... Вдруг, говорит Щедриков-то, она меня высадит из саней, куда я денусь?

— Если кто лучше подвернется, она, не задумываясь, высадит его, — предсказала Анна Доброхотова.

— Уезжает, — облегченно вздохнула Паша Иволина. — Это самое лучшее, что она когда-либо могла придумать. Без ее сплетен в селе будет больше дружбы и согласия.

— Там она посадит его свой угол стеречь, да кошель беречь, а сама гулять пойдет, — сказала бабка Стратилатова.

Иван Косачев проводил Щедрикова ненавидящим взглядом:

— В гору-то семеро тащат, а с горы и один столкнет. Он столкнул наш колхоз, а теперь изо всех сил приходится подымать. И под суд он отдал: сумел увернуться. Из-за него я тогда и от артели отбился. Увидел, что все врозь пошло, руки у меня и опустились.

— Он разваливал, а ты, выходит, только стоял да любовался, — осадил его Мирон Батманов.

— А мне только и оставалось любоваться... Что я мог поделать?

— Сговориться с колхозниками и посадить его с поста председателя.

— На это, брат, уменье надо.

Перед обедом появился Нефед Степаныч и сказал Алексею и Мирону:

— Поторапливайтесь с вывозкой удобрений! На днях густомесовская бригада придет, ей много земли надо подготовить.

* * *

Валентина Цветова была ровесницей Алексею Иволину. Дома их отцов стояли рядом, они жили „угол об угол“, в детстве вместе играли, дрались, бегали в лес по грибки, по ягодки. В школе учились в одном классе, и Валя нередко прибегала к Алеше Иволину списать изложение или задачу.

В семнадцать лет она — чернявенькая, высокая, тонкая девушка — ходила уже на гулянки.

„Вот что значит девка-скороспелка, — рассуждал тогда Лука Иволин. — Обогнала моего-то парня. Мой Алексей еще только в рост пошел, а она уже вытянулась — вон какая. Правда, мой парнишка что-то тягуче растет и поздно, видно, поспеет. Ну ничего — дольше жить будет.“

В свои семнадцать лет Алеша выглядел застенчивым, мешковатым подростком. На гулянках он несколько раз слышал за своей спиной девичий смех и обидное слово „коротыш“ и с тех пор стал редко там показываться. Валя высокомерно поглядывала на коротыша и своенравно обходилась с ним, если он пытался ухаживать за ней. Это охладило их соседскую дружбу и отдалило друг от друга.

Прошло несколько лет. Алексей подрос, вытянулся, отслужил свой срок в Красной Армии и вернулся мужественным, уверенным в себе парнем. Он был широкоплеч, здоров, трудолюбив и смекалист.

Валя жила еще у отца: засиделась в девках. Ей давно уже надоела гулянка, она вдосталь напелась и наплясалась на них, но жениха не нашла.

Алексей теперь приглянулся ей, но тот не возобновлял своих ухаживаний за своенравной и заносчивой соседкой.

Когда же он женился на Паше, Валя Цветова почувствовала острую боль утраты, почувствовала, что Алеша дорог ей, близок сердцу, необходим. И Вале показалось, что она любила Алексея давно и сильно.

Боль утраты с течением времени утихла, чувство угасло, но минувшей весной оно вспыхнуло с новой силой.

Думинский колхозник Алексей Ивонин вернулся с фронта офицером. Он стал еще более приглядным, стройным, мужественным. Одевался чисто и аккуратно, не забывал побриться, отличался точностью, добросовестностью и в делах, и в отношениях с людьми. Он усердно трудился в артели, любил колхозников, умел с ними дружить, был уважаемым человеком в селе, и Валя опять почувствовала, что это был тот, с которым она могла быть счастливой.

Женщины заметили, что Валя Цветова старается чаще встречаться с Алексеем и бывает весела и радостна в те дни, когда ей удается постоять и поговорить с ним.

Коллективом агитаторов в колхозе руководила Серафима Петровна. Валентина убедила ее, что только один Алексей пользуется авторитетом у огородниц, только он по-настоящему может помочь им.

Ее доводы показались Серафиме Петровне убедительными, и она назначила Алексея агитатором в огородную бригаду.

Нельзя сказать, чтобы Алексей был безразличен к Вале. Кудрявая и стройная соседка нравилась ему, но его чувство к ней всегда только тлело и никогда не горело огнем.

„Это не то чувство, которое способно озарить все новым светом вокруг тебя и наполнить душу восторгом,— говорил он себе. — Если это любовь, то очень маленькая, недоросшая“.

Что же мешало ей дорасти? Валя нравилась ему внешне, но своенравным характером, непостоянством в своих чувствах была не по душе. С ней пришлось бы жить, многое прощая,

или относиться к ней так, чтобы она постоянно чувствовала над собой строгую власть мужа.

Нынче он видел, что Валя тянется к нему, но относил этот порыв к особенностям ее характера. Да и как разобрать, что это за порыв? Не одна она, многие нынче искали с ним встреч, заходили разговоры, просили советов, звали в свои звенья провести беседу, посмотреть урожай. Не всегда ведь заметно, где кончается уважение и где начинается любовь.

***

Перед тем как послать тереховцам вызов на соревнование, его обсуждали во всех звеньях и бригадах.

Алексей проводил беседу в огородной бригаде. Он ознакомил огородниц с положением в Тереховском и Думинском колхозах, прочитал вызов соседям и заговорил о том, что трудно тягаться с тереховцами, но все-таки можно их опередить.

— Опередишь их, — угрюмо заворчала Ефимья Гречишниковва, — у них теперь дождевальная установка! Отвернул крантик и полил все до корня, когда тебе угодно. А у нас вот какая дождевальная-то установка, — воскликнула она и брякнула подвернувшимся под руку ведром.

Звонкие и певучие, пронзительные и визгливые голоса понесли со всех сторон:

— Нынче опять жара...

— Льем, льем и все мало.

— Ведрами-то потаскаешь...

— Стараемся.

— Жалко ведь, если спалит.

— Все-е руки себе оттянули.

Алексея тронули эти разрозненные, от души идущие возгласы и он неожиданно для самого себя сказал:

— Мы вам на жаркое время пожарную машину...

Огородницы так обрадовались, что не дали ему договорить:

— Вот это еще туда-сюда...

— Хоть побольше польем.

После беседы колхозницы быстро исчезли — заспешили домой.

Валя Цветова оживленно заговорила с Алексеем о машине: когда ее привезут, да где поставить и будет ли при ней специалист.

Стройная, сухая, чернявая, она неуловимыми движениями подвигалась ближе к нему и много говорила, стараясь задержать его около себя.

В сарай закрались уже сумерки, а Валя все шутила, смеялась. Ее оживление и веселье показались ему беспричинными. Он двинулся на волю. Валя сразу смолкла, поскутчала. Тихо вышла вслед за ним. На тропинке в конце огорода опечаленно протянула руку для прощанья.

— Что ты так сразу загрустила? — невольно спросил Алексей.

— Скучно одной...

— Замуж тогда выйди.

— За кого?

— За любимого.

— Мой любимый занят.

— Кем?

— Женой.

— Зачем же ты полюбила женатого?

— Сердце велело.

— А он тебя любит?

— Не знаю... Едва ли...

— А жена его любит?

— Очень.

— А он жену?

— То же.

— Стало быть, никакой надежды?

— Никакой.

— Безответная любовь!

— Выходит, что безответная.

— Тяжелое положение!..

— Тя-я-желое...

— Но выход должен же быть!

— Любовь всюду находит вход, но не ищет выхода.

Алексей по своей привычке слегка коснулся ее плеча и успокоительно проговорил:

— Встретишь другого не хуже, а может быть лучше его.

— Таких у нас больше нет в селе.

— Свет на нем клином сошелся?

Валя решительно тряхнула головой, волосы кудрявые беспорядочно переплелись колечками:

— Да, сошелся... Он один такой!

— Это тебе кажется... В соседних деревнях и селах, может, получше есть!

— Может, и есть, но далеко они, не достанешь.

Алексей помолчал, помялся и спросил:

— Что же тогда делать?

— Не знаю, — коротко вздохнула Валя своим легким дыханием.

— Тогда и я не знаю.

— Ты знаешь, но...

Валя неожиданно замолчала, испытующе поглядывая на Алексея.

— Что это за „но“?

— Ничего...

— Ты договаривай!

— Я уже все сказала.

— Ты сегодня, Валенька, что-то много шутишь. Тебе, видно, поболтать захотелось.

— Эх, если бы это была только болтовня... Я не нахожу выхода и ты не хочешь искать его. Как же быть?

— Оставить все так, как было.

Алексей сделал прощальный жест рукой и медленно пошел к селу, сбиваясь с тропинки.

Такие тропинки, узкие, мягкие, приветливые уходили от огорода во все стороны. Одни из них вели в разные части села, другие в поля. По ним хотелось брести до самого горизонта.

Тихий вечер, казалось, остановил всякое движение на земле и на небе. В вышине застыли облака. На тропинках, на дороге, на улице села ни подводы, ни путника. И в этом безлюдье задумчиво бредет только один человек, низко опустив голову.

Заколосившаяся рожь стоит недвижимо. С лугов волнами накатывается ароматный воздух, обдавая влажным теплом. Солнце давно скрылось, но над лесом полыхают ещё его багровые отсветы.

Алексей остановился полюбоваться тихими вечерними полями, потом оглянулся назад. Валя неотрывно смотрела на него. Она стояла все на том же месте, только облокотилась на прясло огорода.

Алексей укоризненно покачал головой: ну чего ты, дескать, затеваешь.

Валя поняла его, но не смутилась, не изменила положения, не отвела взгляда.

***

Через несколько дней, вечером, когда Алексей вернулся с поля, Паша сообщила:

— Соседи говорят, что к тебе сегодня два раза Витя Горшков заходил.

— Не знаешь зачем?

— Я сама только что пришла, его не видала. Говорят: принесил какую-то бумажку.

Бумажку! Странно. Он вспомнил, что Горшковы живут рядом с Цветовыми, и в голову пришло предположение, которое показалось вероятным: Валя записку прислала! С неё станется. Она может пойти напрямки.

Паша увидела в окно Витю Горшкова и сообщила:

— Вон мальчик, кажется, опять к тебе идёт.

Алексей густо покраснел. Ему первый раз стало неловко перед женой. „Что со мной? — раздраженно подумал он. — Вот что значит быть совестливым человеком. Не зря мать бывало говорила про меня: „Его палкой не перешибешь, а словом убьёшь“.

Мальчик появился в двери и встал на пороге. В правой руке он держал какие-то бумаги, свернутые в трубочку.

„Влюблённые таких бумаг не присылают“, — мелькнула в голове отрядная догадка.

— Дядя Леша! — мальчик старался говорить спокойно, но голос его дрожал. — Я слышал, что вам папины записки нужны?

— Нужны, Витенька.

— Вот всё, что у меня осталось, — сказал мальчик, передавая бумажную трубочку. — Остальные я ребятам роздал. У них тогда бумаги нехватало... Я был мал... Только учился читать... Не знал, что тут важное написано... И не думал, что потребуется... Мне было пять лет, когда папа на фронт уехал. — Спазма сдавила мальчику горло, но он пересилил себя и добавил:

— Теперь я побольше стал... Теперь я бы сохранил! Да теперь и бумага есть... В школе тетрадок дают вдосталь...

— Ты не беспокойсь, Витенька, — нежно заговорил Алексей.

— Мы почти все уже разыскали... Твой отец был умный человек и нам его записки очень дороги. Ты хорошенько учишь и старайся во всем быть похожим на отца! Его память храни!..

Витя ушел. Алексей развернул и стал читать. Это были последние страницы записей, написанные крупно, бегло, наспех.

„Ушли на фронт мужчины и даже несколько девушек. Валя Цветова, уезжая, сказала мне: „Поедёмте, Ефим Васильевич“. Прошусь, говорю, но меня ещё не отпускают пока. Но скоро, наверно, увидимся на фронте.“

Отдали армии лошадей, приучили к упряжке быков, бычков и малоудойных коров.

Таня Букова бороновала на Крутояре и Демоне. Откуда ни возьмись — волк. Он готов был броситься на одного из быков. Демон, выгнув шею, страшно взревел и ногами стал бить пласты. Волк не отступил, продолжал стоять всё в том же угрожающем положении. Тогда Крутояр и Демон бросились на волка, но упряжь и бороны мешали им.

Волк испугался грозных быков, отбежал в сторону и остановился недалеко от девушки. Таня замахнулась на него хвостом и закричала: „Что ты, стервец, пристаёшь... Хочешь, чтобы я тебя в борону запрягла“. Зверь подался и пошел к лесу.

Так говорят в селе. Я этому верю. Таню зовут теперь „укротительницей зверей“.

Алексей перечитал это место ещё раз жене и спросил, вправду ли так было.

— Истинная правда, — ответила Паша. — Её долго звали потом укротительницей, потом попрizaбыли.

„Ушли на врага наши знаменитые бригадиры, животноводы

пахари, косари, — читал дальше Алексей. — Их заменили в колхозе старики, жены и дети. Теперь не редкость в поле такой пахарь, которого еле разглядишь за плугом. Издалека кажется, что лошадь пашет одна. На днях я вышел в поле и вижу: на пашне стоят бычки с боронами, а около их — никого. Огляделся вокруг — нигде не видно моих маленьких бороновальщиков. Куда они подевались? Слышу голоса в берёзовой роще. Я туда. Мишутка Теплов, Валерка Алфеев, Клим Кочетков ловят зайчонка. Сняли пальтишки и стараются его накрыть, а зайчонок бойкий попался: увёртывается. Дети! Увидели зайчонка и забыли обо всём. Ребята! Лошадей им не доверяют, работают они на двухгодовалых бычках, которых сами приучили к упряжке. Сначала водили на поводке, потом впрягали и манили к себе куском. Бычки шли за куском, втягивались... После этого нетрудно уже было приучить их к вожжам.

Этим ребятам ещё бы бегать да гулять, а тут пришлось приниматься за дела. Их зовут теперь „кормильцами“, „помощниками“. Верно: они хорошо помогают, проявляют много усердия и природной сноровки.

Я стоял, любовался мальчиками, вспоминал своё детство, а они с охотничьей страстью носились за юрким зайчонком.

Но задушевные дружки-приятели скоро заметили меня и смешались:

— Дядя Еня, мы сейчас, — заговорили они виновато.

— Мы только пока быки отдыхают.

— Мы хотели его в школьный уголок природы...

— Мы сегодня всё равно норму выполним!

— Ничего, говорю, ребята, ничего... Вам ещё и за зайчонком побегать не грех. Что же вы поймать его не сумели?

— Он, дядя Еня, большеенький — так и сигает, так и сигает...

К таким ребятам мы приставили стариков, которые настаивают их правильно пахать, бороновать, работать на сеялках, косилках. Ребята быстро понимают всё и становятся хорошими работниками.

А горе ходит от дома к дому. В одном горюют — писем от фронтовика давно нет, в другом льют слезы: пришло известие — пал смертью храбрых... Безмерного восхищения заслуживают наши женщины. Все артельное хозяйство держится главным образом их трудами и заботами.

Вот вдова Христина Теплова, притихшая, безмолвная. Вчера она получила с фронта скорбную весть, а сегодня я вижу её в поле, на работе. „На людях, с подругами и горе легче“, — говорит она.

Мужественно держится наше село в эти дни великого

испытания. Люди трудятся от зари до зари. Только ночь и непреоборимая усталость заставляют их отправляться домой.

Трудно, мало сил у нас, но мы засеваем все до последнего гектара, лелеем ниву, убираем. Приходит богатая осень и мы отправляем десятки обозов с хлебом фронту и городам.

Дальше почерк неровный, еще более крупный, запись то-ропливая:

„Пришла моя пора: я отправляюсь на фронт. Только что сообщили о разгроме немцев под Сталинградом. Надо добивать врага. Каким будет мой родной колхоз, когда я вернусь? Без меня он выстоит или пошатнется? Остаются здесь только старики, женщины, дети и несколько слабосильных, болезненных колхозников, забракованных медицинской комиссией.

Судьба колхоза меня тревожит больше всего. С ним связана самая лучшая пора моей жизни, самые глубокие переживания, ему отданы самые светлые мои думы.

Сколько я потратил сил и энергии на создание его! Каждый довод в пользу артели я повторял не сотни, а тысячи раз.

В разных местах, при всяком удобном случае убеждал то горячим словом, то шуткой, то смешком, на все лады доказывал выгоды коллективного хозяйствования.

Многих мужиков брала опаска, они жались, мялись, отговаривались, соглашались со мной и опять шли напопятную. Сколько тут нужно было проявить силы воли, настойчивости, чтобы не вспылить, не взбеситься, не закричать на них!

Но один был я ничего не сделал.

Меня крепко поддержали Лука Ивонин, Тихон Старостин, Петр Долотов. Они были моими верными помощниками.

Люди хозяйственные, трудолюбивые, трезвые, они одним своим вступлением в артель сделали уже многое; за ними пошли середняки и все колеблющиеся почувствовали себя тверже в колхозе.

Лука Ивонин покинул свет. Мир твоему праху, старый колхозный строитель!

Молодой Тихон Старостин на фронте.

Петр Авдеич Долотов стар, ему уже седьмой десяток.

Думино никогда не должно забывать их имена!

Они должны быть записаны в историю села!

Все свои замыслы мы претворили в жизнь и заслужили благодарность односельчан. Радостно было слышать, когда они говорили: „Наладили колхоз, выполнили свои обещания“.

В такие минуты я был бесконечно счастлив!

Писать больше нет времени. Сегодня я должен проститься со всеми и отправиться.

До свидания, дорогие мои колхозники, родные мои односельчане! Мы вернемся и отпразднуем нашу великую победу!

Мы вернемся и сделаем нашу жизнь еще краше, чем до войны.“

***

Дождей все нет и нет.

Сушь.

Рожь побурела.

Но от весенних ливней, подкормок и боронований она с весны поднялась густая, высокая, затенила землю и, благодаря этому, сохранила весеннюю влагу.

Рожь сейчас набирала зерно.

Озимая пшеница стояла еще зеленая.

Нефед Степаныч обходил поля, оглядывал хлеба. Большую тревогу внушали ему яровые. Они выкинули длинный стебель и начинали колоситься. Яровым меньше досталось весенней влаги, она выветрилась во время сева и, не будь теперь дождя, они сникнут и не наберут зерно.

Горох начал желтеть. Его корни стелются в верхнем слое почвы, стало быть, там совсем сухо.

Печально. Нефед Степаныча тянет к людям, хочется отвести с ними душу, развеять тягостное предчувствие.

Звенья работают на полях, поднятых под озимое, второй раз удобряют свои участки перед двойкой паров. Земля до того суха, что из-под ног здесь поднимается пыль.

Встретив бабушку Стратилатову, Нефед Степаныч говорит ей:

— Марья Митревна, проиграла, оказывается, твоя ступня! У звеньев, которые посеяли в грязь, он вышел князь, а у вас еще только в трубку пошел; самый незавидный участок...

— Потерпи, Степаныч, потерпи, родной, — с притворной и хитрой ласковостью ответила бабушка. — Может еще ступня-то поверх грязи пойдет!

— На дождичек намекаешь? Надо бы, вот как надо бы дождя! Но что-то и не пахнет им...

— Дай срок, запахнет... Еще пока ничего не проиграно.

Звенья Алексея Ивонина и Мирона Батманова работали рядом.

Саша Ныртиков и Мирон Батманов вели громкий разговор. И, видимо, очень острый разговор, потому что то в одном, то в другом звене раздавался смех. Нефед Степаныч прислушался.

— На Стрелке, говорят, все червяки испеклись, — задирает Батманова Саша Ныртиков.

— Вот и хорошо, — отвечал Мирон. — Картошке вредить не будут...

— Ты, все-таки, размачивай свой сухарь, а то и не разжусь, — наседал Ныртиков.

— Нечем, понимаешь, размачивать-то, — вздохнул Мирон.

— А весной ты говорил, что воды тебе для полива Стрелки хватит... На попятную пошел. Не хочется размачивать-то.

— Весной-то бы хватило, а теперь нехватит, потому что ты, говорят, всю воду из Выремши на свой огород перетаскал.

Тут уж никто не мог удержаться от смеха. Смеялись оба звена.

— Вот так поддел!

— Ну и Мирон.

— Вдыхал-вдыхал да и наметился...

— Саша до того залил свои гряды, что у него вся овощь в ботву пошла, — сообщил Иван Косачев.

— А ты чего свой язык тянешь, — вскинулся на него Ныртиков.

— Почему же мне не тянуть. Говорить что ли я не умею.

Саша Ныртиков, весь красный от смущения, надулся и отошел в сторону. Мирон Батманов снисходительно посмотрел ему вслед.

— Ныртиков с Косачевым в ссоре что ли? — спросил Алексей Нефед Степаныч. — Раньше они были дружки — водой не разольешь.

— Черная кошка что ли между вами пробежала? — спросил Алексей Ивонин Косачева.

— Житья с ним нет, — нахмурился Иван. — Воды в колодце теперь мало... С утра он всю вычерпает и переносит на свой огород, а соседи хоть целый день без воды сиди.

— А говорят вон, что он с Выремши носит.

— Сначала колодец опустошит, а потом и с реки носить начинает. До Выремши-то ведь далековато! Широкий луг надо пересечь... Немного натаскаешь. Да еще придирается ко мне: мелет всем, что его курица у меня на дворе несется... До чего ж мелкий: сидит, как-то раз вижу, за углом, следит — зайдет его курица ко мне на двор или не зайдет. Разжирею я от яйца его курицы... Нужно мне...

— Обиделся ты на него, видать, — заключил Алексей. — Это пройдет. И в Саше ведь есть хорошее. Помнишь, как он дом отделявал Христине Тепловой. Не для себя старался!

— Бывают с ним такие прояснения, — согласился Косачев.

— Из-за курицы дружба врозь, — усмехнулся Нефед Степаныч.

— Сладятся, — сказал Алексей. — На каждой работе я их рядом буду ставить, совместный труд примирит.

„Я их помирю, они сладятся, — задумался потом Алексей. — Они со мной вместе работают. Я с ними не раз побеседую по этому поводу, но ведь не одни они так живут. Надо собрать всех колхозников и потолковать с ними обстоятельно“.

На собрании парторганизации он поставил вопрос о проведении очередного открытого партийного собрания. Сообщил

о своих отношениях и разговорах с Косачевым и Ныртиковым и заключил:

— Все это навело меня на мысль поговорить с колхозником о том, как должен работать и вести себя настоящий колхозник. Открытое партсобрание должно подсказать колхозникам правильные дела, поступки и мысли. Я подготовлю небольшой докладик, а вы все обдумайте свои выступления, чтобы собрание было живым, интересным.

— Алексей Лукич, — обратилась к нему Серафима Петровна. — Вы задумали замечательное дело, я приветствую, но предлагаю сформулировать вопрос короче и проще. У вас там как записано?

— Как должен работать и вести себя колхозник, — прочитал Алексей.

— Я предлагаю, — продолжала Серафима Петровна, — озвучивать так: каким должен быть колхозник.

— Вво! — обрадовался Алексей. — И коротко и ясно. Мы так и в объявлении крупными буквами напишем.

Накануне собрания Алексей сказал Косачеву и Ныртикову: — Вы обязательно приходите! Я и о вас буду говорить, но вы не обижайтесь, дружба наша от этого не должна пострадать. Дружба не в том, чтобы говорить друг другу ласковые слова; дружеская прямота и правда дороже ласкового слова.

Перед тем, как идти на собрание, Ивоиныны, по своему обыкновению, оделись по-праздничному. Алексей начистил сапоги, умылся и с удовольствием надел белую вышитую рубашку, тщательно выглаженную женой. Паша обула туфли на высоких каблуках, нарядилась в летнее маркизетовое платье и опять показалась Алексею выше, стройнее и моложе, чем в будни.

И колхозники явились на собрание приодетыми, особенно девушки. Даже Ныртиков надел чистый пиджак, в котором прежде ходил только в город с жалобами. Ивана Косачева Алексей увидел одетым совсем по-летнему: в новой рубашке из желтого сатина, холщевых брюках и ботинках, полученных весной в премию.

Был жаркий вечер. И ветер с полей дул жаркий. Солнце спускалось к горизонту по чистому небу, обливая багрово-красным светом мутную дымку далей. Ветер приносил из лесов едкий запах гари, этот непрременный запах грозной засухи. В селе было тихо, сонно, а в полях нивы все еще шуршали и низко склонялись под назойливым ветром.

„На зака-а-те ходит паа-а-рень“...

Без воодушевления, словно по обязанности, затянула Груня Мягкова. Ей подтянуло несколько девичьих голосов, но вяло, неохотно...

— Песня-то даже не поется, — сокрушенно сказал Нефед Степаныч Алексею. — На сердце у всех тревожно. Дождей

все нет и нет, того гляди, в полях сгорит все, а это у каждого в душе отзывается.

Двери и окна в помещении были открыты настежь, ветер свободно пролетал из окон в двери, но не приносил освежения.

Алексей быстро установил тишину, открыл собрание. Прошло некоторое время, пока избранные в президиум занимали места за столом, потом выделяли председателя собрания. Предложили занять председательское место дяде Пете Долотову, но он сказал:

— Пора молодым привыкать. Берись-ка ты, Павла Сергеевна.

Паша взялась и предоставила слово Алексею Ивонину. Он отошел в сторону к маленькому столику и развернул на нем блокнот.

— Сперва поговорим о личном и общественном, — начал секретарь парторганизации. — Разговор всем знакомый, но для нас все еще новый.

Он четверть часа уделил этому вопросу и заключил:

— Нынче у нас нет таких, которые бы целые дни проводили на своих огородах, но наблюдаются вот какого рода явления. Александр Ныртиков, например, является к нам в звено позже всех, еле переводя дух. Он встал с зарей, покопался в огороде, перетаскал для поливки гряд свыше сотни ведер воды и припелся в звено таким усталым, что едва двигает руками и ногами.

На скамьях послышался смех.

— Я говорю, товарищи, не для того, чтобы посмеяться над Александром Ныртиковым, — сурово поднял голос Алексей. — И кроме его у нас есть люди, которые оставляют силы на приусадебном участке. Разве это правильное сочетание личного и общественного? Свой полугектарный усад можно полить, а колхозное поле нельзя? Если каждый полет по полугектару колхозных посевов, какую площадь это составит? Около ста гектаров? Вот видите! Так можно спасти половину артельных хлебов. Пока еще большой угрозы нет, но если засуха будет продолжаться, мы начнем полив. Продолжу разговор о засухе. Буду говорить фактами. Вот Иван Косачев. Он не новичок в артели. Иван Косачев в общем старый колхозник, и мужик смекалистый. Как он вел себя в прошлые годы? Урожай предвидится хороший, он готов работать день и ночь. Засуха, урожай мал, трудодень намечается маловесный, Косачев бросает дело, ударяется в город или отгораживается от артели охотничьим билетом. Это пример разительный, он сам просится на язык. Вот сейчас засуха. Мы не знаем, долго ли она продлится. Что нам делать? Опустить руки, бросить все? Нет! Мы не побежим из села, не пойдем за охотничьими билетами, не повесим головы... Будем бороться с невзгодой, спасти посевы! Только так должны вести себя настоящие колхозники! Я уже

не стану больше упоминать Ныртикова и Косачева. Они нынче проявили такую охоту к исправлению, что начинают заслуживать уважение. Я скажу только, что вот живут два соседа... Один часто и подолгу стоит за углом, следит: не ходит ли его курица на двор к соседу нести яйца. В единоличке такое подглядывание было обычным явлением, а в колхозной жизни позорно... Настоящий колхозник лучше потратит это время для того, чтобы дойти до артельного курятника и узнать, как там идут дела. Ведь каждый из нас хозяин своей артели! А сосед, если он настоящий колхозник, придет и скажет: „Твоя кура у меня на дворе яйца несет, заberi ее продукцию“. Честность, искренность, товарищество должны быть у нас во всем! Настоящий колхозник болеет не за свой усад, а за артельное хозяйство, не за свою куру, а за артельный курятник, не за свою овцу, а за овчарню... Заметил непорядок, говори прямо, кричи, требуй устранения; ведь ты хозяин артели, это все твое! Вот когда каждый в душе будет настоящим колхозником, артель станет нашей радостью и гордостью.

— Я самый первоначальный колхозник, — начал свою речь дядя Петя Долотов. — Осьмнадцать лет состою в этом звании и скажу, что колхоз принес мне много радости. При Ефим Васильиче мы пожили хорошо; потом с плохими председателями пошатнулись, но ведь мы все сохранили и теперь идем на поправку, и мне опять радость, что поправляемся. Колхозной радости, я говорю, немало испытал, но я еще доживу и до гордости. Своей работой мы свое Думино славой овеем. Вот я пойду тогда какой-нибудь деревней и за своей спиной услышу разговор:

— Этот старик из Думина. Он у них первоначальный колхозник, первым в колхоз вступил.

После Долотова поспешно взял слово Мирон Батманов:

— Я одну минуту поговорю. Вот дядя Петя помянул про гордость, у меня и загорелась мысль сказать тоже об этом... Я нынче решил взять два урожая картошки. И угораздило меня посадить ее на высотке, а вдобавок еще засуха. Теперь подсмеиваются надо мной: поджаривается, говорит, твоя картошка на корню. И выходит, что я чудак... Мне хоть это и при-
скорбно, но я не опускаю рук. Для богатства и славы колхоза все силы положу, а добьюсь намеченного плана, чтобы потом сказали люди: в Думино нынче два урожая картошки взяли!

Вслед за Батмановым выступил Чайнов:

— Знаю, что вы сейчас подумали: Наум начнет с прошлого. Угадали. Начну с прошлого. Я изучаю его и вижу, что в старое время в нашем селе спорили, бранились, даже дрались из-за клочка травы, из-за пласта земли... К этому толкала единоличная жизнь. В колхозе мы живем дружнее, и недовольство юсталось только в том, что не все мы одинаково хорошо работаем. Надо трудиться изо всех сил, тогда у нас будет пол-

нейшая дружба, и наша колхозная жизнь расцветет полным счастьем!

Поднялась Серафима Петровна и неожиданно воскликнула:

— Для нас колхоз дороже всего на свете! Так говорят настоящие колхозники и в этом духе воспитывают своих детей. И все вы должны так... Все. Мы, учителя, знаем, как радостны и горды бывают ваши дети, когда в колхозе есть успехи. Каждый успех взрослых их окрыляет, прибавляет разума и сил. В хорошем колхозе учителям легче работать. Дети там старательнее учатся, видя яркие примеры взрослых в труде. Я уверена, что если вы нынче летом покажете высокие образцы труда, ваши дети будут много лучше учиться. И настроение у них будет бодрое, прилежания, сил больше, и нам, учителям, одна радость с ними будет работать. Отцы и матери, боритесь за богатство, честь и славу колхоза, будьте настоящими колхозниками, патриотами своей великой Родины; ни на одну минуту не забывайте, что на вас постоянно устремлены глаза школьников, ваших сыновей и дочерей. Они учатся не только у меня в школе, но и у вас в поле! Я их учу только хорошему, и вы учите только хорошему. Сделайте свой колхоз передовым во всех государственных делах, богатым, берегите и расширяйте общественное хозяйство, и тогда дети ваши скажут вам спасибо и станут прекрасными советскими людьми.

Нефед Степаныч говорил о будущем колхоза:

— Мы повышаем урожай зерновых, расширяем общественное животноводство; заканчиваем строительство обширного дома для яслей и детского сада, нового двора на молочной ферме... Собираемся строить свою гидроэлектростанцию! С осени приступим вплотную... Да мало ли мы можем всего построить! Можем увить свой колхоз, ровно гнездышко, если все будем настоящими колхозниками и в делах, и в мыслях.

— Алексей Лукич меня тут почтил и я должен откликнуться, — начал Косачев. — Я виноват — бегал... Но не только один я виноват. Вот с этими вожаками мне и засуха не страшна, а с плохими председателями мне было страшно. Они не только не звали нас трудности переходить, но сами-то мотались все одно, что сонные мухи. Вместе со всеми, да с хорошими вожаками я готов рвануться на любые трудности! Вот я какой, если хотите знать.

Разговорился и Саша Ныртиков:

— Мы с Алексеем Лукичем работаем в одном звене, он узнал нас хорошо и сегодня разукрасил, но от правды не отступил, а на правду обижаться нельзя. И еще не обидно потому, что всё говорилось не для смеха и презрения, а для пользы всем. Я не хвалю себя, я такой колхозник, которому много всего еще надо вдолбить. И хорошо, что Алексей прошлой весной взялся за меня, а то бы я со своим дуриным характером залез прямо в непроходимую... Меня здесь больше всего сегодня пробрало слово

Серафимы Петровны. У меня двое школьников. Способности больше, а учатся неважно. Я всё думал, что из-за школы, а теперь думаю: не из-за меня ли? Другие ребята ватажкой, ватажкой, а мой всё в сторонке. Что такое? Надо думать, что из-за меня. Выходило, что с колхозными ребятами водиться им не рука, раз отец в стороне... И старания в ученье у них поди оттого не было. Муторно я себя чувствовал, когда шёл не в ногу с колхозом. На всех зло, и на себя не глядел бы. Когда я послушал сейчас Серафиму Петровну, мне стало не по себе: не приведи, думаю, бог когда-нибудь моим детям чувствовать себя так!.. И ещё твёрже я решил сейчас честно трудиться, чтобы и себе, и ребятам моим слаще на родной земле жить было. Вот каким полезным мне стал сегодняшний разговор. Да и не одному мне!

***

Знойный, горячий ветер бродил по селу и его окрестностям, тербил верхушки ольшанника на берегах Выремши.

День-деньской бродит, бродит он лениво, потом вдруг взвизгнет, осатанев от скуки, пойдёт крутить жгутами высокую рожь, взвьёт пыль на дороге серым столбом до самого поднебесья и затихнет у леса.

Целый день небо мутное. Раскаленное солнце виднеется сквозь пепельную завесу багрово-красным кружком. С утра до вечера ни одного облачка. Даже ночь не приносит прохлады. Утром короткое время помельтешит над горизонтом бледная заря, потом выкатится солнце, поднимется немного и начнёт палить. В полдень до того становится жарко, что даже птицы скрываются куда-то и куры лезут под сарай.

По ночам где-то сторонами проходили грозы, перекатывались такой гром, будто там осыпались огромные камни и рушились скалы.

Полыхали слепящие молнии, голубой свет раздвигал ночную темноту. От грома и голубых отсветов молний, когда избы озарялись призрачными бликами, думинцы просыпались и лежали, прислушиваясь. Может быть вот сейчас хлынет дождь, крупный, частый, неистовый дождь и в полчаса досыта напоит жаждущую землю.

Но проходили томительные минуты, гром рокотал тише, молнии сверкали реже и удушливая ночная тишина вновь охватывала Думино.

По утрам возникали слухи. Говорили, что в Терехове вот этой самой ночью прошёл большой дождь и Вениамин Андронич будто бы сказал, что он в полчаса дал Тереховскому колхозу сто тысяч чистого дохода. Истинно, дескать, был золотой дождь: так всё поправилось и пошло в рост.

В другой раз передавали, что в Ландышеве, в колхозе имени Чапаева, в час ночи хлестал такой ливень, что „поплыли“ гря-

ды и сейчас там по всей деревне лужи. И будто бы минут двадцать тому назад улицей Думина проехал ландышевский колхозник, а колёса по ступицу и ноги лошади по колено в грязи.

— Где ты грязи-то достал? — спросили его, а он будто бы ответил:

— Нас сегодня помочило так, что лучше быть не надо.

Думинцы бредили дождём и завидовали соседям:

— В Ландышеве не как у нас, всегда во-время поливает...

— У нас засуха, а у них благодать.

— Не зря называется Ландышево. Ландыш в сырых местах растёт.

В конце концов выходило так, что Думино — самое незадачливое село: тучи стороной обходят его.

А дни всё жарче и жарче... Ленивый ветер убрёл куда-то.

В поле тишь. Небо попрежнему безоблачно. На солнце больно поднять глаза.

В огненном небе ходят ястреба. Одни плавают кругами, другие висят в воздухе, словно привязанные.

Мелкая трава на верхушках бугров по Выремше пожухла. Плохой признак. Мирон Батманов беспокоится. Каждый день он бегаёт на Стрелку смотреть картофель, с каждым разом всё больше грустнеет и, наконец, решает поливать.

Вскоре после полуночи, когда ещё только забрезжил рассвет, батмановское звено появилось на Стрелке. Воду возили бочками, носили ведрами. Это был изнурительный труд, но люди хотели добиться того, что задумали.

Часов в десять утра руководительница вывела на Выремшу малышей из детского сада. Помогать отважному звену вышли с ведрами школьники. Малыши из детского сада пристали к школьникам.

Проходя мимо, Алексей увидел тут своего сына. Сынишка так озабоченно и старательно таскал воду консервной банкой, что не заметил отца.

Алексей посмотрел на него, засмеялся и сказал Батманову

— Ты моему сыну трудовень запиши!

— Такому старателю двух не жалко, — отшутился Мирон.

— Изю всех сил ведь он помогает тебе.

— Его старания на моей картошке скажутся, конечно...

Поздно вечером батмановское звено окучило политую часть Стрелки. Поздно, в густых сумерках, когда все уже расходились по домам, Ныртиков столкнулся с Батмановым и спросил:

— Размочил, говоришь, сегодня краешек сухаря?

— В один мах дерево не срубишь, — ответил Мирон.

На другой день по утренней заре Мирон опять вывел свое звено, опять люди трудились весь день, а вечером окучивали. На третий день поливку Стрелки закончили, и Мирон успокоился. Картошка поднялась и широко раскинула листья, защищая землю от солнца своей тенью.

Раньше чем в прошлые годы начали сенокос. По примеру покойного Ефима Васильевича, в луга посылали всех, даже учетчиков, животноводов, сторожей.

Рано утром скосят траву, разобьют пласты, в полдень поворошат, а к вечеру трава уже почти сухая.

Учителя и школьники во главе с Серафимой Петровной, старики и дети ворошили и сгребали сено, но убирать не спешили за косцами.

Широкий заливной луг разлинован правильными линиями пластов скошенной травы. Жаркое солнце спустилось с раскаленного неба, и желанная прохлада несет отраду земле. Колхозники собираются на лугу, около того места, где кончаются пласты и начинается травостой. Вечером думинцы начнут отсюда снова косить.

Алексей Ивонин с косой на плече идет по лугу, перешагивая через пласты. Оля Резцова окликает его:

— Алексей Лукич, на минутку!

Девушки кружком сидят в густой тени ветел, растущих по берегу Выремши. Алексей быстро подходит к ним:

— Что вы мне, красавицы, хорошенького скажете?

— О вас соскучились, Алексей Лукич. Давно не видали, — весело отвечает за всех Таня Букова.

— Я каждый день утром и вечером вместе с вами на лугу...

— На работе глядеть некогда, хотим на вас в свободную минутку полюбоваться.

— Любоваться-то нечем, к сожалению, я не красавец.

— За красотой мы не гонимся, — продолжает Таня все в том же шутовском тоне. — Красоты у нас своей хватит, нам бы ума побольше. Посидите с нами, Алексей Лукич!

Алексей опускается на чисто выбритую косой полянку:

— Посидеть можно, но только недолго — пора косить.

— Алексей Лукич, вы читали? — спросила Оля Резцова.

— Что случилось? — Алексей обвел девушек вопрошающим взглядом. — Что тут интересного?

— Мы впереди...

— По сенокосу...

Оля Резцова протянула ему свежий номер районной газеты:

— Только что сейчас почтальон принес.

Алексей глянул в газету. Со всех сторон неслись голоса:

— На первом местечке!..

— Давно нас не хвалили.

— Годов пять только все хаяли.

— Видите: и в Думино слава может заходить! — скороговоркой заметил Алексей и лицо его осветила довольная улыбка. — Нам теперь почаще надо занимать первое-то места. Всем вот приятно! И Терехово позади нас. Вениамин Андронич, по-ди, сам не свой.

Вскоре на луг впритруску прикатил Нефед Степаныч, наско-ро собрал людей и поспешно сообщил:

— Григорий Антипыч только что сейчас звонил. Просил поздравить всех... Так что поздравляю. Сказал: надеюсь, что мои земляки никому не отдадут первого места на сенокосе и в дальнейшем будут отличаться.

Это был первый значительный успех, первое ощущение славы, известности после многих лет забвения.

В этот вечер думинцы почувствовали прилив новых сил и косили легко и напористо. По берегам заводей, в долах и ложбинках вжикали косы, а в клеверных полях стрекотали косилки.

***

Много в колхозе было хороших косцов, но лучше Христины Тепловой никто, кажется, не косил.

Мужчины, останавливаясь точить косы, невольно кидали взгляды в ту сторону, где косила Христина.

Вот она опустила платок на плечи, медлительным жестом поправила волосы и стала неторопливо наставлять косу. Потом тронула пальцем острие, проверяя, не завалилось ли оно, и оглянулась назад. Мишутка наточил уже косу и ждал начала. Все готово. Можно трогаться.

Мать широко расставила ноги, развернула плечи, слегка откинула голову назад, сделала широкий взмах и пошла плавно, легко, повела широкий и ровный прокос.

Сын шел за ней грудью вперед с той же горделивой осанкой, спокойно и уверенно, только пласт брал меньше. Промежуток между сыном и матерью не увеличивался ни на одну минуту.

Говорили, что мать научила нынче Мишу не только замечательно косить, но и точить и даже отбивать косы.

Вот Тепловы кругом обошли участок, отведенный им, и остановились там, где начали. Взяли по горсти травы, вытерли косы, вытащили бруски и стали точить. Косы запели под брусками свою сенокосную песню. И опять Тепловы начали свой круг на участке без торопливости и натуги. Со стороны их труд казался легким и приятным. Они косили так, будто каждое движение доставляло им удовольствие.

Глядя на них, другие тщательнее точили косы, шире развешивали плечи, вставали удобнее и спокойнее вели прокосы, чтобы бережнее расходовать силы. Вот косы, уже кажется, притупились и стали пропускать вихорьки травы, приходится их подрезать, делать лишний взмах, а Тепловы мать и сын все еще идут, все ведут намеченный круг. Как долго они косят и редко делают передышки. Но вот наконец-то! остановились, берут травы, чтобы вытереть косы перед точкой. И все, кто косит недалеко от них, наклоняются за травой, обтирают и начинают точить.

Недалеко от Косачева и Ныртикова косил Алексей Ивовин. Мирон Батманов глянул на них, проходя мимо, и крикнул:

— Нажимай, Саша, подтягивайсь! От Косачева отстаешь, дружок вдвое больше тебя накосил...

— Ему что... Он не раненный и не контуженный...

— Но и у тебя силенка-то есть!

— Какая у меня силенка...

— Без силенки целый колодец воды на свой огород не перетаскаешь...

Послышался смех. Ныртиков ничего не ответил, обиженно повернулся к Батманову спиной и повел прокос в другую сторону.

— Ты, Александр Степаныч, не обижайсь, — вмешался Алексей. — Он ведь шутит...

— Хороши шутки, — буркнул Ныртиков.

— Шутит, — повторил Алексей, — но в его шутке доля правды есть, если ты заметил, Александр Степаныч.

Обращение по имени и отчеству и этот голос участия тронули Ныртикова и он почтительно и уже более спокойно спросил:

— В чем она? Я, признаться, не заметил её...

— А вот в чем: ты встаешь каждый день ни свет ни заря, выльешь на свой огород сотни ведер воды, а потом несешься сломя голову в звено. Придешь уже почти усталый, а впереди еще целый трудовой день. Ну тебе и трудно тягаться...

— Так бросить что ли мне его, Алексей Лукич?

— Бросать не следует, а надо меньше забивать в него сил. Он ведь тебя не прокормит... Это ведь только овощь к столу... Тебе хватит ее... Вот общее поле — основа-то нашего зажитка. Здесь больше старайся! Получишь и на трудодни и дополнительную...

— Придется ли? Опять вот засуха.

— Какая это засуха, — поспешно возразил Алексей. — Просто жара... Лета без жары не бывает. Тучи ходят кругом и к нам забредут... Урожай будет!

Сказав это Ныртикову твердо и уверенно, Алексей подумал:

„Что-то верно долго дождей нет, в полях никнет или еле держится все, на буграх трава жухнет, как осенью... Из-за этого настроение срывается, на сердце будто кошки скребут, но надо верить, что будут дожди и будет большой урожай, и подбадривать людей“.

***

Все шло хорошо: по сенокосу Думинский колхоз занимал первое место в районе. Косили утром и вечером, но, несмотря на это, Алексей испытывал беспокойство.

Косили много, а убирали мало, нехватало времени и сил.

Сено лежало в пластах и валках, а между тем барометр предсказывал ненастье и все приметы предвещали дождь. Издалека доносились раскаты грома, показывались края черных

туч и виднелись кривые столбы падающего дождя, словно призрачные развалины.

Вот такая туча может набрести и на Думино. Может хлынуть неистовый ливень и принести не только счастье, но и наделать беды. Выремша и Любица выйдут из берегов, затопят луга, унесут все валки и пласты сена. Колхозный скот останется без корма на всю зиму. Что делать в таком случае? Или закупать сена на огромную сумму, или резать скот, или просить помощи у других колхозов. Они в помощи не откажут, но не преминут заявить: „Проспали, прохлопали свое-то сенцо. Надо было поглядывать.“ И правильно сделают, если дадут такую проборку. Ротозеев надо учить, чтобы они впредь не зевали. Григорий Антипыч вызовет к себе секретаря партийной организации колхоза и спросит: а где были коммунисты? Почему не подняли они колхозников на скорейшую уборку сена?

Чем больше Алексей думал об этом, тем сильнее беспокоился. Он торопливо докашивал свой участок, часто забывая остановиться и поточить косу. Доходило до того, что она откашивалась подрезать траву и руки становились, словно свинцовыми. Тогда он останавливался, наскоро точил косу и опять врезался в траву. Наконец участок докошен. Пот льет с лица косца. Волосы прилипли ко лбу и к вискам, а ворот рубашки к шее.

Жарко. В воздухе душно, словно перед началом грозы. В руках грузная немота и ноги тяжелы, нужны усилия, чтобы их переставлять. Устал. Надо идти к Нефеду Степанычу. Надо с ним посоветоваться! Опасно, все-таки, держать столько сена в лугах неубранным. Алексей поправил волосы, сдвинул немного картуз на глаза, чтобы загородить их от солнца, и отправился в село разыскивать председателя.

— Олеш... Олешенька! — услышал он за спиной старушечий голос, обернулся в ту сторону и увидел бабку Стратилатову. Она позвала его к себе рукой и крикнула:

— Подь ко мне на минутку!

Алексей подошел.

— Ты не обижайся, что я тебя Олешенькой назвала, я ведь годков на двадцать аль на тридцать тебя постарше, так что мне простиительно, — ласково объяснила старушка.

— Я и не думал обижаться... Я даже очень рад... Мне показалось, что меня зовет мать.

— Вот-вот, — подхватила бабушка. — Мне захотелось что-то тебя, как сынка, Олешенькой назвать.

— У тебя, видать, сегодня хорошее настроение, — заметил Алексей.

— Хо-о-рошее! — подтвердила бабушка. — Ве-еселое!

— С чего же это?

— В поясице сегодня у меня так и стреляет, так и стреляет...

— Так разве это весело?

— Как же... Это очень хорошо, что стреляет... К дождю! А дождика вот как надо! — Бабка черкнула пальцем по морщинистой коричневой шее. — Великая благодать будет на полях, если в это время польет! Вот и радуется сердце-то, подсказывает урожай...

— Подсказывает?

— Подсказывает! Эх, я старая голова, худой горшок... Главное-то чуть-чуть и не забыла сказать... Убирайте сено скорее! Не сегодня, так завтра дождь будет, вот помани мое слово. На что ни погляжу — все приметы о том говорят. Встала сегодня утром и вижу — цветок слезки роняет... У меня, Олешенька, такой цветок есть, который перед ненастьем всегда плачет. И еще вот что: пошла сейчас в луга, а кошка, гляжу, на печке лежит, клубком свернулась, греется. Ну, сам подумай, к чему это? Опять же к дождю! Тварь эта всякая лучше нас чувствует перемену. У нее, я замечаю, есть чутье...

— Есть у нее это чутьё, — согласился Алексей. — И барометр дождь предсказывает.

— Ну вот видишь — барометр. Все об одном и том же говорят. Поторапливайтесь!

— И то уж торопимся.

— Еще прибавьте торопу-то! От вас с Нефедом зависимо... Крутни Степаныча-то, чтобы он пульсу подбавил. Всю артельную силушку надо двинуть на луга! Ты молод, ты не помнишь, а я помню... Я еще молодойкой тогда была. Мужики думинские так-то вот накосили, но не убрали, а на этот раз ливень и хлынул. С поречных лугов траву смыло да и понесло по Выремше и Любице. Мужики бросались ловить, а много ли наловишь, когда вода убывает с каждой минутой и уносит сено. На зиму без корма тогда остались. Такая ли была бе-еда. Сколь горя пережили. Вот этого я и теперь боюсь. Намочит сено — беда невелика, высушить можно. Унесет! Начисто смочит. У нас ведь все сено на заливных лугах лежит. Подумать страшно... Сколь его накошено и насушено, и все по низким местам. Оглянуться не успеешь, как его не будет, из рук уплывет.

Бабушку утомила эта энергичная речь. Она замолчала, переводя дух, и заговорила вновь уже более спокойно:

— Может дождь будет, может и стороной пройдет, а убрать скорее все одно надо. На всякий случай. На душе спокойнее будет. Сердце болит, когда колхозное добро под угрозой... Я на своем веку столь бед видела, что теперь сердце мое, кажется, за версту беду-то чувствует, подумай да и поди к Нефеду. Он может и сам смекнуть, да смекнет не скоро, его надо подтолкнуть.

— Мы об этом думаем, — медленно заговорил Алексей. — Собираемся...

— Думать тут, родимый, некогда долго-то... Скорее делать надо, — бабушка повернулась и взялась оглять за работу.

Алексей Ивонин поспешил в село и встретил председателя на улице.

— Ты ко мне?— по выражению лица догадался Нефед Степаныч.— А я к тебе иду.

— Да?— обрадованно удивился Алексей.— Сердце сердцу весть подает. Ты по какому делу ко мне?

— Старики, понимаешь, у меня сегодня были: „Нас Алексей Лукич на партийное собрание созывал, говорил насчет помощи, просил помудровать. Мы, говорит, помудровали и вышло у нас, что вот-вот дождь будет, сено надо поскорее убрать, а то не унесло бы... Уж очень много у нас сена на лугах. Опасно. Поторапливай людей, председатель!“ Вот я и хочу всех от мала до велика сегодня же с вечера и на всю ночь послать на уборку.

— Это дело!— горячо одобрил Алексей.— Вот это дело! Я ведь из-за этого же к тебе торопился. Мне тоже говорили, что беда может случиться, если не уберем немедленно.

— Тогда давай скорее!— заторопился Нефед Степаныч.— Я распоряжение отдам, все приготовлю, а ты собери коммунистов и скажи, чтобы они хоть коротенько побеседовали во всех звеньях о ночной работе.

***

Нефед Степаныч ясли и детский сад распорядился на ночь не закрывать, оставить там детей на круглые сутки.

Женщины подоили коров, накормили в яслях детей и вернулись на работу.

С поречных лугов, клеверных полей, из ложбин и долов потянулись возы сена. Ночь выдалась белесая и тревожная, похожая на сумерки, быков и лошадей трудно было разглядеть, но высокие возы виднелись издалека. Когда они поднимались на пригорок, то мнилось, что там шагают друг за другом великаны в мохнатых шапках.

Ночь казалась светлой, но глядеть было трудно. Стоило подольше посмотреть в одну точку, как глаза начинали мигать.

У сараев колхозники встречали подводы, сваливали сено и отправляли их обратно. Ребята-возчики садились в телеги и быстро уезжали в луга.

Сваленное сено женщины и девушки таскали в сарай, а там мужчины большими трехрогими вилами поднимали его на сеновалы; наверху старики раскладывали и уминали. На лугах колхозники сгребали сено, навивали возы и отправляли с ребятами к сараям.

Одна лошадь пришла с возом без возчика. Посмотрели туда и сюда, заглянули наверх — нет его. Спать домой сбежал или с дружкой позади идет. Медлить некогда, в горячке уже подвернули телегу, как ее надо опрокидывать, но Алексей остановил:

— Что вы, товарищи... Убежал!.. Никуда он не убежал, должен быть тут... На возу.

— Глядели мы — нет.

Алексей залез на воз. Там, зарывшись в сено, крепко спал. Валерка Алфеев.

— Валерий, тебе сколько годов? — разбудив его, спросил Алексей.

— А что?

— Ты не маленький... Спать на посту не полагается! Ребята тебя на смех подымут...

Пристыженный Валерка спустился с воза раньше Алексея. Воз тотчас же опрокинули. Валерка расторопно вывел за сарай лошадей, вскочил в телегу, задержал вожжами и крикнул:

— Шевелись ты... млекопитающая-я...

„Заело парнишку, — подумал Алексей, проводив взглядом Валерку. — Досадно ему, рассердился... Ну переживет, прочувствует, а потом надо прибодрить. Парнишка задорный, а, поди ты вот, уснул.“

Край неба за приречными буграми густо почернел, сверкнула молния и озарила окрестность голубым светом. В отсвете молнии Тихону Старостину на мгновение показалось лицо Тани Буковой с широко раскрытыми, светлыми и радостными глазами.

Тихон не заметил, когда она стала подтаскивать сено в тот сарай, в котором он с вечера поднимал вилами сено на сеновал. Мгновение было так коротко, что Тихон спросил себя:

„Может мне померещилось ее лицо в этом колдовском свете грозовой ночи“.

Но нет, вон, кажется, она опять вошла в сарай с охапкой сена... Вот и ее голос слышится:

— Туча так далеко, что гром сюда не доходит, только молнии полыхают...

— Идет... Дождь к нам идет! — слышится голос Нефед Степаныча.

С вечера он сам встал на уборку сена. Говорят, подает его на сеновал. На уборке сена это считается в Думине самой трудной работой и сегодня на эти места поставлены самые сильные мужчины. — Поторапливайтесь! — еще громче продолжает он, чтобы все слышали его: — Вот-вот полхнет...

В предгрозьбе душно на воле, а в сарае особенно. Тихон дышит шумно, пот заливает его лицо, но он работает с предельным напряжением: вилы то вонзаются в сено, то кидают с полкопны его вверх. Рубашка прилипает к спине. Так же вой преют сейчас Нефед Степаныч, Алексей Ивонин, Мирон Батманов, Наум Чайнов... В Думине испокон веков убирают сено в сараи, считая, что в них оно лучше хранится.

Тихон приставляет к стене вилы и начинает снимать с сена верхнюю рубаху. Движения его торопливы, сильны, и она

рвется где-то по шву. Он отбрасывает ее к стене, хватаят вилы... Вот опять в отсвете молнии мелькнула Таня. Хочется сказать ей что-нибудь, но ее уже нет. Она торопится и кидает под вилы охапку за охапкой. Время идет, а дождя все нет и нет. Незаметно даже освежающего ветерка, которым дышит каждая грозовая туча. Молнии больше не сверкают. Душная тишина. Ее нарушает недовольный говорок Мирона Батманова:

— Подняла башку-то над бугром, сверкнула, увидела, что это Думино, и ушла: ему, дескать, дождя-то не полагается. В пропись, видно, на небесах мы попали.

Отзывается только Алексей. Его голос звучит строго:

— Пусть мы в прописи, но сено убрать надо.

Мирон молчит. Сейчас бы он с удовольствием отвел душу в перепалке с Ныртыковым или Косачевым, будь они под рукой, но те работают в лугах.

А сено везут и везут. Через равные промежутки времени тишина нарушается скрипом телег, фырканием лошадей, скупыми возгласами колхозников: „Берем!.. Ра-а-зом!“ и мягким шелестящим падением сена с опрокинутой телеги.

День убыл уже на час, ночь стала заметнее. Наконец, перед утром начинает свежеть, в воздухе появилась сырость, дышится легче.

Слова Мирона навеяли на колхозников уныние: люди двигаются медленнее, пропадает напор в работе, приходит тяжелая усталость. Земля испепелена солнцем, нивы жаждут дождя, а его нет. Можно окатить водой небольшой участок на Стрелке, но нельзя полить сотни гектаров ржи, пшеницы, овса, ячменя...

Все медленнее движутся возы, все дольше подводы не возвращаются с лугов. Вспышек грозы нет, но где-то глухо грохочет гром, словно там, за Любицей, обвалилась гряда валунов.

— Уходит, — слышится чей-то голос.

Ясно, что слово „уходит“ относится к туче.

— Не уходит, а приближается, — возражает Таня, и Старостин видит ее перед собой, будто глаза его стали светлее. На лице девушки нет сейчас обычного румянца и оттого явственнее выступает загар и кажется он более темным.

— Да, приближается, — поспешно подтверждает Тихон.

— Звук стал доходить... По закону физики...

„Неспроста Таня принялась подносить сено в этом, а не в другом сарае“, — мелькает в голове, и ему становится весело, ощущение усталости исчезает. Он говорит:

— Давайте сена!

— Нет больше... Отдыхайте пока еще не привезут, — отвечает Таня и выходит на волю.

— Никита Еремеич! — кричит Старостин вверх. — Отдохни.

— Хорошо, — доходит с сеновала голос старика. — Я здесь на сенце при-лягу-у...

Тихон надевает рубаху и выходит из сарая. Над селом расплывается белесая муть вялого рассвета. С огородов обдает сильным запахом свежих огурцов и укропа.

Из соседних сараев выходит Алексей, Нефед Степаныч, Мирон Батманов. Что-то долго нет очередных возов.

— Задерживают, — говорит обеспокоенно председатель, — сбивают темп, притомились видно...

— Рано остывать... Уборку не закончили еще... Если туча стороной прошла, так унывать не следует. Эта ушла, другая придет. На наш век туч хватит. Наше настроение — убрать сено, а об остальном будем думать потом... Так ли товарищ Мирон свет Батманыч? Если ты выбранишь тучу, она от этого не изменит своего пути. Сердита, говорят, тетка на базар, а базар об этом и не знает.

Подъезжает Валерка Алфеев. Он торчком торчит на возу: серьезный, насупленный и даже немножко сердитый. Ему хочется осердиться на Алексея, но все что-то не получается настоящей сердитости. Досаду свою так и этак он извернет, чтобы направить на Алексея, а она вдруг всей горечью хлынет в самого себя, в Валерку Алфеева, который уснул на возу и чуть не был опрокинут с него вместе с сеном.

Алексей подходит к возу и принимает паренька на руки. Сейчас надо подбодрить Валерку.

Алексей ставит его на землю и прижимает правой рукой к себе:

— Выспался ли!

Валерка густо краснеет и прячет лицо в подол рубахи Алексея, который треплет его по голове и ласково говорит:

— Ты молодец!.. Сколько возов сегодня доставил и ни с одним в канаву не заехал, не свалил... Скажи там на лугу, чтобы возы сена навивали и отправляли быстрее! Скажи, что часов до шести утра все оттуда надо убрать! Скажи потолковее! Ты это умеешь...

На другом возу подъезжает Миша Теплов, невозмутимо спокойный и бодрый. Он сидит прямо, кепка сдвинута на затылок, ёрш волос задорно вздымается над широким лбом.

— Этот не заснёт, — восхищенно говорит Мирон Батманов. — Сразу видно: Христиин сын! Ночь не спал, а ядрёный весь, ровно кочетинный гребень. Парень будет отменный...

— Смотрите... Смотрите! — пронзительно, с необычайным для неё взвизгиваньем кричит Таня и приводит всех в беспокойство.

— Что?

— Пожар!

— Где?

— Смотрите! — тем же тоном повторяет Таня и показывает рукой на Стрелку. Холм дымится, словно большая старинная изба, отопляемая по-черному, когда дым выходит через соломен-

ную крышу. Но трудно издалека разобрать, дым это или туман. Все вглядываются.

— А ведь это дождь! — определяет Мирон.

— Конечно — дождь, — обрадованно уверяет Таня.

Туча темнеет далеко. К Думину протянулось только одно её крыло, пестрое, растрепанное.

— Одним крылышком и над нами, видно, решила помахать, — говорит Мирон Батманов и на сей раз мало довольный поведением тучи.

С дальнего заречного луга прибывает несколько возов сухого сена. Пока их подводят к сараям и сваливают, падает несколько капель дождя.

Нефед Степаныч торопит:

— Скорее надо убрать, а то живо испортит его, пересушивать придется, лишний труд затрачивать.

Валерка, польщенный поручением Алексея, давно угнал и теперь, поди, раскричал всем, что надо быстрее сгребать, скорее навивать сено, но Алексей и остальным возчикам твердит:

— Скажите там, чтобы всё сено немедленно сняли с лугов... Пусть все силы приложат!

Старостин огромными охапками, почти бегом таскает сено в сарай. Когда там остается только место, чтобы встать и размахнуться вилами, Тихон поддевает копну сена, огромным усилием мечет вверх и кричит:

— Еремей-ич, принимай!

Таня торопливо подтаскивает сено. Вилы в руках Тихона так и мелькают — вверх и вниз, вверх и вниз, движения их замедляются только в тот миг, когда он взглядывает на Таню. Она и в торопливости своей аккуратна: волосы не растрепались и ни одна сеинка не застряла в них.

Вот уже Таня хватает грабли, исчезает и появляется с маленькой охапкой подгребков. Потом она приносит клок сена прямо на граблях, кидает последки под вилы и ставит грабли в угол. Опять отправляется на волю. Старостин кричит вверх:

— Дедушка, приляг пока...

Прислоняет вилы к сеновалу и смотрит в распахнутые ворота:

— Кажется, дождичек налаживается, — громко говорит он, чтобы привлечь внимание Тани.

Накрапывает дождь. Тихий. Редкий.

Таня возвращается в сарай.

— Наконец-то! — ликуя говорит она. — Теперь земля напьется...

— Будем с хлебом, — подхватывает Тихон, приближаясь к девушке. — Дождя нет и ничего не поделаешь... Такие необъятные поля из кадушки не польёшь, как Стрелку.

— А вон в Терехове дождевальная... Я не видала ещё...

— Только на огороде... На полевые массивы их очень много надо. Не зря пишется, что мы ещё не властны над стихиями.

Таня вытаскивает из сеновала длинный стебель овсянки и вьет из него кольцо себе на палец. Тихон смотрит на неё и молчит. Таня медленно поднимает голову, заглядывает ему в глаза и говорит:

— Что же делать? Давайте играть в крючки.

Тихону становится жарко от её взгляда и он не сразу понимает: крючки... какие крючки?

— Ну-у!.. Не умеете. Тогда я первая.

Палец, украшенный кольцом из травинки, Таня сгибает крючком, зацепляет им прореху в рубашке Тихона и чуть-чуть тянет, а потом дергает к себе. Прореха становится больше. И только теперь Тихон вспоминает, что когда-то давно, в детстве, и он играл „в крючки“. Отыщешь дырку в одежде приятеля, просунешь в неё палец крючком и тянешь к себе. В этом суть игры. Доигрывались до того, что раздирали рубашонки до подола и заканчивали игру дракой.

Таня разгибает палец и убирает руку:

— Ушить-то некому.

— Да-а, некому...

— Приходите, я вам ушью.

— Когда приходите?

— Когда-нибудь на досуге.

— А у меня досуга не бывает...

— Тогда носите худую рубашку.

— Не могу...

— Тогда выберите досужую минутку.

На воле ещё больше светлеет, раздаются голоса, Таня с Тихоном выходят за ворота сарая.

Прибыло сразу несколько возов сена, а там по дороге идут ещё и ещё. Дождь крапает мелкий, еле приметный, но люди спешат. Они как будто налились новой энергией.

— Скорее, — кричат они друг другу. — Дождь разойдётся и сено нельзя будет убирать. Ухватить надо момент!

И вот уже сено падает с одной телеги, с другой... Огромные кучи сена у сараев похожи на темные скопления серых облаков. Тихон с Таней, забыв обо всем, таскают сено необъятными охапками, стараясь больше убрать до дождя. К ним подспевают помощники. Это пришли те колхозники, которые работали в лугах. Там они уже все сено сгребли и навалили навоза. Прибавляется работников и у других сараев. Сено быстро исчезает в сараях. В напряженной безмолвной работе проходит час, и около сараев становится чисто. Там уже ходят только женщины с граблями и подгребают остатки.

Когда уборка кончена и все собираются посреди колхозной усадьбы, дождь перестает накрапывать. Ни одной мельчайшей капельки. И тишина. Ни грома, ни одного дыхания ветерка.

— И на том спасибо, что хоть немножко покрапало, — усме-
хается Мирон Батманов. — В воздухе хоть влага будет и зем-
ля полегче вздохнет.

— Разве только что в воздухе, — разочарованно говорит
Тая. — Пыль на дороге чередом даже не прибило.

— Только поманило...

— Напоило землю так, что у неё все на губах осталось...

— Туча крылом здесь прошла и только одним перышком
над нами помакала. Жа-аднющая...

Телеги опростали, подводы отослали на конный двор. Се-
но убрали. Колхозники со всех сторон обступают Нефёда Сте-
пановича и Алексея Иволина.

На листьях деревьев серебрятся капли и кажется, что дере-
вья плачут: вот, мол, ждали-ждали дождя, а он обманул, вме-
сто отрады принес обиду. В некоторых избах, где домовничают
древние старики, затопились печи. Дым клонится к земле, ку-
делью стелется по улице. Туча медленно уходит к Ландышеву,
скрывая за собой восход солнца. Леса тонут в утренней мгле,
нивы стоят неподвижно, низко склоняя колосья. Все вокруг —
и природа, и люди охвачены разочарованием.

— Опять в Ландышеве будет сильный дождь. Вот везет!

— Они деревню свою на мокром месте поставили, а мы
свое село на сухом: нас тучи завсегда стороной обходят.

— Ты вот, Алексей Лукич, и постановил бы тучу завернуть
к нам.

— Не проймет ее мое постановление...

— Дождик-то попрыскал только...

— Вы поспать нам сегодня не дали, мы всю ночь надсажа-
лись, вышло только всего-навсего одно напрасное беспокойство.

— Это вон бабка Стратилатова всех с толку сбила: цвeток
у нее плачет, кошка на печи... у всех кошки гуляют, а у нее
на печи лежит.

Стратилатова вступила в середину круга, строгая, раздоса-
дованная. Она топнула ногой и, трясая седой головой, закри-
чала:

— Кто это говорит? Выйди сюда, кто это говорит! А-аа...
Храбрости нехватает. Бабка Стратилатова никого еще с толку
не сбивала! Бабка еще голову хорошую на плечах носит и глаз
ясный имеет, а с толку никого не сбивала и не собьет. Кому
мой цвeток и моя кошка помешали? Тебе, Ефимья Гречишни-
кова! Хорошо... Но если сегодня будет дождь, я приду и ткну
тебя в землю носом, чтобы ты вспомнила то, что сейчас про
бабку Стратилатову говорила.

Бабушка вскинула грабли на плечо, высоко подняла голову
и медлительно двинулась напрямки к своей избе.

— Вот так старушка!

— Отчистила...

— Под орех разделала.

— Но... обиделась.

— Надо, товарищи, думать, прежде чем говорить... Зачем бабку ты, Ефимья, обидела. Она с толку никого не сбивала. Все было обдуманно и решено руководством колхоза. Если мы трудились ночь, так это не напрасно. Сено убрано, скот у нас теперь с кормом. Ра-адоваться надо! А дождь, может, сегодня будет, а может завтра, а может и через неделю... Дождями мы еще управлять не научились, а вот уборка в нашей колхозной власти, и вот сенцо мы убрали. Оттого на сердце приятно. Устал вот я, а чувствую себя довольным... И вы, я вижу, все довольны.— Алексей смолкает и устало улыбается.

— Хорошо сегодня поработали, спасибо, товарищи! — благодарит председатель. — Сенокос теперь с плеч долой, примемся за другие дела. А сейчас можно идти отдыхать.

— Эх, завернуть бы тучу-то к нам, — вздыхает Мирон. — Но силы-то у нас такой нет.

Колхозники отправляются по домам.

Таня уходит одна.

Она идет медленно и неохотно.

Ей первый раз в жизни почему-то не хочется идти домой.

Какая это была тревожная и чудесная ночь!

Для других, может быть, самая обыкновенная, а для Тани незабываемая, неповторимая.

***

По дороге домой Валерку догоняет неустанный хлопотун дедушка:

— Валерий, пойдем скорее!.. До чаю на огороде картошку окучим, а то другого времени не выберешь... Дождей ждаты, видно, нечего... Сейчас мы ее раз, раз... Ботву немного примнем, а то ширится и ширится...

Вид у дедушки такой, будто он идет сражаться. Внук не возражает. Он уже загорелся задором дедушки и бежит за ним вприпрыжку. Сейчас они зададут этой картошке, которая уж очень ширится. Они вбегают во двор, берут по мотыге и устремляются на огород. Пыль поднимается из-под мотыг.

— Шевели ее, — командует неугомонный дед. — Она любит, когда ее шевелят...

Огромная туча медленно и натужно подтащила свои лохмы к думинским полям, развернулась, охватила кругом всю окрестность и будто решила сделать остановку. Стало темно, словно вновь наступила ночь.

— Вот до чего устал, аж в глазах потемнело, — говорит внук и останавливается перевести дыхание.

— Это не в глазах у тебя потемнело, а небо закрылось, — поясняет дед. — Туча навалилась, страшный ливень будет. То-то я гляжу — ни одной курицы не видно и пастух не сонит стадо. Чует... Пойдем под крышу.

Алфеевы быстро укатили в избу. Дедка принялся ставить самовар, Валерка, помогая ему, услышал вдруг за окном дробный шум, словно по улице пронеслось большое стадо ягнят. Валерий распахнул окно. В избу нехотя втянулся запах необычайной свежести. Противоположные дома скрылись из глаз. На улице шевелилась, дрожа серой кожей, медлительная громадина. Валерка подлетел к окну и застыл: идет ливень, в двух шагах от окна ничего не видно.

— Теперь надолго разойдется, — молвил дед, успокоенный, притихший. Он сел на припечку и добавил: — Это расчудесное дело — во время дождь, но только вот с чайком нам придется подождать: в трубе тяги нет, самовар глохнет, не кипит.

Лохмы тучи слились в непроницаемый серый покров, показалось, что время передвинулось назад и утро сменилось ночью. И тогда в полном безветрии ливень усилился. Прямой, неистовый, свирепый, он, казалось, молотил землю миллионами цепов.

Валерка сидел на широкой лавке у окна и испуганно следил за ним. Вот будет лить такой весь день и потопит все. Под окном быстро образовалась лужа. Она ширится, удлиняется, острые концы ее уходят все дальше и дальше, начинает быть похожей на пирог, который волшебная старуха растягивает по всей улице.

Дождь усиливается, на луже вспухают пузыри. Грибные пузыри. Они долго держатся и даже плавают по поверхности необъятной лужи.

Ливень монотонно шумит, навевая сон. Веки слипаются, голова клонится на плечо. Валерка внезапно засыпает.

— Н-но!.. Шевелись, — слышится голос деда. Валерка просыпается. Он лежит на лавке, под головой подушка. Это дедушка позаботился о нем. Окно закрыто. На столе похихивает парком, будто раскуривает цыгарку, фартовый самовар. Валерка приподымается, выглядывает на улицу. Босой, засучив штаны, дед сгоняет корову. Проходит пастух Леонид Рындин в плаще и с брезентовым портфелем подмышкой. Ребята говорили, что у него в портфеле книжки и планы, сколько за день каждая корова должна надойть.

Земля расплзается под ногами скота и коровы то и дело садятся на хвосты. Пастух гонит их тихо. Валерка открывает окно — так виднее. Поля дымятся испариной. Все поникло там — прибито дождем. Валерке кажется, что больше уже не будут волноваться нивы, а так и станут лежать, но люди на улице, к его удивлению, веселятся. Больше всех шумит бабка Стратилатова. Босая, простоволосая, она стоит в луже, топает ногой и кричит:

— Где Ефимья? А подать мне сюда Ефимью! Я ее в луже выкупаю.

Люди вокруг хохочут. Подзадоривают бабушку, обещают ей сейчас же доставить сюда Ефимью.

Мимо проходят председатель и секретарь партийной организации, останавливаются и любят незабываемой сценой.

— Ты что, старая, шумишь? — ласково окликает ее Алексей.

— Олеша... Олешенька! — радостно вскрикивает бабушка и спешит к нему. — Дай я тебя, родной, поцелую!

Она и впрямь пригибает голову Алексея и целует в лоб.

— Сенцо-то наше, Олешенька, цело! В сарайчиках! Под кровлей сенцо-то!.. А не уловчись мы убрать сегодня в ночь, без корму бы скот на всю зиму оставили... Все до сенины смыло бы. Нефедушко Степаныч, гляди на меня!

Бабушка прошла перед ним, твердо ставя ноги.

— А что это такое? — спросил председатель.

— Ступня поверх грязи ходит.

— А-аа... Помню, помню. Но овес-то...

— Будет овес! И не хуже твоего „князя“ будет!

— Вот и хорошо. Ты поди отдохни теперь, а то ночь всю работала, а сейчас шумишь.

— Радость моя шумит!

В другом месте улицы Таня Букова, Оля Резцова и Груня Мягкова завели игру. Они стояли в разлук кондук большой лужи и, ударя ногами по воде, обрызгивали друг друга. Они хохотали, визжали... Выбегали из лужи, отряхивались и вновь принимались брызгаться.

— Валерка, иди мы тебя выкупаем, — крикнула развеселившаяся Оля Резцова.

— В луже угодим, — со смехом добавила Груня.

— Я сам вас угоплю.

— А попробуй...

В Валерке вскипела кровь забияки, он сорвался с места и ринулся вон из избы.

— Ты куда? — остановил его дедушка.

— Да вон девки кличут...

— Девки? — опешил дедушка и удивленно оглядел внука, как бы определяя его возраст.

Валерка не стал дожидаться результатов дедушкиной „экспертизы“ и вымахнул из избы, но девушки, обжимая руками платья, разбегались по домам. Валерка вспомнил, что он им не ровня, и оттого не обиделся. Они крикнули и забыли о нем. Но задор надо было развезать. Валерка влетел в лужу и с ожесточением начал оканчивать невидимого противника. Минут через десять он вернулся в избу мокрый с ног до головы.

— Успел?! — покачал голозой дедушка. — Нидень сухую рубаху и штаны, а эти я выполошу и на колышек повешу. Эх, дедушкино ты семечко.

Вдвоем напиваются чаю. Дедушка ложится отдыхать, а Ва-

лерку тянет побродить: уж очень на воле воздух чист и вода в лужах тепла. Он отправляется на реку; по дороге заходит во все лужи, долго бредет колеей, по которой бежит еще ручеек воды и в одном месте даже перегораживает его запрудой. Выремша разлилась по лугам, ее теперь и не переплыть. Хмурая, непривычно большая, несет она мутную воду в Любицу. На реке безлюдно и скучно. Хочется с кем-нибудь близким отвести душу, обменяться впечатлениями. Валерка идет дальше.

Ноги сами, не спрашиваясь хозяина, идут в Выгонцево. Такой это любезный сердцу, привычный путь. Валерка за целое лето один бы протоптал сюда целую тропу.

У избы Тепловых маленькая Ленка купается в теплой луже.

Где же дружки-приятели братья Тепловы? Дома, наверно, сидят. Валерка входит в избу. Матери дома нет. Без нее лучше. Можно показать себя во всем блеске ума и знаний. Никто уже не остановит, не оговорит.

Оська сидит за столом и читает шопотом книжку. „Первоклашечка,“ — снисходительно думает Валерка. — Наверно, еще читает „Терем-теремок, кто в тереме живет“. Заложив руки за спину, по излюбленной дедушкиной манере, задрав нос кверху, Валерка ходит по избе и неторопливо, хозяйственно оглядывает стены, потолок.

— Крепонько домик сработан, постарались наши колхознички, — говорит горлом с хрипотцой Валерка. — Полсотни годков простоит и не покосится.

Такую оценку нового дома Тепловых он слышал от дедушки, но сейчас уверен, что придумал сам в эту вот минуту.

— Лес-то сухой, выдержанный: изба не осядет и мокнуть не будет. А Мишуха где?

— Спит. Он всю ночь не спавши...

— И я не спавши, а давно на ногах.

— Ты, говорят, на возу выспался. — Мал-мал Оська, а умеет шпильку поставить.

— Я не спал, а только притаился.

— За что же тебе от Алексея попало?

— Ничего и не попало! Мы с ним дружки до гроба... Он меня сегодня гладил по голове и хвалил... Надо будить Михайлу! Спит до зкой поры... Это называется колхозник... Где он?

— В горнице. А зачем тебе его?

— Я ему выговор задам.

В летней половине избы, или по-северному, горнице, прохладнее. Стены украшены картинками и фотографиями. В переднем углу, на подоконнике горшки с геранями. Миша спит на постели, раскинутой наскоро посреди пола. Услышав скрип двери, он открывает глаза, видит друга и отодвигается на край постели. Валерка ложится с ним рядом, вверх лицом, подложив руки под голову.

— Грибы скоро пойдут, — ни с того ни с сего говорит он.

Миша с опаской покосился на него:

— Грибы? В такую-то сушь.

— Ха-ха... Сушь! — Валерка хохотнул и затараторил: — Земля ровно кисель под ногами разъезжается, а он сушь... Дождь проспал — и это называется колхозник... Ливень такой был, что и сейчас по всей улице лужи — хоть на лодке поезжай. На лужах пузыри с кулак вздувались, а это уж верное дело — к грибам.

Миша вскочил и выглянул в окно: трава в их зелёном проулке плавает в воде, широкие листья свеклы лежат, словно опущенные паруса. Вот красота! Сегодня во всех звеньях сколько радости будет!

— Эх и лил же... Эх и лил, — восторженно сообщает Валерка. — Я кричу: давай, добавь! И он ещё пуще...

— Разве ты не спал?

— И не ложился даже... Только посидел у окошечка...

— Что же ты?

— Расстроился... Эх и подвел же ты меня...

— В чем?

— В заводке. Ты говорил: заведи себя, как часы, скажи себе, что тогда-то мне надо проснуться и точно по заводке встанешь. Я лег поглубже в сенцо, чтобы с воза не свалиться, завел себя у сарая проснуться, заводка не подействовала... Меня ищут, а я сплю. Так нехорошо получилось.

— Я тебе ведь говорил, что вот, если вечером ложишься спать, так на утро себя заведи... А ты на короткое время...

— А ну тебя, — недовольно перебивает Валерка и вдруг светлеет лицом: — Я теперь все у Алексея перенимать стану! Уж он смекнет, так смекнет! Кабы он вчера на ночную работу не уговорил, сенцо бы тью-тью... уплыло бы. Мы сегодня с ним подружались, и я по его заданию мобилизовал всех на скорейшую уборку...

— Он просто говорил: скажите, чтобы там поскорее... И не тебе одному...

— Мне первому и я раньше всех мобилизовал. Верно: он сказал мне по-простому, а я передал тебе по-письменному. Так в газетах пишут; я сам читал.

***

Тихон теперь каждый вечер приходил к дому, где жила Татьяна Букова, порывался войти и не мог. „Шутила она или серьезно говорила: „Приходите — я вам ушью“, — думал он. — Можно бы зайти, если бы дома она была одна, а то там старик и мать. Неловко. Явиться и просить зашить рубашку, кольнуть десяток раз иглой — смешно. Назар и Наталья сразу учуют иной смысл в этой просьбе. Но не воспользоваться ее приглашением, не суметь зайти — это значит проявить непростительную бестолковость.“

Он долго искал более веский повод, чтобы зайти к Тане,

и, наконец, нашел: решил взять кусок материи и попросить сшить новую рубашку. Это будет более солидно! Рубашки он шить не умеет, а Таня — мастерица. Тогда и Назар и мать Тани не могут усмотреть в его посещении и просьбе ничего предосудительного, и он будет чувствовать себя с ними совершенно свободно. В тот день, когда ему в голову пришла эта мысль, Тихон пораньше вернулся с работы, накормил Федю ужином, напоил чаем и отправил спать. Ладно приоделся, сунул за пазуху отрез материи и подмигнул себе: так-то по основательнее, а потом можно еще зайти несколько раз — отнести нитки, пойти на примерку, доставить пуговицы...

Село уже успокоилось, когда Старостин вышел из дома.

В избе Назара светил огонек и Тихон обрадовался: семья еще не спит, можно зайти.

Старостин свернул к дому, куда уже многие дни рвалось его сердце, и увидел кряж, приставленный к плетню огорода. Вчера его тут не было. И откуда он мог появиться такой толстый, в два обхвата. В этой семье нет такого силача, который бы мог привезти его и поставить к огорожу.

Тихон подошел ближе. Кряж вдруг отвалился от плетня и встал прямо. По широкой, коренастой фигуре Старостин узнал Степана Густомесова. Его тракторная бригада только что приехала в Думино двоить пары.

— Ты что здесь? — спросил Старостин.

— Спать иду.

— Но я вижу — ты не идешь, а огород подpiraешь.

Густомесов переступил с ноги на ногу и не скоро, и неуверенно ответил:

— Хозяева тут, видать, цветы любят: вишь сколь под окошечком развели... На цветы и загляделся.

— Какое тут гулянье в такой темноте.

— Запах нюхаю... Ду-уховитые!

— Понюхать, значит, любишь?

— Люблю... А ты что тут бродишь?

— Сторожа сельского ищу. Надо ему передать... Ну до свиданья!

— Пойдешь или еще понюхаешь?

— Нет, надо, пожалуй, спать идти.

Они кивнули друг другу и разошлись в разные стороны.

Старостин минут десять побродил по улице и вновь подошел к заветному домику с цветами за плетнем. Степан Густомесов или совсем не уходил или раньше его вернулся и опять уже стоял у плетня.

— Нюхаешь? — насмешливо спросил Старостин. — Любишь ты, видать, цветы... Готов всю ночь около их простоять.

Густомесов тяжело молчал, подняв свои широкие плечи и втянув в них голову в шлеме танкиста.

— Тебе надо по садоводству бы работать, — продолжал Ста-

ростин:—цветником бы заведовать. Вот уж там нанюхаешься досыта...

Густомесов резко опустил свои широченные, словно коро-мысла, плечи, шумно выдохнул и неожиданно спросил:

— Ты, счетовод, на фронте был?

— Был... Всю войну!

— Сказать что ли тебе как фронтовику напрямки! Ладно, так и быть — скажу, признаюсь. Девушку из этого дома знаешь? Хороша? То-то вот и оно-то! Весной еще я ее увидел и вот все лето из головы она у меня не выходит. Что тут делать? Увидел ее опять сегодня и сам не свой...

— А ты холостой?—спросил Тихон упавшим голосом.

— Женатый я не стал бы здесь и торчать.

— И холостой, и девушка хороша, все подходяще, но только занята она, — остудил Густомесова Тихон.

— Не может быть!?

— Вот тебе и не может быть... Весной понравилась, а ты только осенью ладишь знакомиться.

— Все дела... Мой ведь участок — два сельсовета. Попрыгаешь с тракторами-то!..

— Пока ты прыгал, она и выбрала себе.

— Интересно — кого!

— Не нас, видно, с тобой..

— А мы чем плохи?

— Мы хороши, но прозевали.

— Я-то прозевал, но ты, видно, успел.

Старостин смешался, изумляясь пронизательности этого флегматичного, и, казалось бы, тугодумного парня, и проговорил:

— При чем тут я...

— Зачем ты опять сюда пришел?

— Просто довелось опять пройти мимо...

— Мимо так мимо, но откуда ты знаешь, что она выбрала.

При тебе она выбирала?

— Не при мне, конечно, но люди говорят...

— Мало ли, что люди говорят... Интересно мне знать — чем ты ее завлек? Пером что ли... Наверно, щелкаешь-щелкаешь на счетах, а потом стишок из журнальчика спишешь и ей пошлешь... Так, наверно, стишками и донял. Вы — счетоводы не разговорами, а письмами...

— Ничем я ее не донимал... Выдумываешь ты все...

— Э-эх, — мощно вздохнул Густомесов. — Говоришь, что фронтовик, а виляешь. Нехорошо! Я с тобой по душам, а ты меня, как простачка, хочешь за нос водить.

Огонек в избе потух. Они оба посмотрели на темные окна и приуныли. Старостин ошупал за пазухой кусок материи. В мыслях мелькнуло:

„Опять не удалось побывать“.

— Нехорошо, — повторил Густомесов, не зная больше чем нарушить тягостное молчание.

— Верно, Степа, нехорошо, — признался Старостин и с досады махнул рукой: — Пойдем!

— Куда?

— Ночевать ко мне. Наша будет... Либо моя, либо твоя... На выбор перед ней встанем.

Они пришли в избу. Тихон засветил лампу. Густомесов огляделся: чисто и пусто. По обстановке и убранству избы сразу можно было заметить отсутствие женщины.

— Один что ли живешь?

— Сынишка со мной... В горнице спит.

— А жена где?

— С другим... Садись поужинаем!

— Да я уже... Заправился...

— Добавь еще. У тебя уберется. Комплекция-та...

— Давай за кампанию, чтобы не скучать.

За ужином они разговорились. Тихон рассказал о своей юношеской любви, о семейной жизни. Говорил складно, выделяя яркие моменты, и думал: „В третий раз одно и то же рассказываю... Как по нотам теперь выходит. С каждым разом все лучше и лучше...“

— А эта, — Тихон кивнул в ту сторону, где жила Таня, — думаю, что пожалела меня. Ей хочется устроить все, что не устроено. Такой характер.

— Любит навести порядок! — понял Густомесов.

— Любит. Где что неладно, так и рвется туда, сердце у нее горит.

— Горит... Вот это будет женщина! Два раза не повезло тебе, на третий может посчастливится.

— Может посчастливится, а может и не повезет, — проговорил задумчиво Тихон. — Вот видишь: только было у нас на лад дело пошло, ты появляешься и говоришь, что из головы не выходит... Вот уже и рытвина на моей дороге. Ты холостой, а я ни то ни се... Хуже вдовца. У меня сын... Мне с тобой тягаться трудно.

— Оно, конечно, трудно, — согласился Густомесов, — но есть люди... как бы это сказать... понимающие что ли... Вот говоришь, что она любит устраивать, а почему ты думаешь, что я люблю расстраивать? Хорошо, что ты сегодня со мной повстречался и признался мне. Пока у меня еще ни коня ни возу, пока сердце мое совсем не растревожено, я могу... Не буду мешать, не стану тебе поперек. Если бы у меня с ней дело было начато, я бы не уступил, а сейчас еще можно... Чтобы не тревожить себе душу, возьму участок в другом месте. Подальше отсюда! Ну только уж ты будь счастлив с ней! Довольно тебе маяться. И смотри — береги ее!

Густомесову показалось, что мимо окон идет женщина в бе-

лом платке. Он грузно поднялся и подошел к окну: на улице белел рассвет.

— Э-э, брат, — покачал головой Густомесов, — долго же ты, видно, мне свою автобиографию рассказывал — ночь прошла и уснуть не пришлось.

— Ты, кажется, и не собирался спать?

— Верно — не о сне думал. Ла-адно. На том и закончим. Надо своих ребят в поле отправлять.

Тяжело и прочно ступая, Густомесов ушел.

Старостин открыл сундучок, выложил из-за пазухи кусок материи и подумал: „Суждено ли ей в искусных руках Тани превратиться в новую рубашку?“.

***

Встретив Алексея в правлении, Валя Цветова задела его плечом и жарким шопотом заговорила:

— Когда к нам? Давно не был... Мои огородницы говорят: „Алексей Лукич что-то перестал нам „газетку преподавать“. Когда придешь?

— На этой неделе обязательно, — обещал Алексей.

На прошлой неделе он мог выбрать время и провести беседу, но не хотел встречаться с Валею. Она опять будет чрезмерно внимательна, женщины заметят ее необычное поведение: пойдут толки, пересуды, а это может смутить семейную жизнь и принизить его в глазах колхозников.

„Подлинного чувства тут нет, а баловства, этих самых потаенных связей втихомолку от жен они не прощают, — говорил себе Алексей. — Но партийное поручение надо выполнять, надо готовиться к беседе. Валею в крайнем случае можно осадить, дать ей понять, что она не того выбрала для любовной игры“.

Два вечера он готовился к беседе. Прочитает, запишет, представит себе своих слушательниц, вспомнит о Вале и задумается о странностях ее характера: „Почему ей ни с того ни с сего вздумалось проявить ко мне такое внимание да еще так явно. Прошлый раз еще огородницы заметили это и потом, говорят, намекали Паше: — Павла, ты гляди-поглядывай!“

Что заставляет ее идти на то, чтобы разбить счастье соседки. Неожиданно вспыхнувшее чувство? Но почему оно загорелось только теперь, а не раньше. Что она — не видела, не замечала меня, живя все время рядом. Нетрудно разобраться в делах, но в чувствах — поди вот разберись. Может, она за что-нибудь мстит Паше или хочет донять ее... Вот еще Христина Теплова. У нее трое детей, Мишутка уже большой... Говорят к ней сватается бригадир из Тереховского колхоза и она решает... Да это и заметно: стала замкнутой, задумчивой. Если спросит, как быть, трудно даже ей то или другое посоветовать.“

Утром в тот день, когда предстояло провести беседу, Алексей спросил жену:

— Отношения у вас с Валентиной Цветовой... ничего?

— Все такие же, — ответила Паша и настороженно спросила:

— А что?

— Я сегодня в обеденный перерыв на огороде буду проводить беседу... Приводи свое звено! Послушаете кстати... Мне интереснее, если соберется больше слушателей.

Паша любила сделать для мужа доброе и охотно согласилась. Алексею показалось, что в глазах ее блеснула даже радость.

В полдень он во-время пришел на огород. Пашиного звена еще не было. Решил немного сбоддать. К нему подлетела Валя и тоном, не терпящим возражений, заговорила:

— Тебе надо посмотреть огород наш! Мы много поливали и у нас росло хорошо, а после дождей прямо бурей все поднялось. Идем — погляди.

Отказаться Алексей счел неудобным. Уходя, он услышал голос за своей спиной:

— Что это она им командует!

Овощи, в самом деле, были превосходны. Огурцы не успевали обирать, помидоры краснели даже на кустах, под пышной ботвой виднелись морковь толщиной в руку, свекла окружностью с чайное блюдце.

Но самое главное, чем поразила его Валя, была ранняя капуста. Круглые плотные вилки отливали небесной голубизной. Они были похожи на головы в голубых кепках.

— Еще неделька и можно в город отправлять, — определила Валя. — Всех раньше мы нынче капусту вывезем.

Вилки тянулись стройными рядами, отдавая бригадиру честь загнутыми кверху крайними листками.

Валя объясняла и шла, касаясь плечом плеча Алексея, но была грустна, что-то заметно томило ее.

— Замечательные овощи ты вырастила! — похвалил Алексей. — А как твои сердечные дела?

— Ни хуже и ни лучше...

— Виной этому твой любимый?

— Да. Он, кажется, безразличен ко мне.

— Может быть, он не знает, что любим.

— Наверное, догадывается.

— Ты говорила ему?

— Намеркала однажды вечером вот здесь на огороде.

— А если бы прямо сказать?

— Для этого нет никакого повода.

— А может он появится?

— Едва ли...

— Почему?

— Любимую жену не сможет ему заменить нелюбимая девушка.

— Но давно ли ты его полюбила?

- Давно. Он понравился мне, когда еще был холостой.
— Почему же ты тогда никак не дала ему об этом знать?
— Я собиралась... Прислушивалась к чувству... Но чего-то

нехватало...

— А чего?

— Трудно сказать... Есть люди, которые мало ценят то, что перед ними. Когда же „то“ оказывается в чужих руках, оно становится в их глазах неизмеримо дорогим. Так вот: его увлекла другая девушка, и я почувствовала, что он для меня — всё!.. А потом война, фронт утишили боль... Я вернулась с фронта... Он вернулся с фронта офицером, аккуратным, хорошо владеющим собой, ничуть не постаревшим, и прежняя любовь ожила, вспыхнула с двойной силой.

— Ты человек культурный, должна понять, что твоей любви нечего делать там, где, к примеру сказать, цветы примяты и ягоды сорваны...

— Я понимаю, что после лета по малину не ходят.

— А ты управляешься... Ты идешь!

— Не по малину...

— Зачем же?

— Ты знаешь, что такое безответная и безмолвная любовь? Ты знаешь, как тяжело держать свою любовь в тайне? Ты не знаешь! Мне тяжело. Я одна больше не могу... И вот я пошла после лета только затем, чтобы сказать ему о своей любви.

— Но какой из этого толк? Ты ведь сама знаешь, что он к тебе безразличен.

— А вот какой толк: он будет знать о моей любви и от этого мне станет легче.

— Но это причинит ему боль.

— Причинит. Он возьмет частичку моей боли и облегчит мое сердце, а это уже большая отрада.— Ты сильный! Тебя эта боль...

— А причем тут я?

— Извини... Я забылась. Мне показалось, что передо мной... На один миг показалось, что ты — тот, о котором идет разговор.

— Спокойнее, Валя. Нас там ждут... Нам надо идти туда.!

— Я ни-ничего... Я держусь на ногах... Слез у меня нет...

— Тогда пошли... Двинулись... Немножко сбавь шаг: надо еще несколько сказать... Валечка, к великому сожалению, ничего нельзя поделаться. Если бы его любовь в какой-то мере была равна твоей...

— Я понимаю, Алеша.

— Вместе с тобой рос мальчишка... Потом рядом с тобой жил паренек лет, скажем, восемнадцати, угловатый, несмелый, какой-то недоросший еще, а ты была юная, красивая, гордая девушка. Этот парнишка молился на тебя. Если вечером где-нибудь он встречал тебя, то ему казалось, что взошло солнце и наступило ясное утро. От одного твоего ласкового взгляда он

готов был расцеловать все живущее вокруг него, но вместо ласкового паренек встречал презрительный взгляд или высокомерный, вместо приветливой или ободряющей улыбки — насмешку. Ты помнишь это, Валенька?

— Я помню, Алеша.

— Парень растерялся, он стал считать себя несчастным, он вырвал из сердца свою любовь. И вырвал, видимо, с корнем, потому что после она не давала ростков. Так тогда ты набедила!

— Я тогда была глупа, Алеша.

— Ты не была глупой. Ты не любила.

— Да, я полюбила много позже.

— Мы подходим. Ты, как всегда, начинай беседу.

— Я не могу Алеша... Передо мной все в тумане...

— Тогда сверни в сторону, будто по делу, и отдохни... возьми себя в руки...

Валя продолжала идти рядом с Алексеем, но заметила среди колхозниц Пашу и остановилась в раздумье. Потом, будто вспомнив о чем-то, быстро пошла к сторожке.

— Алексей Лукич, хорош ли у нас на огороде урожай-то? — нетерпеливо спросили огородницы.

— Замечательный урожай. Я не думал, что вы сумеете так.

— Ну так ведь бригадир-то у нас огонь! Где она, куда девалась?

— Сейчас придет.

Алексей повел речь о делах и трудах колхоза. Хлеба нынче засеяли плотные, дружно поднялись; в жару немного приостали в росте, но потом после обильных дождей все наверстали и выдalisь такие, что дед Алфеев говорит теперь: „Никогда не думал, что у нас может уродиться столько хлеба“. Озимые доспевают. Урожай наяву. Его надо только бережно и быстро убрать. В первую очередь следует выполнить обязательства и недоимки прошлых лет. Хлеба хватит на все. Много его останется и в колхозе. Трудодень предвидится большой. Мечтали поправиться, и вот она, эта поправка, вот она любовно взлелеянная нива волнуется на необозримых полях и ветер холит ее ласковой рукой. И овощи нынче отменные. Хватит их и на сдачу, и на трудодни, и на продажу. Честь и хвала думинским огородницам. Весной их, как впрочем и всех думинских колхозников, терзала одна неуверенность... Помните какая! Так знайте теперь, что дополнительная будет подсчитана со всей точностью и выдана своевременно.

— С особым рвением давайте проведем уборку и полной победой закончим лето!

Алексей рассказал о событиях в стране за неделю, прочитал несколько существенных заметок и вскоре закончил беседу: женщинам надо было еще пообедать и отдохнуть в этот полдневный перерыв.

— Все рассказал отчетисто, — похвалили его огородницы, — и нас не задержал. На том и на другом спасибо.

Бабка Стратилатова затянула старинную песню о любви. Пашино звено дружно подхватило.

— А мы что? — спохватились в огородной бригаде. — Мы не отстающие какие-нибудь...

И огородницы запели громче и веселее.

***

И опять соседи председатели встретились на меже.

— Эх, дружок, дружок, — попенял Вениамин Андроныч, — ненадежный ты у меня дружок. Рядом живем, а три месяца не видались и тебе хоть бы что. Дождевальную даже не пришел поглядеть! А я все ждал. Сухой, видать, ты сердцем-то... Я вот не такой. Я давно хотел тебя повидать. Выйду сюда, погляжу — нет Нефед. Только один раз тебя углядел, помахал, покричал, а ты мне спину показал и скрылся.

— Когда это было?

Вениамин назвал месяц и число.

— Честное слово не слышал, — поклялся Нефед.

— Может и не слышал, — поверил Вениамин. — А тогда мне показалось, что ты на меня в обиде.

— Я бы тут же примчался, если бы заметил тебя при любой обиде... Вот сейчас одна обидка есть, а я рад видеть тебя.

— Какая же это?

— Христину Теплому у меня...

— Вона ты о чем, — перебил его Вениамин Андроныч. — Я думал и дело. У меня бригадир есть вдовый... Дельный бригадир! Фронтовик. За него любая пойдет. Ты его вини.

— А я тебя виню. Ты, говорят, ему присоветовал. У тебя губа не дура, ты мастерам цену знаешь, — подтрунивал над соседом Нефед Степаныч.

— Отстань от меня, — отмахнулся Вениамин Андроныч. — Что мне ваша Христина... Обыкновенная колхозница.

— Побольше бы мне таких обыкновенных! На ее работу из района приезжают глядеть. Вы с бригадиром только время потеряете: я Христину не выдам!

— Не имеешь права помешать, — возразил Вениамин Андроныч. — Не можешь встать против счастья двух сердец.

— Сердца тут мало участвуют, дело идет не по любви, а по сватовству и твоему расчёту, так что могу...

— Поглядим, если ты стал уж очень ловок...

— Ловок не ловок, а кое-что соображаю.

— Теперь видать, что соображаешь: на сенокосе взял первое место, на уборке, пожалуй, его опять добьешься. Потом и урожайность, может, большая объявится. Слышно, что хлеба нынче небывалые у вас. Да это и понятно: в те годы ваши

поля путем не родили, отдыхали, даже можно сказать, а нынче за все недороды сразу и расквитались.

Нефед Степаныч криво усмехнулся:

— А мы, выходит, тут не причем! Просто получили дар от тех бездельных председателей, которые удобрили недородами думинские поля. Не будь, стало быть, недородов, не было бы и такого урожая нынче в Думине?

— Нет, вы тут причем, — поправился Вениамин Андроныч. — Вы, конечно, старались, но одно при другом...

Душевного разговора на этот раз не получилось, и председатели скоро расстались.

Направляясь в Думино, Нефед Степаныч услышал громкий разговор на меже, вызванный встречей председателей.

Звено Паши Ивониной удобряло участок под озимую пшеницу. Недалеко от него работало чье-то тереховское звено.

— Ой и здорово же наши-то вашк-то! — задиристо закинула бабка Стратилатова.

Тереховские не отозвались.

— Все говорили: Терехово, Терехово, а теперь станут говорить и писать — Ду-у-уми-ино!

Тереховские смолчали.

Тогда выступила более голосистая Ефимья Гречишничкова:

— Наш-то Нефед вашего-то Веньямина... — За этим следовал, очевидно, выразительный жест: думинские колхозники громко рассмеялись.

Тут уж и тереховские не выдержали:

— Ваш Нефед один-то опять бы, пожалуй, на бабах остался. Говорят, что муж вашей звеньевой нынче у вас по-другому дело обернул.

— И Нефед, и мой муж, и мы сами изо всех сил... — заговорила Паша, но тереховские перебили ее:

— И мы не сидели сложа руки! Урожай у нас не хуже вашего.

— А говорят поменьше!

— Обмолот покажет.

***

По селу, припрыгивая, катился автомобиль-коробочка с фарным кузовом, окрашенным темнозеленой краской. Казалось, что машина шла тихо, но ребята, пустившиеся за ней во всю прыть, не могли догнать.

Криками они всполошили Никиту Еремзина, который в это время дремал на завалинке. Старик поднялся и поспешно распахнул ворота правленческого двора.

Машина вкатилась прямо во двор. Григорий Азгипыч заглушил мотор и вылез из коробочки, поздоровался со стариком.

— Один я тут для спроса и примотра, — должил старик. — Сказано мне: спросят, скажи, что все в поле, а ежели кто

из района придёт, немедленно подай весть. Посиди в правлении, а я за Степанычем сбегаю живой минутой... Пооди в комнату, а ворота я запру.

Старик скрылся, а Григорий Антипыч вошёл в правление и принялся разглядывать всё, что предназначено было здесь для обозрения.

Среди недавно наклеенных плакатов и лозунгов он увидел таблицу норм выработки и рядом с ней список колхозников и количество выработанных ими за каждую неделю трудодней. „Сегодня ещё только четвёртое августа, а в списке уже полностью июльские трудодни, — мысленно отметил секретарь райкома и похвалил Старостина: счетовод толковый и расторопный.“

Там, где стоял диван и стулья для приходящих колхозников, стену украшали номера стенной газеты. Одна заметка привлекала к себе внимание своим заголовком: „Я видела, как она косит: что взмах — то готова копна“ за подписью Тани Буковой. Девушка, с которой весной Григорий Антипыч разговаривал в поле и с тех пор хорошо помнил, описывала умелые и усердные труды Христины Тепловой.

В другой заметке хвалили бабушку Стратилатову за совет поскорее убрать сено, а в третьей — Александра Ныртикова за тщательную отделку дома семье погибшего фронтовика.

В правление вошёл Нефед Степаныч и обрадованно потряс Григорию Антипычу руку:

— Вот спасибо, что не забываете нас.

— В Терехове был и к вам вот завернул. Слышал, что дело у вас хорошо идёт, но сердце потянуло к родным полянам, захотелось на всё взглянуть. Жатву начали?

— Жнитво у нас в полном разгаре, — с удовольствием сообщил Нефед Степаныч. — Полтораستا человек занято на жатве. Приспособлены все косилки, пущены все лобогрейки и, конечно, жатки... Все овощеводы, все животноводы, все старики, даже счетовод на уборке. Озимые нынче особенные. Ввели мы индивидуальную сдельщину, и потому каждый колхозник старается спать больше... В поле выйдешь — душа радуется!

— Идёмте туда! — неожиданно заторопился Григорий Антипыч.

Рожь стояла густая, высокая: она скрыла дороги, изгороди в поле. На участках передовых звеньев рожь вздымалась пышными гривами. К одной из таких грив председатель и привёл секретаря райкома:

— К молодёжи зайдём. Здесь целое звено работает, а его и не видно совсем — вот какая рожь!

Они пошли узенькой тропкой между двумя стенами ржи, свернули влево и очутились среди жниц. Толстые суслоня, сломанные огромные кувшины, стояли впритычку друг к другу.

Секретарь райкома увидел Таню и дружески кивнул ей:

— С большим урожаем вас, кажется, можно поздравить!

— Можно, — просияла Тая. — Видите, какая уродилась!.. Жаткой даже нельзя... И высока и свилась... Солома толсту-ущая. Агроном приехал, велел серпом.

— Как дело подвигается?

— Не шибко... Некоторые девушки ещё только учатся серпом-то... Наставницу им дали. Идите сюда!

Секретарь райкома подошёл вслед за Таней к высокой статной жнице. Девушка представила:

— Это Христина Харлампьевна Теплова.

— А-аа, — вспомнил Григорий Антипыч: — Знаю, знаю: „что взмах — то готова копна“.

— Она косит хорошо, а жнёт, кажется, ещё лучше. Посмотрите: она набирает между всеми пальцами правой руки, тогда как другие нажинают одну только горсть.

Христина невозмутимо продолжала работать, словно разговор не касался её. Вот она разогнулась и положила на поясок сразу полснопа. Григорий Антипыч подивился и спросил:

— У кого ты выучилась?

— Так уж сама приноровилась.

— Тут набирай хоть между всеми десятью пальцами, всё равно серпом немного нагрызёшь, — сказал Нефед Степанович. — Этот вот участок сожнёте и мы вас всех на вязку снопов пошлём. С жатвой мы в одну неделю должны покончить. Такой у нас план составлен.

— Нефедушко-о! — окликнула председателя бабка Стратилатова: — Видел наш овёсик?

— Видел... Хорош! Только поздно поспеет.

— Сразу тебе всё поспеет, так и не управишься. Зайди к нам!

Председатель направился туда. За ним последовал и Григорий Антипыч. Бабушка поджидала их, свивая поясок для снопа.

— У вас рожь послабее татьяниной, — заметил председатель.

— Послабее, — согласилась Паша. — Но у нас озимая пшеница всех лучше удалась.

— Диво-дивное — пшеница поднялась от её ласкового взгляда, — кивнув на Пашу, обратилась бабушка к секретарю райкома.

— Под её взглядом всё оживает. Это жена Алексея Ивонина. Вот — знай! Душа бабочка, ласковый, лёгкий глазок. Работать с ней одно утешенье. Ты меня, голубчик, помнишь ли?

— Мальчишкой я к тебе сено прибежал возить, а ты меня за это ватрушками угощала. Вкусные ватрушки ты пекла.

— Кулейки у нас называются... Заходи — угощу, я ещё не разучилась их делать. Думала: не признаешь меня.

— Почему?

— Тогда молодая была, а теперь в бабушках хожу.

— Походишь ещё десяточек, другой...

— Похожу. Задора во мне еще много.

Прошли дальше, посмотрели пшеницу пашинного звена.

— Колос до пятидесяти граммов! Взвешивали. Зерна тут

будет уйма, — заговорил Нефед Степаныч и рассказал, что это поле вышло из-под снега голым, его собирались перепахивать, а звено Павлы Ивониной взялось оживить и вырастило лучшую в колхозе озимую пшеницу.

Когда проходили мимо Стрелки, Григорий Антипыч вздохнул:

— А картошка у Батманова плоха. Место высокое, жара, очевидно, и доняла ее. Только что, видать, стала поправляться. Нефед Степаныч ухмыльнулся.

Григорий Антипыч не заметил его ухмылки и спросил:

— Батманов, наверно, огорчен?

— Не с чего ему огорчаться. Он первый урожай уже снял! „Эпикур“ был... Теперь посадил рассадой „Эпрон“. Это вот она уже пошла...

Григорий Антипыч засмеялся:

— Ах, он такой сякой... Подвел меня! Я из-за него разгоревался, а он, оказывается, преуспевает. Молодец!

— Преуспевает, — подтвердил председатель. — Ячмень такой вырастил, что наверняка по полтора ста пудов с гектара снимет. А по яровой пшенице на первое место выходит Алексей Лукич. Он выиграл тем, что хорошо удобрил, применил перекрестный сев и искусственное опыление...

— Где он? Почему его сегодня не видно? — спохватился Григорий Антипыч.

— Он молотилку ладит.

В воздухе было тихо, тепло и как-то сонно. Солнце медленно спускалось к западу; от деревьев, кустов, суслонов ложились тени.

Высоко на бледной лазури неба стлыо большое белое облако. Под высоким небом лежали поля, словно огромная золотисто-зеленая чаша с синеватой каймой лесов. На дне этой чаши, будто свежие коржики, теснились суслоны. Казалось, что это ловкая рука хозяйки разложила тут свои искусные изделия. Воздух был упоительно сладок, дышалось легко, и секретарь райкома с председателем колхоза неспешно шагали по безлюдной дороге, бегущей с поля к артельной усадьбе.

Около дороги появился на жнейке дядя Петя Долотов. Увидев Григория Антипыча, он только кивнул.

— Остановись, — крикнул Григорий Антипыч.

— Тороплюсь, — придержав лошадей, ответил Долотов. — Забота у меня большая...

— Какая же это забота?

— Моя забота сжинать в день по четыре гектара.

— Похвальная забота. Тогда катать!

Между суслонами ходили старики и подгребали колосья.

— Так много снопа, что на скошенных участках трудно развернуться лошади, запряженной в конные грабли, — пожаловался Нефед Степаныч. — Суслоны мешают. Приходится вот руками...

Пришли на колхозную усадьбу. Ее обступали кругом рябины и березы. Рябины полыхали, словно жаркие костры: ярко-красные гроздья разметались во все стороны языками пламени.

С высокой березы сорвался одинокий, рано поблекший листок и мотыльком закружился в неподвижном воздухе.

— А если вам из района пришлют две-три машины для вывозки зерна, сумеете вы управиться?—спросил Григорий Антипыч.

— Зерно постараемся подготовить, грузчиков и мешков хватит... Сто раз спасибо скажем! А то мы на своих подводах долго ведь не перетаскаем. Оо! какое бы нашему тяглу было облегчение... Сейчас вот жатва, молотьба, осенний сев— всюду лошади нужны.

— Машины будут, готовьте зерно! Вы живо рассчитаетесь с государством и, может быть, займете по выполнению заготовок первое место. Все зависит от вас.

— Мы все силы приложим, Григорий Антипыч! Это была бы для нас такая помощь!..

Подошли к молотильным навесам. Один был только что выстроен, другой заново покрыт и подновлен. В одном из них копошились три человека. Они казались маленькими среди высоченных столбов под крышей необъятных размеров. Алексей Ивонин, увидев секретаря райкома, двинулся ему навстречу. Григорий Антипыч прибавил шагу. Они поздоровались и прошли к разобранной по частям молотилке.

— Машину налаживаете?

— Да, с товарищами Ныртиковым и Косачевым молотилочку готовим. Завтра хотим начать обмолот. Все трое мы умеем постоярничать, послесарничать — дело идет. А товарищ Ныртиков по столярному делу прямо артист,— подчеркнул Алексей и кивнул в сторону Ныртикова.

Григорий Антипыч понял Алексея, протянул Ныртикову руку и обрадованно воскликнул:

— Товарищ Ныртиков! Весной мы получили ваше заявление и предложили Алексею Лукичу Ивонину уладить дело. И он, очевидно, сумел уладить.

— Я просто подружился с товарищем Ныртиковым... Александр Степаныч тогда пришел к нам и теперь хорошо работает,— ответил Алексей. — Его бранили, над ним смеялись, а в его душе оказалось много колхозного... Мы теперь стали друзьями, вместе работаем в одном звене.

Ныртикова тронула похвала Алексея, он резко повернулся и взволнованно заговорил:

— Григорий Антипыч!.. Нет, сначала не так... Алексей Лукич, вы приучили меня говорить начистоту... И я скажу... Григорий Антипыч, все улажено! И за это спасибо Алексею Лукичу! И еще я извиняюсь перед ним... И перед Федом Степанычем. Они знают, в чем... Вот Иван Андреич тоже мне помог. Он первой меня понял...

— Ничего я не понял, — перебил Ныртикова Косачев. — Просто сказать, мне тогда по душе пришелся Алексей; с ним, думаю, можно дела творить. Потом прикинул на свой охотничий глаз и вижу, что ослабший колхоз вновь расправляет крылья. Теперь он взмахнул ими, приподнялся...

Косачев хотел еще что-то сказать, но в это время прибежала Ольгунька Резцова, встревоженная, запыхавшаяся и, еле переводя дух, зачистила срывающимся голосом:

— Нефед Степаныч!.. Я к вам, Нефед Степаныч! У нас, Нефед Степаныч, бабушка ржи отхватила...

— Какая бабушка? Говори толком.

— Известно — Стратилатова, Нефед Степаныч. Одна у нас такая... Кому же больше... Ее везде сует... На самый хороший участок с серпом въехала, Нефед Степаныч... Все жала по звеньевой меже, все шла по меже и по меже, а как дошла до нашей ржи самой-то непрорезной, самой густой и высокой и не утерпело ее сердце, разгорелась вся и ну хватать, и ну хватать! Криво-накосо так и лезет к нам, Нефед Степаныч, так и лезет без стыда и совести... Мы ей говорим: „Не по меже идешь“, — а она говорит: „Нет, по меже“, а слепому даже видно, Нефед Степаныч, что не по меже. Мы ей говорим: „Разуй глаза, погляди хорошенько“, а она...

— „Разуй глаза“, — повторил Алексей и укоризненно покачал головой. — Разве можно так бабушке говорить!..

— Так ведь она рассердила нас, Алексей Лукич. Мы ей кричим, а она и ухом не ведет...

— А Паша что?

— А Паша только посмеивается... Правда, Алексей Лукич, один раз она сказала: „Прекрати“, но бабка кинулась на нее, что, мол, у тебя бережи нет к звеньевому добру, ты им свое готова отдать...

— А Таня что? — спросил Нефед Степаныч.

— А Таня увидела, что бабка отжинает и никого слушать не хочет, кричать не стала, а только покачала головой и послала за вами, Нефед Степаныч...

— А бабка что. Не прекратила?

— Нет. И не подумала даже... Поглядела мне вслед и еще скорее, все скорее и скорее принялась жать: Так и хватает, так и хватает...

— Надо сходить туда, — предложил Григорий Антипыч. — Там что-то интересное. Видать, задорная эта бабушка.

— Расчудесная старуха, — подтвердил Нефед Степаныч. — Что она там творит. Старьецо, поди, какое-нибудь в душе колыхнулось. Ей покойный Горшков два пункта в своих записках отвел... Опять чего-то старая придумала.

— Придумала наше звено обжинать, — подхватила Оля Резцова. — Не звено, конечно, а участок нашего звена... Конечно, Нефед Степаныч, все это в колхоз пойдет, мы понимаем, но

ведь мы соревнуемся и не хотим отставать... Мы не хотим, Нефед Степаныч, чтобы наши успехи достались другим.

— Сейчас разберемся, Оленька, ваши успехи вашими и будут.

Алексей Ивонин посмотрел на часы и сказал Косачеву и Ныртикову:

— Время к вечеру, а вы еще не обедали сегодня. Отправляйтесь домой, а я пока туда схожу...

— А мы уж тут доделаем, немного осталось, — ответил Ныртиков.

— Тогда доделывайте...

— Хорошо, что вы любите своих думинцев, — заговорил Григорий Антипыч, когда вышли в поле. — Любите и работаете с ними. А вот тереховский председатель мало любит своих тереховцев и только начальствует над ними. В Терехове неплохо работают, но не чувствуется радости, общего устремления... У вас, кажется, больше согласия и дружбы.

Увидев Алексея, Григория Антипыча и председателя, бабушка присмирела и пошла на попятную. На ее коричневом, морщинистом лице мелькнуло явное смущение. Она теперь уже не утверждала, не кричала, а говорила заискивающе, с притворной задумчивостью:

— Далось мне в голову, что это нашего звена рожь. Ну далось и далось... Что ты будешь делать?

— Тебе, может, покажется, что вся хорошая рожь на полях для вашего звена выросла, — вставила Оля Резцова.

Алексей строго посмотрел на Олю и погрозил ей пальцем:

— Ты не забывай, девушка, с кем говоришь! Она немножко постарше тебя; у нее внуки тебе ровесники.

Оля потупилась и отошла в сторону. Стратилатова сдержанно проворчала на нее:

— Вишь какая приткая... В твои-то годы я рта не смела раскрыть при старших-то, а не то что кричать на них. — Она вздохнула и продолжала: — Говорят: жижи по меже, а какая тут межа... Никакой межи теперь нет. Вот мне и кажется, что это нашего звена рожь. Ведь мы тоже хорошую растили, старались изо всех сил.

— Рожь и у вас неплоха, это верно, но давай разберемся спокойно и по совести, — ласково начал Алексей. — Где межа?

Показывать межу между участками звеньев собрались все девушки.

— Так, — заключил Алексей, выслушав всех, — это вот, стало быть, межа... Так она идет, идет, продолжается... Вот и выходит, что ты отхватила у них! Пока немного, а кабы так дальше пошла, много бы отрезала.

— Нешто я нарочно, Алексей Лукич, — воскликнула бабушка, оправдываясь. — Помнилось мне: наше и наше...

— Я не говорю, что нарочно, — стараясь успокоить старушку, душевно продолжал Алексей. — Я говорю, что помнилось и немножко пошатило тебя в ту сторону... Ну пошатило и пошатило, вот и все! Грех невелик, но вот он шум поднял и от дела всех оторвал. Чтобы этого больше не было, мы сделаем вот как: Паша, ты вставай здесь и жни по меже со стороны своего участка, а ты, Таня, со стороны своего...

— Павлу Николаевну нельзя тут ставить, — возразила бабушка. — Она свое-то все отдаст... Она уступчивая.

— Не отдаст! А если отдаст, так Таня не возьмет. Вставайте! Вот и спору конец. Звеньевые тут лучше разберутся и сладятся.

— Григорий Антипыч, во сколько сегодня на доклад-то приходите?

Секретарь райкома обернулся. Спрашивала Оля Резцова. Христина Теплова добавила, решив, что он не понял, о чем его спрашивают:

— Рано ли лекция начнется?

— Слушать вас хотят, — пояснил Алексей. — Придется опять доклад о международном положении делать.

— Любите вы, я вижу, доклады слушать... А свои-то докладчики и беседчики разве редко перед вами выступают? — спросил Григорий Антипыч.

— Часто, но они говорят все из жизненности...

— Вот и хорошо, что из жизненности!

— Они все говорят из жизненности своего колхоза, а это все знакомо... Нам хочется вас послушать про весь вольный свет.

— Ах, вот как! Хорошо, тогда поговорим сегодня про весь вольный свет. А кто у вас проводит беседы?

— Многие... Серафима Петровна, Алексей Лукич, Нефед Степаныч, Валя Цветова, Мирон Батманов...

— Анна Доброхотова приучается беседы проводить... И ничего! Привыкать стала.

— Еще дядя Петя Долотов в агитаторах состоит. Этот начинает всегда с того, как он работал в комитете бедноты и революцию в Думине утверждал. Интересно его послушать, особенно молодым.

— Интересно? Вот видите!

— А Наум Чайнов все исторически...

— Тот всегда издальки заведет...

— Он много знает, его только слушай.

— А интересно слушать?

— Незаметно час пробежит.

— Долго он, стало быть, беседует?

— Долго. Что было раньше в Думине, что теперь стало...

И все ведь разное говорит, каждый раз новое. Откуда он

столько всего берет? А подведет все к тому, как надо теперь жить и еще лучше работать.

— Вот видите, какие у вас беседчики интересные... Оригинальные, по-своему умеющие говорить. Кстати, где сейчас Наум Чайнов?

— Он снопы в суслоны укладывал и только недавно отправился пообедать, — сообщила Паша. — К вечеру опять выйдет укладывать.

— Он у нас считается самым лучшим укладчиком, — встал Нефед Степаныч. — К нему можно пойти. Сейчас в самый раз — он отдыхает.

— Надо заглянуть к нему, — решил Григорий Антипыч. — Я ему подарок привез. Мы ведь в детстве с ним были дружки неразлучные. Мозговитый был парнишка... Зря учиться не поехал!

По дороге к Науму Нефед Степаныч сказал:

— Умна старуха, заботлива, вполне сжилась с артелью, а прежненькое-то еще сказывается. Бывало из-за этих обжинов на межах до драк дело доходило... За волосы жницы друг друга таскали. При единоличке то и дело, бывало, слышишь: „Ты мою полосу такая-сякая обжала“.

— Сказывается, — согласился Григорий Антипыч, — ноказывается уже в другом виде: прежде отжинали для себя, а теперь для своего звена.

— Но она помнит о дополнительной оплате: побольше нажнет, — побольше получит; стало быть для себя старается, — рассуждал Нефед Степаныч.

— Это еще как сказать, — возразил Алексей, старающийся в первую очередь видеть в каждом явлении светлые стороны.

— Вернее она отжинает не для себя, а для славы своего звена — вот, дескать, урожай у нас нынче какой!

* * *

Наум Чайнов сидел после обеда в горенке и что-то писал.

— Извини, Наум Артемьич, что мы нагрянули к тебе так неожиданно, — заговорил Григорий Антипыч. — Помешали мы тебе? Здравствуй, дорогой мой!

— Здравствуй, Григорий Антипыч! Очень я рад, — засуетился Наум, подавая всем стулья. — А помешать не помешали; я тут маракаю кой-чего для памяти. Посидите, я сейчас... У меня там самовар кипит. Пообедал да чаю захотел: жарко сегодня. Посмотрите пока мои диковинки, а я похлопочу...

В красном углу и на передней стене горницы тщательно были прилажены „диковинки“. Григорий Антипыч увидел большой, потемневший от времени рог, подошел и прочитал бумажку под ним:

„Рог старинного быка тура. Найден колхозником села Думино Мироном Батмановым и подарен мне для уголка древностей. Рог обнаружен в земле на глубине двадцати сантимет-

ров при распашке целины на склоне Стрелки, который спускается к реке Любиче“.

Рядом с рогом соседствовал ржавый верхний конец пики.
„Обломок пики, с которой мой дед ходил на француза — Наполеона в 1812 году. По словам отца, умершего на восемьдесят третьем году своей жизни, дедушка был участником Народного ополчения“.

Под обломком пики висела медаль. Бумажка поясняла:

„Медаль, которую мой отец принес с русско-турецкой войны. Ему и довелось воевать под Шипкой. В Отечественную войну мне пришлось принимать участие в освобождении Болгарии от фашистского ига. Я отпросился побывать на Шипке; ходил там по горам и все думал: „Вот здесь воевал мой отец.“

На медаль бросала тень шляпа странной формы.

„Шляпа-гречневик, — читал Григорий Антипыч. — Сохранил ее мой покойный отец, очень бережливый человек. Я слышал от него, что такие шляпы носили крестьяне села Думина и окружающих селений при крепостном праве и даже много позже“.

Григорий Антипыч с интересом продолжал рассматривать вещи и читать надписи:

„Безмен. Употреблялся в прежнее время в нашем селе вместо весов. Взвешивал не особенно точно“.

„Восточная монета. Серафима Петровна говорит, что грузинская. Найдена нашими сельскими ребятами на берегу Выремши. В давней давности Выремша и Любича были судоходными реками и, судя по этой монете, здесь проходили суденышки купцов из дальних стран“.

В переднем углу прямо на полу лежал большой шероховатый камень. Приклеенная к нему бумажка гласила:

„Камень с высеченной надписью. Найден мной на одном из холмов, что над Выремшей. Значение выбитых на нем четырех славянских букв мне неизвестно. Даже Серафима Петровна не могла установить их значения“.

„Кривая сабля. Вместе со скелетом найдена нашими колхозниками при добыче торфа для удобрений. Наш сельский врач установил, что череп скелета монгольского типа и высказал предположение, что здесь был убит баскак и брошен в болото.“

Наум внес самовар и водрузил его на стол. Нефед Степаныч решил подтрунить над думинским историком:

— Наум Артемьич, а рог этот, мне кажется, от Самсона. Помнишь до войны у нас в колхозе такой огромный производитель был.

— Помню, помню... Как Самсона не помнить! Но у того и рог пониже и хвост пожиже был, — отшутился Мирон, рассмешив всех.

— Все это очень интересно, — продолжая рассматривать, молвил Григорий Антипыч. — Только бы надо это дело пошире...

— А вот наберу-наберу, — перебил его Чайнов, — а перед смертью все и завещаю колхозу для основания музея.

Сели за стол и завели разговор о прошлом Думина.

— Наум Артемьич, я тебе подарок привез, — Григорий Антипыч раскрыл портфель и подал большую толстую книгу в прочном переплете. — Вещь для тебя необходимая. Станешь в нее думинскую историю записывать. Пиши больше и интереснее, вот как надписи к древностям: живо и попросту.

Наум принял и раскрыл книгу, потрогал бумагу пальцами:

— Большущее спасибо! Стану писать и помнить друга.

Полюбовались книгой и Алексей с Нефедом Степанычем. Разговор неожиданно оборвался.

Молчание нарушил Григорий Антипыч:

— Кстати о писаниях... Читал сегодня номера вашей стенной газеты. Встречаются живые, дух поднимающие заметки. Так и агитируйте примерами, жизнью за жизнь, делами за дела... Хорошо, что вы агитационную работу усилили в бригадах и звеньях и наглядной стали пользоваться. И на досках показателей у вас свежие цифры... Трудодни, видать, учитываются своевременно... Все, кажется, хорошо, но одно нехорошо: нет роста... Партийная организация у вас работоспособная, живая, ведущая роль ее очевидна, но не увеличивается, не растет. А между тем у вас есть замечательные люди! Вот Наум Артемьич... Такие люди достойны!

— Партийная организация у нас малочисленная, члены партии с малым стажем, — издали начал Алексей. — Вот сейчас готовятся к вступлению Тихон Старостин и Мирон Батманов, но некому здесь за них поручиться.

— Надо помочь им. Мы об этом с тобой побеседуем особо, обдумаем и потом устроим.

— Вот и я бы вместе с Мироном и Тихоном, — намекнул Наум.

— Наум Артемьич, ты в детстве мне был по душе, а с тех пор, я вижу, ты стал не хуже, а еще лучше... Я за тебя сам охотно поручусь!

— Теперь еще одно: на сенокосе вышли на первое место, на уборке также постарайтесь. Теперь вы можете!

***

Бабушка Стратилатова, живя по соседству, заметила, что с одного окна на избе Щедрикова доски сняты.

Щедриков никогда уважением ее не пользовался, приглядывать за его избой она обещания не давала, но все-таки такого беспорядка в соседском деле терпеть не могла.

Бабка поворчала на неизвестных охотников до чужого добра и двинулась через проулок узвать поточнее, в чем тут дело. Осмотрела окно, поднялась на завалинку и заглянула в избу. Все окна заколочены кроме одного, в избе темно, ничего не

видно, но кто-то там будто шевелится и вздыхает. Когда глаза привыкли к темноте, бабушка увидела Щедрикова. Он лежал на скамье, подложив под голову заплочный мешок.

Бабка тюкнула пальцем в стекло, Щедриков вздрогнул, повернулся. Узнав старую соседку, он обрадовался и позвал ее в избу. Бабушка вошла. Поискала глазами табуретку, но в избе было пусто. Прислонилась плечом к переборке и спросила:

— Побывать или сровсем?

— Со-овсем, — вздохнул Щедриков.

И бабка Стратилатова вздохнула, кое о чем уже догадываясь.

— А царевна-королевна твоя где?

Щедриков махнул рукой в далекую даль:

— Д-у-у, д-у-у...

— Одна или молодца нашла?

— Нашла. Махнула с одним кавалером по Волге на Каспийское море.

— Рыбки, стало быть, захотела. А нажитки твои где?

— Нажитки! Плакали мои нажитки. Все размотала, обчистила меня, как липку.

— Так тебе и надо. А борода твоя где? Ты ведь отсюда с бородой поехал.

— Поехал с бородой, а приехал без бороды: сбрить приказала, в городе, говорит, с бородами не ходят, сложи ее, а то, говорит, терпеть тебя не могу в таком противном виде.

— Здесь приказала тебе бороду носить, а там приказ отменила. Это она, дуреха, тебя, вахлака, все под красавца подгоняла, да увидела, что ничего путного не выходит и оставила тебя. Не подошел, стало быть. Ну и повертела же она тобой...

— Повертела, — согласился Щедриков. — Теперь я рад радешенек, что около меня нет этого беса полуденного, будто гора с плеч свалилась. Тишка Старостин должен мне в ножки поклониться, что я избавил его... Теперь таких, как она, кажется, больше и нет.

— Она от отца, от матушки все переняла. Они, не тем будь помянуты, были шельмы, мирские захребетники... Задала она тебе жару, теперь, может, поумнее будешь.

— Да, надо быть поумнее. Пристроиться бы куда да и жить, не смешить людей, не мешать никому.

— Каким занятием теперь хлеб себе добывать ставешь? В колхоз что ли будешь проситься?

— А примут ли?

— Кто знает... Это уж народ решит.

— Скоро лесозаготовки начнутся, туда мечтаю наняться. Хорошо бы десятником! Факт записать, цифры на счетах ли, на бумаге ли прикинуть я мастак. Обещал мне один дружок в лесу местечко. Если же там ничего не выйдет, придется адреснуться к Алексею Лукичу: может, он возьмется мою жизнь обдумать. Вот Косачеву и Ныртикову он помог.

Урожай радовал Пашу Ивонину. Поле пшеницы, которое весной собирались перепахивать, уродило хорошо.

„И доставило же оно нам хлопот,— думала Паша, вспоминая весенние заботы.— Сначала пшеницу пробороновали, потом помогли ей азотом, через две недели подкормили фосфором и калием. Пшеница воспрянула, звено обрадовалось, но ненадолго: после подкормок буйнее пшеницы пошли в рост сорняки. И две недели звено воевало с сорняками. Но поле в долгу не осталось, оно дало зерна больше, чем поля самых передовых звеньев.“

Несколько раз в течение дня Паша справлялась — сколько зерна отправлено на склад, и весовщик каждый раз отвечал:

— По озимой пшенице пока первое место занимаешь, не знаю, какой урожай другие звенья покажут...

Вечером молотильщики сходили домой поужинать и встали на ночную работу. Алексей Ивонин вместе с Пашей пришел помогать звену. Около него тут же очутились Клим Кочетков, Валерка Алфеев, Миша и Ося Тепловы. Их всегда тянуло туда, где был Алексей.

Ребята рьяно принялись помогать. Они то подносили снопы к молотилке, то вместе с колхозниками отвозили солому к ометам, всячески стараясь выслужиться перед Алексеем. Но в десятом часу они попались на глаза Паше и она сказала мужу:

— Этих молодых надо отправить домой, им надо спать.

Алексей подозвал их к себе:

— Ребятки, вам пора по домам!

Вперед выступил Миша Теплов:

— Мы всю ночь вместе с вами будем молотить, — заодно заявил Миша.

— Нет, нет, — решительно воспротивился Алексей. — Нельзя! Идите спать.

— А мы не хотим спать, — визгнул Валерка.

— Нам спать не хочется, — топорщился Миша.

— Не хочется, — повторил Ося.

Бабушка Стратилатова с сожалением посмотрела на ребят Тепловых и насмешливо спросила:

— А вы тут для чего стараетесь?

— А что нам не стараться, — удивился Миша.

— Да ведь вам всё равно скоро не у нас, а в Терехове жить.

Ося посмотрел на брата, словно просил у него защиты, но Миша поник и не нашелся ответить.

— Эх, бабушка, язык-то у тебя длинен, — поморщился Алексей.

— Я, Алексей Лукич, правду сказала.

— Да разве можно так ребятам говорить!

— А что нельзя... Ничего здесь страшного нет: жили в Думине, а теперь будут жить в Терехове. Только и всего страху-то...

— Страшного ничего нет, но не следует говорить лишнее, — недовольно проговорил Алексей и пошел к машине.

— До завтра, — солидно, баском попрощался Кли́м Кочетков.

— До свиданья, Алексей Лукич! — пронзительно крикнул Валерка Алфеев. Миша Теплов тоже хотел попрощаться, но какая-то неизведанная горечь подкатила к сердцу, сдавила горло. Он не смог вымолвить ни одного слова, смущенно повернулся и побрел к дому. Ося догнал его, коснулся его руки своей шершавой ручонкой. Миша крепко сжал руку брата, и они тихо побрели пыльной дорогой к Выгонцеву. Пыль еще хранила тепло жаркого дня и согревала их босые ноги.

Немного погодя их настигли Кли́м Кочетков и Валерка Алфеев. Им жалко стало своих друзей. Жалко таких хороших ребят отпустить в Терехово. Хотя оно и по соседству, но расстояние до него немалое, нечасто потом придется видеться с ними.

— Миш, ты в Терехово не ходи, — запальчиво заговорил Валерка. — Ты оставайся в Думине! И Оську с собой оставь! Отцовское-то место не бросайте... Вам ведь дом поставили за отца-то!

— Не оставляйте! — тверже и спокойнее проговорил Кли́м Кочетков. — Вы наследники всему...

— Наследники, — пылко перебил его Валерка и вернулся к прерванной мысли: — Дом колхоз построил, чтобы вы росли тут, где отец жил. Так мой дедушка сказал! Им надо, говорит, отцовского гнезда держаться, отцову память хранить. Вот! И унывать тебе не надо...

— А что ему унывать, — с удальдой в голосе воскликнул Кли́м Кочетков. — Он в колхозе во всю теперь может работать.

— Вот! В колхозе... — пылко подхватил Валерка, — а мы тебя поддержим, не оставим...

— Не оставим, — подтвердил Кли́м. — И колхоз тебе помощь окажет!

— И Алексей Лукич и Нефед Степаныч поддержат, — горячился Валерка. — Не оставляй отцово место! Дедушка говорит, что он у тебя не кое-кто был, а хороший колхозник и погиб за Родину! Скажи, что, мол, не хочу и не хочу, и никто тебя идти в Терехово заставить не может.

— Останемся? — прижимаясь к брату, спросил Ося.

— Останемся! — хмуро и решительно ответил старший брат.

Держась за руки, братья двинулись к Выгонцеву.

На чистом темносинем небе горели яркие звезды, весело перемигиваясь между собой. Из-за Терехова выкатилась большая луна и затопила голубовато-золотистым светом Думино...

Миша оглянулся. Отсюда можно было узнать, как человека в лицо, каждый дом, каждую сарайку. Блестели ометы свежей соломы, и в их блеске терялся свет фонарей на молотильном току. Миша разглядел и фигурки удаляющихся приятелей. Они о чем-то жарко толковали, судя по тому, что Валерка часто выбегал вперед Клима, повертывался и размахивал руками.

Недолог путь до Выгонцева. Вот и Выремша. Вот и мосток через нее. Лунный свет проникает сквозь листву прибрежных деревьев и лежит на поверхности речки золотой сеткой.

У своей новой избы Миша замечает мать и останавливается в растерянности. Она сидит на завалинке рядом с незнакомым мужчиной. В голове мальчика мелькает догадка: „Это вот он самый и есть — бригадир из Терехова, который виной всему.“

— Что вы так долго гуляете? — вглядываясь в сыновей, с нежностью в голосе спрашивает мать.

— Мы молотили, — неохотно отвечает Миша.

— С Алексеем... С Лукичем, — простодушно отвечает Ося.

— Что же он молотить сегодня вздумал?

— Паше помогает...

— А-а... Понимаю теперь... Идите поужинайте и ложитесь спать. Ужин на столе приготовлен.

Миша дергает за руку брата и слышит за спиной голос матери:

— Сыновья у меня почти что женихи, а вы говорите...

Судя по этим словам, она не согласна с тереховским бригадиром, и это немного успокаивает Мишу.

На столе под чистой скатерткой крынка молока, две кружки и тарелка с хлебом. Миша осторожно наливает в кружки молоко, тихо усаживается за стол, стараясь расслышать, что говорится за окном.

Ося, понимая брата, тоже старается не шуметь, жует хлеб с закрытым ртом и неслышно припивает молоко. Но как ни напрягают они слух, разобрать ничего не могут, голоса слышатся, а слова не доходят.

Братья выпивают все молоко, съедают весь хлеб, потом долго дремлют за столом, а мать все еще не возвращается в избу.

Глаза слипаются, голова не держится на плечах, надо идти спать!

„Раз не согласна, так сказала бы прямо и шла бы домой, а то все сидит и сидит с ним“, — недовольно думает Миша и поднимается из-за стола. И в тот же миг встает младший. Спотыкаясь, они тащатся в горницу, где спят каждое лето вплоть до холодов.

В темных сенях с одним маленьким оконцем Ося подается в сторону и, наткнувшись на дощатую стенку чулана, останавливается, не зная, куда двигаться. Старший брат берет его за плечи и осторожно ведет в горницу:

— Сюда... Вот сюда! Так, так...

На постели Осю пугает неожиданно вспыхнувшая мысль, и он хватается брата за руку:

— А как он всех нас увезет!?

— Не увезет, — успокаивает его Миша. — Ты со мной!.. Я сильный! Я могу в колхозе...

— И я могу.

— И ты можешь. Унывать не будем!

***

В Терехово приходили вести о большом урожае в Думине, и Вениамин Андроныч потерял свое обычное спокойствие.

Он не допускал мысли, что Думинский колхоз так скоро поправится и опередит Тереховский. „Помочь — помогу, но вперед себя не пущу“, — говорил он себе весной, а поэтому, когда думинцы, хоть и не намного и не во всем, опередили тереховцев, в нем заговорило самолюбие. Все было Терехово в славе, а тут вдруг Думино! А Терехово, скажут, сошло с первого места. Вениамин нынче что-то сдал. Как хотите, а это не особенно приятно сердцу. Почему же так получилось? Может, они преувеличивают свои успехи. Надо было бы получше узнать, проверить.

Был солнечный день ранней осени. Солнце ходило невысоко, но еще светило ярко; грело, но уже не жгло, не палило.

Вениамин Андроныч вышел на межу и взгляделся в думинские уголья.

Поля озимых хлебов убраны чисто и даже подгрребены. В одном месте стояла фанерная будка, около нее сидела птичница, а вокруг гуляли куры. „Ишь какие хозяйственные стали, — подумал тереховский председатель. — Чтобы упавшие зернышки не пропадали, кур в поле вывезли“.

В поле яровой пшеницы колыхались две жнейки, размахивая деревянными крыльями. Издалека казалось, что они изо всех сил старались подняться с земли и никак не могли. Жнейки оставляли на своем пути ровные охапки сжатой пшеницы. За ними двигались вязальщицы, собирали эти охапки, связывали поясками, приготовленными из ржаной соломы, и ставили „на попа“, чтобы они проветривались и сохли.

„Не торопясь работают, а споро. Вышли сюда ранним утром, а уйдут затемно. Слышно, что у них в эти дни и обед людям, и корм лошадям в поле носят, чтобы не тратить время на хождение. Большой, говорят, у них выдумщик этот самый Ивонин, секретарь партийной организации. Из молодых он. Не знаю я его что-то в лицо, не встречал. А пшеница хороша! Невысока, но колосиста, много зерна даст. Может, выдумщик этот искусственное опыление здесь и применял, оттого и колос такой зернистый“.

Было еще тепло и солнечно, но осень уже заявляла о себе и пустыми полями, и жухлой травой на меже, и золотыми сережками на березах, и стаями дроздов, которые от перелеска к перелеску пробирались в теплую сторону.

Думинского председателя в поле не видно. „Около молотилки, наверно, крутится,— решил Вениамин Андронич.— Слышно отсюда — она у них названивает во-всю... Не иди же мне туда; много будет чести.“

Вениамин Андронич повернул к Терехову и встретил в поле того самого бригадира, который сватался к Христине Тепловой.

— Ты, говорят, вчера в Думино ходил?— остановил его председатель.

— Бы-ыл...

— Что там?

Бригадир смешался и заговорил неуверенно:

— Вроде бы склоняется, но слова еще окончательного...

— Кто склоняется?— не понял председатель.

— Христина.

— А-аа Христина... Если склоняется, ты не плошай, веди дело настойчивее. Я видел ее в поле — ма-астеридка! Хорошо бы ее в наш колхоз. Так что ты маху не давай. Ну, а в колхозе у них что?

— Слышно, что убирают шибко... И умолотом хвалятся. Умолот, сказывают, что хороший. Я прикидывал в уме: выходит центнера на два-на три выше по каждой культуре. А у Иво-нина (правда, не на всем участке, а отдельными местами) дше-ница дала по сорок центнеров в среднем на гектар. Он теперь всем и каждому постоянно твердит: „Вот какие возможности, вот сколь можно собирать, если постараться. Изониз у них партийным секретарем. Он и помог дело развернуть... У нас беда в том, что секретарь не такой, все только на тебе держится...“

— А на ком же еще должно держаться?! — вспыхнул Вениамин. Бригадир замолчал, думая: „Нэ в духе что-то наш Неда-глядный сегодня; в таком разе перенить ему нельзя.“

***

Несколько раз приходила из Терехова женщина; Христина подолгу говорила с ней в уединенном месте. Митя замечал, что мать стала задумчивой, неразговорчивой, лишилась аппетита. Придет с поля, накормит ребят, а сама к куску не при-тронется. Сын глядит, глядит на нее и встревоженно ска-жет:

— Мам, что ты ничего не ешь?!

Она встрепенется вся, нахмурится и ответит:

— А я сыта...

Толковали по селу, что Христина не дает прямого ответа, все видели, что в душе ее происходит тяжелая борьба, и сочувствовали: нелегко выходить замуж с тройкой ребят.

Миша и Ося не говорили об этом ничего между собой, но понимали друг друга. Они теперь проводили целые дни вместе и часто уединялись.

Миша лег однажды вечером спать и не мог заснуть. Он встал, вышел на задворки и сел под яблоней на невысокую, длинную скамейку. Ее смастерил и крепко вкопал в землю еще покойный отец, и Миша любил посидеть здесь.

Вскоре пришел Ося и сел рядом.

— Ты что? — спросил старший.

— Ты не спишь и мне не спится, — дрожащим голосом ответил меньшей.

Они сидели, прижавшись друг к другу, и долго молчали.

Старая яблоня низко склоняла над ними свои длинные ветви. Пахло с огорода яблоками и укропом.

В проулке и дальше на гумнах стрекотали кузнечики, и маленькому Осе казалось, что там тысячи карликов величиной с булавку косят на крошечных косилках. Темное небо озарилось на миг бледным светом, и Ося вздрогнул. Старший брат крепко прижал его к себе и успокоил:

— Не бойсь... это гроза где-то далеко...

Под крышей артельного тока мерцал огонек и ровно гудела молотилка. В селе светились редкие огоньки.

Ребятам Тепловым все казалось сегодня тревожным: и темнота, и рев молотилки, и стрекотание бесчисленного множества кузнечиков.

И запах яблоков и укропа казался приторным.

Маленький вздрогнул, задышал часто-часто и тоненько занял.

— Ты что? — забеспокоился старший.

— Ма-а-аму-у жа-алко, — всхлипывая, пролепетал Ося. — Мы здесь останемся, а она уедет...

— Раз решили, так передумывать не будем.

Маленький начинал давать волю слезам:

— Она уедет далеко...

— Всего только в Терехово. Придет навестить нас... Не надо! Перестань. Слышишь!

Ося затих, но плечики его продолжали вздрагивать.

Миша заерзал на скамейке, потом склонился к братишке и на ухо прошептал:

— Успокойся, поди домой и скажи маме, что я прошу ее выйти сюда.

Младший согласно кивнул головой.

— А сам не ходи сюда! Если без меня не уснешь, закутайся и просто лежи, я скоро приду. Мне надо одному с ней поговорить. Иди!

Ося вытер кулачком глаза и поплелся в избу.

Миша проводил его взглядом и, оставшись один, крепко ухватился руками за скамейку.

Темнота сгустилась. Один за другим стали гаснуть огоньки на селе. Ночной прохладой дохнул огород. Миша поежился.

Из-за угла избы показалась мать. Вот она сейчас подойдет и строго прикрикнет: „Ты почему не спишь. Твое ли тут дело?“ Миша приготовился спокойно попросить, чтобы мать выслушала его, но она безмолвно приблизилась и села на скамейку. Чувствовалось, что какая-то тяжелая дума тяготит ее. Сын ждал, когда мать спросит: „Ну что тебе надо?“, — но мать молчала, словно не могла оторваться от своих дум.

Надо самому начинать разговор. Миша поднялся со скамейки, считая, что так он будет тверже и мужественнее держаться.

— Мама! — произнес он это слово каким-то не своим голосом, помолчал, перевел дух и продолжал спокойнее: — Все село знает и оттого я знаю... Да еще я вижу...

— Что ты видишь? — с тревожной требовательностью спросила мать.

— Я вижу, что тебе тяжело... Я мало понимаю, но люди на селе говорят, что тебе надо еще жить... Ты решайся!.. А мы вырастем... Я уже стал большой, мне еще немного и сам... Мы не помешаем...

— Кто это — мы? — спросила мать.

— Мы с братом... Я и Ося...

Миша помолчал, собираясь с мыслями.

— Все? — спросила мать.

— Нет еще, — заторопился Миша. — Я до главного не дошел.

— Тогда говори главное!

— Сейчас. Сделаем, значит, так... Ленка еще маленькая — ей все равно... Ты с ней... А мы...

— Что мы? — нетерпеливо спросила мать.

Миша выпрямился, тряхнул головой и с вызывающей твердостью в голосе заявил:

— Я, мам, в Терехово не пойду! И Оську с собой оставляю! Мы проживем. Я уже умею все делать... И нам колхоз поможет.

— Ох, и самостоятельный же ты у меня, — насмешливо покачала головой мать.

— Можете, еще и не совсем самостоятельный, но в Терехово я не пойду! Я думинский! Я не дам разорять это гнездо, никуда отсюда не сдвинусь, в Терехово не потащусь! Какая неволя мне там проживаться... Я уже мешок ржи с телеги на склад могу перенести! Я скоро парнем буду... И Оська за мной тянется... А мы думинские! У меня здесь товарищи... Терехово... Что мне Терехово! Мы покажем еще этому Терехову, как надо выходить на первые места...

Миша почувствовал, что разгорячился и хватил через край.

Он подтянул ремешок, одернул рубашку и тихо добавил:

— С одной Ленкой тебе там лучше будет.

К удивлению Миши, мать выслушала его слова совершенно спокойно:

— Алексей тебя научил?— спросила она.

— У меня своя голова...

— Скажи правду — Алексей?

— Нет, мама, он мне ничего не говорил.

— От кого же ты наслышался?

— Я наслышался по селу, все обдумал и решил... Ты, мама, не обижайся! Я от чистого сердца, без обиды говорю. Мне ведь это, что говорят по селу, не все равно... И Ося беспокоится... Тебе жить надо и мне жить надо. Я уже большой, все понимаю; нарушать это место и ехать в Терехово, в чужой дом мне тяжело... Я здесь жить буду. Зря что ли нам колхоз дом строил. Я был Теплов и останусь Теплов!

Мать взяла его за руку, посадила рядом с собой и, поглаживая по голове, заговорила:

— Хорошо, что ты решил со мной поговорить. И говорил, кажется, все правильно. Я думала, что Алексей тебя научил. Я хотела с ним посоветоваться, но потом сама решение нашла. Говорят по селу, что мне жить надо... Мне жить надо с вами и для вас! Никуда и ни за кого я не пойду. Какая уж я невеста... Мне под сорок... Я не знаю, с чего и вздумалось этому тереховскому бригадиру. Иди домой, ложись спать и спи спокойно. Будем жить вместе, останемся думинскими, останемся Тепловыми.

Она помолчала и раздумчиво, успокоенно проговорила:

— Одна молотилка шумит... Звено Батманова там сегодня молотит. Пора и нам на покой. Выбрось все из головы, не думай больше об этом.

Мать поднялась, пустила сына вперед и сама пошла домой вслед за ним.

***

Возвращаясь после обеда в правление, Нефед Степаныч заглянул к Алексею и заговорил, только переступив порог:

— Знаешь что: у нас гость!

— Григорий Антипыч?

— Нет, Вениами-ин Андроныч! Лет семь, говорят, не заглядывал и вот прикатил! Слышно: не верит, что в Думине такой умолот и хочет своими глазами убедиться.

— Мы соревнуемся и его задевает, — объяснил Алексей.

— Вполне понятно. Пусть посмотрит.

— Законно! — согласился Нефед Степаныч. — Но он приехал еще за одним: хочет у нас одну мастерицу утянуть.

— Христину Теплому? — спросил Алексей.

— Христина давным-давно отказала, и он прицелился теперь на Вало Цветову. С женихом сегодня приехал и прямо на огород.

— Женихаться прибыли, — улыбнулась Паша.

— Форменно...

— Ты, Нефед Степаныч, не препятствуй, — посоветовала она.

— Легко сказать — не препятствуй, — возразил председатель. — Он выхватывает у меня...

— Не препятствуй! — перебила его Паша. — Валя в годах; ей пора свою головушку преклонить, пора рябинке к дубу перебраться... Там ей будет раздолье: с дождевальная установкой станет огородничать, верх над нами возьмет по овощам.

— Не препятствуй, — вторя жене, заговорил Алексей. — Может, он сам воспитывать не умеет, так вот и набирает со стороны. Пусть берет, мы другого специалиста вырастим. А Вале пора свою семью заводить, она не молоденькая, не одной же ей век вековать.

На улице неистово задрезжал тарантас. Нефед Степаныч выглянул в окно:

— Жениха оставил на огороде, а сам на всех парах к правлению мчится. Ну, надо принимать гостя. Вишь — с форсом подкатил! На выездном рысаке. Ай да Вениамин! Любит форснуть... Ну, я пойду.

— Погоди, — остановил председателя Алексей и лукаво усмехнулся: — Потому его немножко, дай почувствовать.

— Верно! — задорно воскликнул Нефед Степаныч. — Мы теперь сами с усами, Думино теперь опять Ду-умино!

Паша завела разговор о том, что у Вали хоть характерец и с норовом, но она в общем человек хороший, но Нефеду Степанычу не говорилось, он ерзал на стуле и, наконец, решительно поднялся:

— Надо идти, а то неудобно получится... Весной он принимал меня хорошо, внимательно.

— Раз „хорошо“, тогда иди; я ведь пошутил.

— Иди, иди, — заторопила председателя Паша. — Ведь это Андроныч! Ты, Алеш, сходи — познакомься с Андронычем поближе, он человек интересный. Правда, форснуть любит, но это ничего, беда невелика.

Алексей поднялся и сказал председателю:

— Иди, а я следом за тобой, только оденусь сейчас лучше.

Когда Ивонин пришел в правление, тереховский председатель задиристо говорил думинскому:

— Теперь ты помешать не можешь: здесь дело идет не по сватовству, а по любви.

— Могу верить, что по любви, — примиренно отвечал Нефед Степаныч. — Наша Валя девушка пылкая, влюбиться ей недолго.

Алексей назвал себя и почтительно поздоровался с тереховским председателем. Вениамин Андроныч окинул Ивонина снисходительным взглядом:

— Вишь ты какой... Ла-адный молодец. И разговоры о тебе хорошие ходят и слава о тебе...

Веселая искринка блеснула в глазах Вениамина Андроныча:

— Говорят, что к тебе и солнышко спрашиваться ходит...

Алексей смущенно улыбнулся и махнул рукой:

— Вы наскажете всего...

— Вениамин Андроныч человек веселый, — вставил Нефед Степаныч, чтобы сгладить неловкость.

— Видать, что любит пошутить, — нехотя молвил Алексей.

— Зябь-то еще не начинали поднимать? — спросил Вениамин.

— Нет еще, — озабоченно ответил Нефед Степаныч. — Свое тягло в неотложных делах, а Густомесов не появляется.

— Хм... Гу-устомесов! — поражаясь неосведомленности думинского председателя, хмыкнул Вениамин Андроныч и покачал головой. — Хватился, когда с горы скатился.

Тихон Старостин в своем углу перестал щелкать на счетах и прислушался.

— А что? — растерянно спросил Нефед Степаныч.

— Густомесова теперь больше не жди: он в мастерской МТС...

— Жа-аль, — вздохнул Нефед Степаныч. — Замечательный был бригадир.

Тихону Старостину вдруг стало жарко, он густо покраснел и торопливо спросил:

— Перевели его или он сам в мастерскую поохотился?

— Вот насчет этого ничего не могу сказать, — сухо отрезал Вениамин Андроныч и добавил насмешливо: — Мне об этом не докладывали.

Старостин недовольно отвернулся и принялся щелкать на счетах, но цифры спутались и он сбросил обратно все костяшки. „Неужели он из-за меня оставил бригаду трактористов и устроился в мастерскую МТС,“ — думал Тихон, вспоминая свою встречу с Густомесовым.

Когда Старостин оторвался от своих дум, Нефед Степаныч сообщил, словно докладывая, об урожае ржи, пшеницы, овса, картошки, называя средние цифры и по отдельным участкам, а Вениамин Андроныч молча слушал и грустнел. Потом он неожиданно встал и требовательно сказал Нефеду:

— В духоте-то я не любитель сидеть... Пойдем, Степаныч, пройдемся — покажи хоть мне свой колхоз, давненько я его не глядывал.

Он тяжело поднялся и направился к двери. Нефед Степаныч поспешно вылез из-за стола и двинулся за ним.

Тихон Старостин посмотрел им вслед, потом спросил Алексея:

— А ты что с ними не ушел?

— Решил, что мое присутствие для гостя не особенно желательное.

— Да, не пригласил... Каков он на твой взгляд?

— На мой взгляд человек он, может, и очень способный, но, кажется, много мнит о себе и считает себя выше других, а это, наверно, отчуждает его от колхозников.

— Мнит о себе,— повторил слова Алексея Старостин.— И еще капризничает. Ты заметил, как он мне ответил. Не понравилось, что счетовод его спросил, не желает с ним в рассуждения пускаться. Только один председатель для него здесь лицо.

— Да, заметно, что чувствует себя особой,— согласился Алексей,— и на этом многое проиграет. Колхозники любят тех вожаков, которые на себя не заглядываются. Говорят: не то хорошо, что хорошо, а то, что ладно. Григорию Антипычу весной обстановка в нашем, тогда еще слабом, колхозе понравилась, а в сильном тереховском нет. Я тогда еще подумал: в Терехове хорошо, но что-то неладно.

Старостин придвинулся ближе к Алексею и сообщил:

— Счетовод тереховский мне сказывал, что с Вениамином работать трудно, он только свое мнение ценит. Наш Нефед хорош тем, что себя высоко не ставит и не считает умнее всех.

— Наш ничего,— подтвердил Алексей.— Человек общественный, простой, сговорчивый, с ним — легко.

— А тереховский-то самолюбивый,— продолжал Старостин.— И прихвастнуть любит. Весной дал нам взаймы пшеницы на один участок, а потом говорил: „Я думинских-то семенами снабдил, без меня они бы и не посеялись“.

Алексей неожиданно поднялся и кивнул Старостину:

— Всего... Пойду в поле овес косить.

— Посиди еще немножко.

— Да хватит — посудачили.

* * *

Под необъятной крышей в разных концах молотильного сарая, в его старом и новом отделении шумели две конные молотилки. Пахло пылью и свежим колосом.

Вениамин Андроныч посмотрел на молотилки и поморщился:

— На таких вы промолотите до морковкиного заговенья.

— Ничего, у нас дело идет,— смиренно ответил Нефед Степаныч. Мы молотим и днем и ночью.

— Пшеницу от моих семян обмолотили? Девка, что приезжала с тобой, наверно, первое место заняла?

— Нет, по яровой пшенице Алексею Ивовину досталось оно: на опылении и перекрестном севе выиграл.

— Если бы мои семена перекрестно посеять, вдвое собрали бы...

К сараю подвезли два воза снопов ячменя. Вениамин Андронич взял один сноп, разглядел внимательно колос и похвалил: — Хорош! Чей?

— Звена Наума Чайнова. Сто сорок пудов с гектара собирает.

— О-о! — подивился Вениамин. — По нашим местам рекорд?

— Не-ет, — возразил Нефед Степаныч. — Был у нас ячмень и получше. Звено Батманова взяло по сто шестьдесят пудов с гектара.

— Что-то больно много, — недоверчиво произнес Вениамин, бросил сноп и направился в поле.

Думинские поля опустели. Почти все уже было сжато, скошено и свезено на колхозное гумно, обмолочено. Только поля овса желтели среди белесого жнивья, но и они уменьшались с каждым часом.

— „Золотой дождь“ сеяли! — сразу определил Вениамин Андронич.

— Сеяли и будем сеять! — решительно заявил думинский председатель. — Нам он по мысли: урожаен, зерно крупное, кожура тонкая.

— Заканчиваете уборку-то, — говорил Вениамин Андронич, шагая накатанной дорожкой, мило теперь оживляющей пустые поля. — Ты молодецки нынче управился... Научился развертываться.

Лучи осеннего солнца косо падали на землю, но еще согревали. Над Выремшей вздымался дым пастушьего костра. Женщины и подростки убирали картошку.

— А это что бережете? — кивнул Вениамин Андронич на картофельное поле, зеленеющее на склонах Стрелки.

— Второй урожай у Батманова созревает.

— Созреет ли?

— Говорит, что созреет.

Впереди раздался оглушительный выстрел. Стая грачей тяжело и беспорядочно поднялась, с криком рассыпалась по полю, потом собралась сверху черной шалью и, выбрав направление, лениво потянулась куда-то за Любицу.

Вениамин Андронич вздрогнул от выстрела и повернул обратно:

— Раз убрали, тогда нечего и глядеть.

Помолчав, он добавил недовольно:

— Нашел время палить. Ведь видит, что люди идут.

— Грачишки эти хуже галок, — начал, как бы оправдываясь, Нефед Степаныч. — Надоели, окаянные... Весной пользу при-

носят, червей уничтожают, а осенью воруют без числа. Помидоры даже расклевывают. Витамины, вишь, им требуются. Я велел сторожу палить без пощады.

Шли к селу, поглядывая по сторонам.

— Парень-то хорошо косит, — заметил Вениамин Андронич, кивнув на косца, который вел широкий прокос. — И чисто. Овес колосок к колоску кладет. А захват какой! Кто это у тебя?

— Ты его видел в правлении... Секретарь нашей партийной организации Алексей Ивонин.

— Тот был в военном...

— Забежал домой, переоделся, взял косу и вот уже здесь.

— Работник, видать, хороший, — любясь, как косит Ивонин, молвил Вениамин Андронич.

— В каждом деле коммунистов за собой ведет, а коммунисты колхозникам пример показывают, — оживленно отозвался Нефед Степаныч.

— Но говорят, — продолжал Вениамин, — вмешивается он во всё...

— Как это вмешивается?! — с ноткой возмущения в голосе вопросительно проговорил Нефед Степаныч. — Он советует, помогает... С ним хорошо работать. Ты бы нас впереди себя не пустил, если бы у вас был такой секретарь парторганизации. Правда, мы с ним первое время здорово столкнулись! Он сначала горячо взял, крепко на меня насеял, но линию повел твердо, и мне большое движение дал... И помогать стал. С той поры я оценил его, мы подружились и теперь работаем согласно.

Вениамину Андроничу стало почему-то неловко. Он раскаялся, что там в правлении невнимательно обошелся с этим, видимо, хорошим и ловким парнем. Он прибавил шагу и до самого села не сказал ни слова.

У дома правления он сел в тарантас, коснулся пальцем кепки и сказал соседу на прощанье:

— Заглядывай ко мне!..

— Договор скоро приедем проверять.

— Да, надо проверить... Точно узнать, в чем и на сколько вы нас обставили. По озимым-то вы, кажется, нынче ровень с нами прошли, а вот по яровой пшенице, ячменю и овсу вы взяли, кажется, побольше. Животноводство нам надо усиливать, а то первенство и в этой части, того гляди, вы перехватите. Кормов, говорят, нынче вы запасли много, а Капитон Дятлов уж сумеет их использовать. Он из мастеров мастер... Ефим Васильичем выращен! Мне бы вашего Капитона Дятлова! Я бы вам показал удои и приплодность...

— Взрасти сам такого Дятлова.

— Я бы взрастил, но подобного таланта никак не найду.

Нефед Степаныч прищурился и с хитринкой спросил:

— А, может быть, Вениамин Андронич, мы с тобой искать их не умеем?

— Может быть, — недовольно ответил тереховский председатель и тронул коня. — Может быть...

И направился прямо в Терехово.

— Жениха-то забыл, — напомнил Нефед Степанч.

— Ему выгоднее пешим. Невеста проводит... Пройдутся по полям, потолкуют, полюбезничают...

— Свадьба-то когда?

— Сегодня договорятся. Длеть не будем!

Ребята идут из школы; остановились — залюбовались конем.

— Эх, сейчас и пустит, — послышался проницательный голос Валерки Алфеева. — Тереховский председатель любит во весь мах ездить. Поглядим... Одной минутой из виду скроется!

Вениамина Андронича охватило раздумье, и он всю улицу проехал шагом. Ребята разочарованно разбрелись по домам.

* * *

В избу Алексея Ивонина зашла Валя Цветова.

— Проститься забежала, — торопливо пояснила она. — Сейчас едем расписываться, а оттуда прямо в Терехово. До свиданья, Алексей Лукич! Выход, кажется, найден... До свиданья, Павла Николаевна!

Она сегодня была особенно хороша и нарядна: в ботинках на высоком каблуке, в своем лучшем драповом пальто, в новой шляпке. Ею можно было залюбоваться.

— Счастливо, Валя, от души желаю счастья, — значительно заговорил Алексей. — Живи хорошенько, мужем не верти, обходись с ним чутко и внимательно; он, говорят, достойный человек, пользуется в колхозе уважением. Не обрывай его в разговорах, не унижай его ни в чем, поддерживай его авторитет. Ты иногда без дела бываешь упряма, шумлива, а в семейной жизни надо и уступить кое-в чем друг другу. Сдерживай себя, а то временами одно неосторожное слово срывает настроение, портит отношения...

— Почитай мужа, — добавила Паша. — Ты его будешь почитать, и он к тебе станет хорошо относиться.

Валя подошла к ней, приложила свои руки ладонями к щекам и воскликнула:

— Ой, до чего ж мне страшно!

— Что ты? — удивилась Паша. — Ничего страшного нет.

— Не то, что страшно, а не хочется из Думина уезжать. Здесь все дорогое, родное... Каждая тропка мила, каждое деревцо. Люди все близкие, понятные, а там еще надо знакомиться да ладить... Да еще какие соседи будут.

— У нас везде люди хорошие, живо познакомишься и по-дружишься. Об этом нечего и беспокоиться. Ну, так желаю любви и согласия...

Паша обняла соседку и поцеловала на прощанье. Она расстрогалась и всхлипнула, а Валя повисла у нее на шее и неожиданно расплакалась навзрыд.

В это время открылась дверь, и в избу быстро вошла мать Вали:

— Приехал! Пойдем скорее! В избе уже сидит, ждет.

Валя метнулась к зеркалу, платочком собрала слезы.

— Умойся, — посоветовала мать, — глаза-то красные...

— Нет, нет, — возразила Паша. — Навот попудрись.

Она открыла ларец из раковинок, подала пуховку и пудру.

Валя ловко прошлась по лицу пуховкой, смахнула пудру с оборотов пальто, поправила шляпку и быстро ушла.

— Что это с ней? — спросил Алексей.

— Ты, наверно, лучше меня знаешь, по кому она тут сохла? — вздохнула Паша. — К тому же расстается с родным колхозом, с близкими людьми. К колхозу люди ведь привыкают не меньше, чем к родному дому. Пойдем — проводим.

Они наскоро оделись и вышли.

У избы Цветовых стоял тот самый известный всему району рысак, на котором любит ездить Вениамин Андронич. Молодой колхозник-кучер свертывал курить. К избе подходили колхозники. Резкий холодный ветер обрывал листья с берез и осин. Он долго крутил золото листьев: то ронял, то подбрасывал. Не оставляя он в покое опавшую листву и на земле: перебирал, ворошил, перекидывал с места на место, словно старался равномерно позолотить всю широкую улицу села.

Ветер разгульно насвистывал в щелях заборов, рвал ометы соломы. На пустых полях ему не к чему было прицепиться и он отводил душу в селе. Вот он сорвал где-то с забора синюю тряпку, смерзшуюся клубком, и перекатывает ее по улице.

Плотники кроют дранкой телятник. У одного из них ветер разнес пачку дранки и тот слезает с крыши собирать. Остальные приостановили работу и уселись на крыше поглядеть на проводы.

Подъехали к избе две думинские подводы с родственниками Валентины и встали рядом с тереховским рысаком. Среди свадебников Алексей увидел Косачева с женой и недоуменно спросил:

— Иван Андреич, и ты тут пристроился?

— Я считаюсь в родне, Алексей Лукич.

— Не знал, не знал... Может быть, в дальней.

— Да, в дальней, но зван был...

— Ну, счастливо погулять! Покажи там, что думинцы народ весёлый: и спеть, и сплясать, и разговор поддержать умеют, но и через край не хватай.

— Не подкачаю, Алексей Лукич, всё будет в мерочку...

— Вот, вот — в мерочку.

Появился Нефед Степаныч. Первым делом он спросил колхозников:

— Веньямин не приехал с женихом-то?

— Нет. Говорят, что он в сельсовет проздравлять молодых придёт.

— Вишь — лучшего рысака запряг...

— Весь колхоз там на свадьбе гулять будет.

— Из рук он вырвал у меня огородницу. Хотел я ему попенять.

— Выкуп бы с него взять!

— Следовало бы.

• Из дома вышли жених с невестой.

Нефед Степаныч медленно двинулся им навстречу.

Вот они встретились, остановились.

— Сам я от чистого сердца, — начал председатель тихо и проникновенно, — и от лица всех думинских колхозников желаю вам счастья.

Нефед Степаныч, не торопясь, пожал руки молодым и обратился к жениху:

— Вы, тереховцы, берегите и цените там нашу думинку! Мы её растили, мы её учили для своей артели, никогда не думали, что придётся отдавать на сторону. Она у нас из тех кадров, которые можно пересчитать по пальцам. Я бы её никуда не отпустил, но есть, видно, в жизни дела, которые выше председательских соображений, но нам жалко её отдавать и я этого не скрываю. Я привык ценить людей по их умению и полезности, так что извините... Разбойники вы этакие, оба с Вениамином Андроничем, отняли её у нас, из рук вырвали, — с шутовой укоризной сказал Нефед Степаныч и усмехнулся.

Тереховский бригадир довольно ухмыльнулся и смущённо кашлянул. Это был человек высокий, плотный, с пушистыми русыми усами. По военной специальности он был артиллерист-наводчик, участвовал в двух войнах и потому во всех его движениях и осанке проглядывала выправка справногo, толкового и смекалистого солдата. Даже пальто и чёрная каракулевая шапка сидели на нём, как хорошо подогнанная форма.

— Можешь это даже председателю своему передать, — добавил Нефед Степаныч и обратился к Вале:

— Прощай, дорогая! Мы с тобой, случалось, и ссорились и дулись друг на дружку, но в трудных делах ведь и вездe-то не без этого... Я забыл всё худое и помню только хорошее и ты о нас хорошее помни, от хороших воспоминаний душа делается светлее. Желаю тебе счастливой жизни и успехов в работе. Твоими успехами, которые будут у тебя в Терехове, мы станем гордиться как своими.

Он ещё раз пожал руки жениху и невесте и тихо отошёл в сторону.

Молодые двинулись к тарантасу. Тут к Вале подошли кол-

хозяйницы из огородной бригады. Она с ними расцеловалась, а к ней ещё подходили женщины и девушки; глаза её покраснели, она махнула рукой, дескать, больше не могу, повернулась и ступила на подножку тарантаса. Жених ловко посадил её и сам сел рядом.

— Счастливо! Не забывай нас, — понеслись голоса.

Кучер тронул рысака, и горячий конь полетел по улице красивой рысью. За ним с трудом поспевали думинские лошади. По глубоко промёрзшей земле звонко цокали копыта, дребезжали колёса; ветер вздымал гривы и трепал их, словно махал на прощанье.

Нефед Степаныч подошёл к Алексею:

— Надо нам теперь на огород другого бригадира.

— Христина Теплова приняла дела?

— Приняла, но ведь у нее нет этой специальности...

— Специальность наживет. Впереди целая зима — выучим!

— Ну вот, что хочешь со мной делай, а жалко мне Вальку, — вздохнул Нефед Степаныч. — Способная была огородница!

— У нас способных много, только надо уметь давать им ход... А насчет жалости... Мне, может быть, больше твоего ее жалко, — неожиданно вырвалось у Алексея. — Но жизнь — не мотор... В ней не все так точно рассчитано, отшлифовано и притерто, как в моторе.

***

На место вышедшей в Терехово замуж Вали Цветовой правление определило бригадиром огородной бригады Хрестину Теплову и послало на трехмесячные курсы овощеводов. Миша остался дома за главу семьи, хозяйствовал старательно, заботливо. Вставал пораньше, топил печь, готовил незамысловатый завтрак и обед, потом отправлял Осю в школу, Ленку в детский сад. Сам он учился во второй смене и уходил на уроки в полдень.

По вечерам дружки приходили помогать ему по хозяйству. Клим Кочетков принимался неторопливо за дела, а Валерка любил сперва почесать языком, поглазеть, порассуждать. Вот он ходит по избе, заложив руки за спину, шарит всюду глазами и спрашивает:

— Стены-то не мокнут?

Мише некогда точить с ним ляды, ответы дает Ося, говорит точь в точь — старший брат:

— Не знаю, что будет зимой, а пока сырники не выдывали.

— Углы не промерзают?

— Последнее дело, если углы станут промерзать...

— От пола не холодит?

— Не замечаем.

— Завалинки у вас низки, надо бы повыше насыпать. А с окошек не льет?

— Пока нет, поглядим, что зимой будет.

— Ничего избенка, по-ослужит... Только велику сгрохали— дров много надо.— Он опять ходит по избе, думает, еще о чем бы поговорить, но ничего нового в голову не приходит, и он продолжает все о том же:

— А вы хотели в Терехово уезжать... Из такого-то дома!

— Бери ведро, лети за водой!— прикрикивает на него Клим.— Весь в дедку, и языком чесать выучился у него.

Валерка хватает ведро, исчезает и быстро возвращается. Он выливает воду в кадку и, побрякивая ведром, трет уши, нос и стучает нога об ногу. Он уже разгорелся, в глазенках плещет задор, голосишко звенит:

— Эх, и злой сегодня дедушка-мороз, эх, и злой... Меня за нос сейчас все одно, что клещами ущипнул. Я ему не дамся... Он, старый, за мной и не угонится... Еще ведерка два или три?

Хлопают одна дверь, другая, скрипят промерзшие ступеньки крыльца, и вон уже Валерка мчится по улице.

Ребята кормили и поили корову, овец, поросят, носили к печи дрова, примывали пол, а Ося в это время укладывал спать сестренку.

Управив все по хозяйству, друзья садились вокруг стола и принимались готовить уроки. Чуть ли не каждый вечер ребят приходили проведать соседи, учительницы. Нередко бывала и Серафима Петровна, узнавала, правильно ли Миша ведет хозяйство, не трудно ли ему, спрашивала уроки, заставляла прочитать что-нибудь интересное и сама с удовольствием слушала. Заглядывал и Алексей Ивонин, незаметно для себя просиживал с ребятами по несколько часов. Ребята расспрашивали его о войне, он их о школе. Милые ребячьи рассказы навевали приятные воспоминания детства — и он сам принимался рассказывать о годах своего ученья, о школьных товарищах.

— Я пришел в школу совсем несмышленишем. Серафима Петровна меня спрашивает: „Как твоя фамилия?“ Я говорю: Антонов. Нас в селе звали по имени дедушки Антоновыми, я и думал, что это и есть наша фамилия. А Серафима Петровна говорит: „Тебе фамилия не Антонов, а Ивонин! Будешь теперь Ивонин. Запомни!“ Она все знает, подумал я, и с тех пор боялся перед ней хоть в чем-нибудь покривить душой. Мне казалось, что если я совру, она остановит меня и скажет: „Неправду говоришь, не так было, а вот как“.

Ребята подолгу не отпускали его домой, он обещал зайти к ним в другой раз и на самом деле опять заходил.

Выдались жгучие морозы, а снегу еще не было; деревья стояли в густом инее; птицы ютились в сараях и в домах под застрехами, зябко вылетали на задворки. По вечерам за Любицей вставала багровая заря и долго не гасла. Выремша и Любица покрылись таким толстым слоем льда, что трудно было пробить в нем проруби. Вода, сильно сжатая льдом, выплескивалась

через края прорубей. Земля глубоко промерзла, и старики радовались, говорили, что это к большому урожаю.

Все полевые работы в колхозе закончили, поставки выполнили. Григорий Антипыч спросил тогда по телефону, когда будет готово зерно. В назначенный день в Думино прикатили три машины и помогли думинцам в короткий срок управиться с хлебопоставками.

На трудоводень в Думине выдали по два килограмма зерна, по шесть картошки, того и другого втрое больше, чем прошлый год, в достатке овощей и сена. Много еще пришлось и по дополнительной оплате, что сказалось на благосостоянии каждого хозяйства: в звеньях нынче за малейшим исключением участвовали все колхозники. Думинцы ожили и повеселели.

Молодежь готовила спектакль, бабка Стратилатова, по мысли Алексея, сбивала хор стариков и старух, припоминала и заставляла Олю Резцову записывать старинные песни.

Шли самые короткие дни года, сумерки наступали рано, и думинцы по старинному обычаю заходили друг к другу покурничать, обмениваться новостями или просто потолковать о том, о сем. Охотно посещали кружки политических и агротехнических знаний. Ходили в правление слушать радио. Приезд лекторов из района был чуть ли не праздником.

В один из досужих вечеров к Алексею зашел Иван Косачев. Они уселись на скамейку, прислонившись натруженными за лето спинами к теплой печке, и заговорили о здоровье, о морозах, о предстоящих трудах. Алексей спросил о Ныртыкове: как, мол, он себя чувствует, доволен ли жизнью, здоров ли?

— Живем угол от угла, а редко теперь видимся, — ответил Косачев. — С той поры, как его назначили бригадиром плотников и столяров, совсем шелковый стал. С утра до вечера на Выремше. Потяпать, построгать, подолбить — это его охотка. В народе говорится, что без охоты и человек болван. Эта охотка, любимое дельце, у каждого человека бывает помимо его главной работы. Один любит рыбачить, другой с ружьем побродить, третий книжки собирать, а Наум Чаянов вон разные штуковины. Я недавно у себя среди старой рухляди старинную прялку нашел и ему подарил, так он от радости затрясся весь... Охотка человеку дополнительную радость жизни придает. Мы с тобой весной уговаривались мою охотку осенью попытать. Помнишь! А теперь почти уже зима. Я все ждал первой пороши, но хорошо и по чернотропу. Ружье для тебя я у своего дружка достану, а стрелять не учить тебя стать.

— А я думал, что ты забыл об этом.

— Нет, не забыл.

— Памятливый ты!

— И то, я замечаю, что нынче у меня голова свежее.

— Отчего бы это?

— Успокоилась. Как же бы нам по чернотропу-то.

С обычной своей ласковой скромностью, так естественно соединенной всегда у нее с достоинством, Паша посоветовала мужу:

— Сходи в воскресенье — прогуляйся.

— Вот: супруга понимает мужа! — обрадованно заметил Косачев.

— Раз понимает, тогда надо прогуляться по чернотропу, — сдался Алексей. — А, может, первой пороши подождем?

— По первой пороше можно особо...

Собирал здесь Алексей и свое звено. Люди сидели тесным кружком за столом и прикидывали, сколько удобрений собрать и вывезти в течение зимы, что предпринять на том или ином участке, какой собрать урожай.

Паша угощала их чаем, пирогами и домашним печеньем. Женщины церемонно пробовали то и другое после многократных потчеваний и просьб хозяйки отведать.

— Вам трудно, товарищи, будет со мной, но, я думаю, что вы меня не оставите...

— Что ты, Алексей Лукич!

— По положению своему я не имею права кому-либо уступать, — говорил Алексей. — Иначе как же я могу учить других, указывать им. Если мое звено будет отставать, то про меня скажут: говорить-то горазд, а делать-то не очень. Нынче все звенья накопили большое мастерство и будущим летом нам с ними тягаться будет еще труднее. Зимой нам надо учиться и учиться...

— Не отстанем!

— Побольше из науки применим...

— Христины Тепловой вот с нами не будет.

— Куда она денется. Валя и другие огородницы работали и в поле. И Христина нам помогать время выберет.

— Вот и Вали нет в селе... Передают, что она скучает по Думину, а муж не дает ей скучать: недавно в город ее возил, говорят, в театр...

— Таня замуж вышла... Станет ли она теперь руководить молодежным? Замужней-то не идет возиться с девчатами...

— Анфиса совсем, видно, исчезла из села. И хорошо сделала: она совсем не может жить в коллективе.

— Щедриков лесовиком стал...

— Одно лето прошло, а сколько всего переменялось!

— А главная перемена — колхоз крепче стал.

Заявился один раз к Ивонину поздно вечером Тихон Старостин.

— Раздевайсь, присаживайся, — радушно встретил его Алексей. — К ужину подгадал, гостем будешь.

— Я только на минутку...

— На минутку или на две — все равно раздевайся, все равно снимай пальто!...

Тихон повесил пальто и, смущенно улыбаясь, подошел к Алексею.

— Похвалиться к тебе зашел. На вот прочитай. — Тихон подал разорванный конверт: — Сегодня только получил.

Алексей вытащил из конверта письмо и стал читать.

— Не обижает тебя, Тихон Матвеевич, молодая-то жена, — усмешливо спросила Паша.

— Что вы, Павла Николаевна! Это же та-кой человек... Таня-то! Она у меня ласковая, чуткая... Живу с ней, а мне все будто не верится. И за что, я все думаю, мне такое счастье?

— За твое терпенье и хорошее поведение.

— „Тихон Матвеевич, — читал Алексей, — мне стало известно, что вы женились на молодой девушке и теперь счастливы. Поздравляю вас! Поверите или нет, но я казалась себе все это время виноватой в ваших семейных неудачах. Я тогда (помните) сглупила и так нехорошо потом все вышло. Теперь я рада, что ваша жизнь устроилась. Будьте счастливы и больше не поминайте меня лихом: жизнь дала вам, может быть, больше, чем когда-то вы потеряли. Немного о себе. Я давно замужем. У меня трое детей. Муж меня любит и бережет. В общем жизнь моя сложилась благополучно. Если случится вам быть в наших краях, заходите к нам.

Ираида Докетова.

— Это та самая Ирочка, дочь фельдшера? — догадался Алексей. — Возьми. Скупое письмоце, но трогательное. Отзывчивая, видать, у нее душа.

— Я думал, что она давно забыла меня, и вдруг сегодня получаю это письмо и глазам своим не верю. Надо Тане показать... Павла Николаевна, может, и вы поинтересуетесь. Извините, что надоедаю, это письмо мне хочется всем вслух прочитать. Я чувствую: оно сдержанно и кратко написано, но в нем заложено что-то душевное...

Паша быстро пробежала глазами листок и определила:

— Хорошая она женщина.

Старостин убрал письмо и устремился к вешалке. Алексей остановил его:

— погоди! Посидим, потолкуем. У нас чай готов...

— Тороплюсь! Меня Таня... Она, поди, все приготовила, ждет, а я не приду. Нельзя. Лучше идемте к нам! А? Идемте! Вот жена будет рада...

Паша посмотрела на него остановившимся от недоумения взглядом:

— Что ты, Тихон Матвеевич! Одумайся!.. Неужели мы оставим сына, ужин и так вот сразу побежим...

— Так сына можно с собой взять.

— Он спит. Сонного не потащишь.

— Сам не можешь остаться стакан чаю выпить, а нас ни с того, ни с сего на целый вечер хочешь к себе утащить,— усовестил его Алексей.

— Ошалел я, видно, совсем... Со счастливыми, говорят, это случается. Тогда в другой раз!..

— В другой раз. Беги скорее домой, а то совсем помешаешься,— засмеялась Паша.— Я вот скажу Тане, чтобы она тебя немножко в холодке держала, а то ты земли под собой не чувствуешь.

* * *

В воскресенье утром Алексей отправился к Ивану Косачеву. Косачев увидел Алексея в окно и, не дожидаясь стука, вышел открывать сеничную дверь. Поздоровались.

— А снежку все нет и нет,— заговорил Алексей.— Земля под ногами так и гудит, глубоко промерзла. И сегодня опять мороз крепкий, забористый.

— Снег скоро будет,— предсказал Иван.— Вчера солнце в тучи садилось и заря не играла, а сегодня с утра теплеет. Иди за мной, а то споткнешься: навалено тут у меня всего...

В тесных сенях небольшого косачевского дома хоть и было темно, но Алексей сразу разглядел, что они сплошь завалены мешками с зерном. Косачев много получил на трудодни и, кроме того, по дополнительной оплате ему пришлось около тридцати пудов.

Алексей остановился в сенях и спросил:

— Убрать-то у тебя некуда что ли?

— У меня никогда столь хлеба не бывало,— отозвался из темноты Иван. Хочу вот омшанник починить да туда и убрать. Надо бы в колхозе на хранение оставить, да, признаться, захотелось поглядеть, сколько это видом-то... И потом показалось интересным, какое, мол, на сердце будет чувство, когда выйду за порог, а тут у меня хлеба полно.

— Ну и узнал это чувство?— заинтересовался Алексей.

— Узнал. Глядишь, любишься, а сердце тебе в это время ровно кто маслом смазывает.

Алексей засмеялся и дружески хлопнул Косачева по плечу:

— Откровенный ты человек.

— Я тебе завсегда, что думаю, что чувствую, то и скажу, а с другими-то я, признаться, не больно откровенный.

Алексей распахнул дверь, в сенях стало светлее, и он огляделся.

— Если положить пока некуда, так ты бы хоть здесь порядочек навел, а то привез, второпях свалил да так и оставил. Давай уберемся. Вон к той стене можно приложить. Берись! Следи потом, чтобы мыши сюда не набегали...

— У меня кошка... Зверь зверем...

Они уложили мешки стройными клетками вдоль стены, и в сенях стало просторнее.

— Давай веник!— приказал разгорячившийся Алексей.— За-
мести теперь надо, чтобы чисто было. Сделать, так уж сделать!

— Что ты... Я сам!— засуетился Иван.— И так уж спаси-
бо. Вишь — теперь порядок, сердцу даже приятно.

Косачев отыскал голик и подмел сени.

— Вот и все. Мешки-то крепкие, немного насыпалось. Пой-
дем!

Изба дохнула теплом, простеньким уютом, вкусным печевом.

Жена Ивана, небольшая, широкая в плечах и бедрах женщи-
на, приделась по-праздничному и теперь прибирала волосы
перед зеркалом, покончив со стряпней. Сынишка по случаю
праздника находился дома. В будни он ходил в детский сад,
за лето и осень вырос, отъелся, посвежел, болячки исчезли с
лица, в глазенках не было прежней дикости, смотрел он весе-
ло и доверчиво.

Алексей поздоровался с хозяйкой и затем усмешливо протя-
нул руку малышу. Вспомнив, что отец летом все твердил: „Лев-
ка, Левка“, сказал:

— Почтенье Льву Иванычу.

Малыш засмеялся, подбежал и вложил свою ручонку в ши-
рокую ладонь приветливого дяденьки.

— Каким красавцем, братец мой, ты стал, — полюбовался
на него Алексей. — Будто подменили тебя...

— Поправился и поразвитей стал, — держа шпильку в зу-
бах, углом рта проговорила мать.

— Стишки на память знает, песенки попевает, — сообщил
Иван, — обтесали нашего вахлячка в саду.

— Братишку ему надо, — намекнул Алексей.

— Сообразим, — подмигнул Иван. — Это мы сообразим...

После нового урожая детям раздолье: дома только режь да
ешь, а в саду и резаного не приешь, с осени там хорошо пи-
тают — только кушай.

Иван чувствовал себя необычно оживленным, топтался око-
ло гостя, не находя положения рукам и ногам, и придумывая,
чем бы таким особенным порадовать его.

— А охотка-то, — вдруг вспомнил он, — у меня, Алексей
Лукич, загляденье!.. Молоденький-то подрос, больше матери
теперь... Волка, кажись, разорвет. А порода! Чи-истая... По
всем статьям. Я сейчас покажу! Одной минутой... Ди-иву
дашься!

Алексей онемел, вспомнив, какому „диву дался“ весной, ко-
гда собаки подняли такой переполох, что в избе все летело
и трещало, а малыш в страхе забился под лавку.

Иван двинулся к двери, но жена, убрав волосы и заколов
последнюю шпильку в прическу, рьяно метнулась к нему:

— Я те покажу — у... Они тут такой переполох подымут...
Я твоих псов кочергой вышвырну.

Иван смешался и остановился у порога.

— Договорились мы с женой не пущать в избу, — объяснил Иван стычку с женой, как бы извиняясь перед Алексеем. — Оно, конечно, верно: они беспокойны и позасиделись.

— Опомнился, так зови гостя к столу, — спокойнее сказала жена и прошла к печке. — Сейчас все испечется. — И, обращаясь к Алексею, добавила. — Не скажет — собаки, а все „охотка“... Чудной он у меня с одной стороны. — И опять к мужу: — Успеешь, наглядишься день-деньской на свою охотку. Усаживай сына, проси гостя...

— Алексей Лукич, прошу! — провозгласил Иван. — Погреемся и в путь.

— Я уже позавтракал. К тому же надо идти... День-то ведь теперь коротенький, не успеешь до лесу дойти — того гляди темнеть начнет...

Иван с женой продолжали приглашать, но Алексей решительно воспротивился. Косачеву самому хотелось скорее в лес и он быстро сдался, быстро собрался и первым вышел из избы. Увидев на дворе хозяина, собаки с неистовым лаем и визгом бросились к нему, но веревки трягнули их за ошейники и подняли на задние ноги.

— Идем, идем, — говорил Иван, — спуская с привязи гончих. — Сейчас, дружочки, сейчас, я знаю, что вы еле дождались этого дня.

Иван с Алексеем тихо побрели в поле.

Собаки начали кружить вокруг огородов, сараев, ометов соломы, кустов. Косачев огляделся кругом, нет ли кого поблизости, вплотную подошел к Алексею и тихо заговорил:

— Валя Цветова мне немножко сродни... К матери она недаях побывать заезжала и ко мне зашла. Подгадала, когда один я дома был. То да се, а потом и говорит:

— „Ты с Алексеем Лукичем часто видишься, передай ему привет“.

— Одному ему — больше никому?

— „Одному ему...“

— Гм... Хмы, говорю, ладно. Только к чему это?

— „А так, говорит, чтобы вспомнил обо мне.“ Поболтали, и она призналась мне, что в молодости ты ей по душе был: „Я, говорит, вертелась, вертелась около него, а он ни-ни... Паша затмила меня. Потом, говорит, успокоилась, насильно мил не будешь... А нынче он развернулся, хорошо показал себя, все стали уважать его, и Алексей вдруг опять прикипел мне к сердцу, но он осторожно дал мне понять... одним словом поставил на место. Ну, ничего... Пережила.“

— Ну вот, отвечаю, и ладно, хорошо, живи теперь по-людски, держи себя в строгости, почитай мужа... А привет передам, чтобы он вспомнил, но только для чего тебе это его воспоминание?

„Для ясности. А то он, наверно, считает меня просто

взбадмошной... Прошлым летом я такой ему и показалась.“
Для ясности, говорю, так для ясности, на том и порешим.

— Она славная, — заговорил Алексей. — Только непостоянна в своих чувствах. Ну, теперь не молоденькая, образуется. Ей тоже под тридцать, как и мне... Ясность решила навести... Да-а!

— Видать любила она тебя сильно, — заметил Иван.

Утренний мороз смягчился, заметно потеплело и пошел такой редкий снежок, что все падающие остинки вокруг себя можно было пересчитать. С юга войлоком накатывались серые тучи, и день стал похож на сумерки.

— Правильно ты, охотник, предсказал, — молвил Алексей. — Снег пошел.

— Я природу то хорошо чую, — похвалился Иван, с умилением оглядывая поле, по которому они шли. — Алексей Луквич, обрати внимание!

Ивонин осмотрелся: участок его звена! Здесь, кажется, совсем еще недавно росла прекрасная пшеница. Они ее сеяли, подкармливали, холили и сныли большой для северных сугликов урожай — 145 пудов с гектара.

Стерня с треском ломалась под ногами.

— Живые, того гляди, сапог проколет, — заметил Косачев, напоминая, что пшеницу они тут вырастили сильную, с толстым и крепким стеблем.

Алексей посмотрел в другую сторону. Там темнел десятигектарный участок замерзшей озими. Там его звено сделало все для того, чтобы собрать будущим летом по тридцати центнеров с гектара озимой пшеницы.

От сараев и ометов собаки метнулись по прямой на Русаково поле.

Глаза Ивана светились восторгом:

— Хорошо идут, ищут — стараются, сейчас подымут. На том поле всегда зайцы есть, оттого и называется оно Русаково. А Татьяна-то отстала от нас — меньше собрала.

— Если бы она посеяла перекрестным да опыление произвела, то нас легко перекрыла бы. В будущем году надо больше добиваться, а то нас живо опередят.

Собаки, дотоле рыскавшие молча, неожиданно начали громко раскатистым ревом, но, взяв высоко, сорвались на визг и потом заголосили тонко и протяжно.

— Повели! — умиленно прошептал Иван.

Алексея охватило какое-то приятное беспокойство, он прибавил шагу и хотел снять ружье с плеча.

— Не торопись, — остановил его Косачев. — По голосам слышать, что лису повели. Она помотает их теперь. По три версты круги дает.

Дошли до леса. Косачев поставил Алексея за невысокие кусты на опушке и пошел выбирать себе место.

Небо еще больше замутилось и будто опустилось ниже. Остивки снега падали мелкие и только чуть-чуть припудривали землю. Сквозь редкую кисею снегопада за полем виднелось Думино, тихое, уютное, родное.

Собаки где-то далеко справа смолкли на миг, как бы потеряв дыхание, и вновь заголосили громко, неровно, быстро удаляясь.

Вскоре появился около Алексея Косачев. В его добрых глазах искрилась усмешка.

— Придется перейти на другое место,— сказал он разнеженно.— Она подставила... Зайца теперь надо глядеть.

— А лиса где? — удивленно спросил Алексей.

— Она собак навела на заячью лежку, косою метнулся с перепугу напрапалую, собаки ударились за ним, а лиса свернула в сторону и ушла, бестия этакая...

— Как ты это узнал?

— По гону все происшествие определил.

— Тогда перестроимся применительно к изменившейся ситуации,— пошутил Алексей.

Косачев долго вел его по опушке, потом остановился, прислушался к далеким голосам собак и повелительно сказал:

— Вставай за эти кусты, наверняка здесь пойдет.

Он ушел. Ивонин встал за кусты и огляделся: недалеко ручей, тот самый ручей, который выходил из леса, бежал по полям, поперек пересекал Выгонцево и впадал в Выремшу.

Вода в ручье местами промерзла до дна, лед взгорбился и оторвался от берега. Ручей подавал признаки жизни только в том месте, где сочился ключик, и пяточок отпотевшей земли дышал слабым теплом. Около этого единственно живого места в лесу бранчливо трещали сороки и каркала ворона, словно сердито прикрикивала на них.

Звук гона еле доходил до слуха. Алексей стоял, стоял и пошел прогуливаться по лесу. Снег, оседая на ветках, на сухом брусничнике, благоухал свежестью.

Тишина в лесу была еще глубже, еще беспокойнее, чем в поле, и, когда сюда врывался ветер, слышно было даже дрожание деревьев.

Ветер вскоре замер в густых низких кустах, и деревья опять стояли неподвижно и безмолвно.

Высокий еловый лес кончился, и Алексей вошел в молодую рощу, в чащу берез, осин, кустов орешника, где ветви переплелись, перепутались между собой. Сюда не достигал ни один звук; даже тусклый осенний свет еле просачивался сквозь частую сетку ветвей, покрытых снегом. Снежинки в этой чащобе не достигали земли, оседая на вершинах деревьев.

Опавшие сухие листья и ветки застилали здесь землю толстым слоем, и ноги в него уходили чуть не по колено.

Алексей продрался сквозь чащу и выбрался в старую рощу где в значительном отдалении друг от друга стояли старые березы. Стволы их были покрыты седыми космами мха.

В старой березовой роще было просторно, тепло, на округлые поляны между деревьями сыпалась тихая пороша. Алексей долго бродил тут, думая: „Вот охота тем и хороша, что отдохнешь на природе. Дышится-то как легко!“

Он то и дело останавливался и прислушивался: собаки то отрывисто лаяли, то начинали с яростью тонко завывать. Вот они перешли на визг: добыча, очевидно, была совсем близко от них. Алексей поспешил на место, указанное ему Косачевым, и затаился в ожидании, представляя себе, как привычно вскинет ружье и в тот же миг по-фронтально метко выстрелит. Заяц перевернется и застынет белым клубком на белой поляне.

Но проходило некоторое время, звуки гона опять уходили куда-то в сторону, и нетерпение сменялось разочарованием.

„Иван не на то место, видно, меня поставил“, — подумал Алексей и опять стал бродить по лесу, мало уже веря в охотничьи способности Косачева и его „охотки“.

Он с удовольствием бродил по лесу, и тихая мысль теплилась в его голове: „Много я прошел на фронте лесов, но там из-за каждого дерева грозила смерть, а здесь мирный лес родной стороны ласково привечает меня, радуя своей красотой и покоем.“

Тишина в лесу была такая, что Алексей издали слышал шаги Ивана Косачева и поспешил на свое место.

Иван подошел, сокрушенно покачивая головой. Прислушался и еле уловил слухом завывания своей „охотки“. В глазах его Алексей заметил откровенное неудовольствие.

— Надо идти туда, — показал Косачев на дальний остров леса, темневший в стороне от Терехова. — Заяц отсюда стрекнул или сами они туда подались и натекли там на зайца — никак что-то не разберу.

— Идем, — согласился Алексей. — Раз в охотники определись, так ног жалеть нечего. Добыть мы ничего не добудем, но отдохнем хорошо.

— Какая тут добыча, — махнул рукой Косачев.

— Что? — засмеялся Алексей. — В звене работать выгоднее, чем с ружьем бродить.

— Дело, видно, несравнимо с забавой, Алексей Лукич. Мы ведь не промысловики-охотники.

Шли по полю, напрямки к Тереховскому лесу. Мерзлая земля, слабо запорошенная снегом, скользила под ногами. Идти было трудно. Вдали виднелись крыши Терехова.

„Вот под одной из этих крыш живет Валя, — подумал Алексей. — Моя бывшая соседка и первая любовь. Мы, оказывается, любили друг друга, но в разное время. Через много лет после того, как отгорела моя, вспыхнула ее любовь. Но Валентина“

тина, кажется, добилась своего: она передала кусочек боли, если только этого добивалась. И я сейчас с волнением смотрю на крыши Терехова. Где-то под одной из них живет эта трепетная душа и все еще думает навести какую-то ясность...

В дальнем острове собаки заголосили громче, очевидно, приспевая за зайцем. Лицо Косачева оживилось, взгляд засветился надеждой, он пошел быстрее, Алексей поспешил за ним.

Они горопились. Косачев повернул голову левым ухом к острову. Неистовый гон с подвыванием оборвался на самой высокой ноте и совсем смолк. Косачев резко остановился и сразу будто опустился весь.

— Что? — с тревогой в голосе спросил Алексей.

— Все теперь понятно, — неопределенно ответил Косачев и повернул обратно к Думину. Лицо его стало сердитым, походка неуверенной. Он поскользнулся и чуть не упал. Повернувшись и пнул каблуком то место, где скользнула нога. В эту минуту он показался Алексею ребенком, который бьет то, обо что ударился.

— Надо бы собак кликнуть, не пропали бы, — побеспокоился Алексей, оглядываясь на тереховский лес.

— Никуда они не денутся, — с явной досадой ответил Косачев.

Обратный путь был долог и тосклив. Косачев молчал. Алексей не находил нужным нарушать его раздосадованную сосредоточенность. Да ему и нравилось шагать пустынным полем, подставляя падающим снежинкам лицо и молчать. Сумерки сгущались, на селе замерцали огни.

Косачев шагал, опустив голову, и почти вплотную столкнулся на дороге с женой. Он сначала даже не поверил своим глазам и прынул назад. Потом, узнав ее, удивленно и придиричливо спросил:

— Ты куда?

— Вас вышла встречать... „Охотка“ твоя давно дома, — сообщила она и прямо в лицо мужа весело рассмеялась. Иван хотел рассердиться, но смех жены был так заразительно весел, что Косачев тоже рассмеялся, покачал головой и пожаловался жене:

— Вот, понимаешь, подвели...

— Да! За твою заботу вот чем отплатили, — насмешливо пожалела его жена. — А ты готов был их вместе с собой за стол посадить, а они тебе...

— Одно слово — провалили все, — перебил Косачев. — Плохо вышло у них.

Дома первым делом он заглянул на двор. Собаки отдыхали каждая на своем месте. Увидев хозяина, они даже не поднялись, а только виновато посмотрели на него.

— Я им корм выносила — не едят, — доложила жена. — Сыты что ли? И все облизываются.

— Они зайца, наверно, поймали, — высказал догадку Алексей.

— Зайца где им доспеть, — пренебрежительно сказал Иван. — Зай онка листопадника, поди, смяли... Я понял это, когда они вдруг смолкли в тереховском лесу.

— Ну что ж... прогулялись, отдохнули, тепер можно по домам. — Алексей положил руку на шапку, хотел прощаться.

— Нет, — запротестовала жена Косачева. — Без чая тепер я вас не отпущу! Дверь сейчас запру. У меня все готово, только на стол подать. Пирогы с утра вас ждут.

— Алексей Лукич! — просяще обратился Иван. — Закусим, с устатку чайку выпьем, погуторим.

За столом Алексей осторожно заговорил с хозяйкой:

— Я немножко вот чего не понимаю... Вы, Марья Евсеевна, женщина расторопная и сметливая, а жили вы с мужем до этого, как я посмотрел весной, — скудно... прямо сказать — плохо.

— Вот умник-то. — Марья Евсеевна сделала еле заметный кивок в сторону мужа. — Меня с толку сбил. „Мы из леса и огорода больше получим, у меня талан, меня за охотничьи достижения прославили“. И сует мне скиричек газеты, а в нем мелко-мелко написано, что Иван Косачев убил столько-то лис и столько-то крыс...

— За крысами я не охотился, это уж ты для красного словца.

— Кроты, которых ты выкапывал, не лучше их. В наших-то лесах три лисы и три зайца, поди гоняйся за ними; это вот в праздник прогуляться еще туда-сюда... Нынче мы за настоящее дело взялись, так жизнь-то в сладость: на работу со всеми вместе, везде с людьми на ряду и сами себя людьми чувствуем, а то жили как неприкаянные.

— Все это верно, — подтвердил Иван слова жены. — Великое это дело — согласие артели! Нынче так и тянет в колхоз, а прошлый и позапрошлый годы только и глядишь, как бы подальше от села удрать. Охота... Какой от нашей охоты прибыток. Годится она для забавы на досуге при большом, настоящем деле... Одну собаку продам, а другую оставлю на всякий случай, когда захочется побродить по лесам. Надо прямо сказать, не тот Иван Косачев стал.

* * *

В старое время в эти короткие дни поздней осени жизнь почти замирала в селе. Безделье и безденежье угнетали всех. Сонные скучные мужики сходились потолковать о своих горестях или, как о чем-то несбыточном, помечтать о заработках. Но где найти этот заработок? К барину кулаку подрядиться в батраки? Наняться к лесопромышленникам или торговцам в извоз? На десятки верст ходили узнавать, не нанимает ли кто возить лес, не требуются ли кому батраки? Так в напрасных поисках иногда проходила целая зима.

В колхозе, даже и в эту глухую пору, хватало всем в досталь работы. Одна часть колхозников заготовляла торф для удобре-

ний, другая рыла подводный канал на Выремше, третья подводила лес.

На всех фермах значительно прибавилось поголовье, а поэтому и число работников пришлось там увеличить.

На рытье канала несколько раз выходили всем колхозом, оставляя все дела, за исключением самых неотложных.

Берег Выремши, словно сеча после порубки, был усыпан бревнами. В затишке между двумя буграми от темна до темна сгибались и разгибались пильщики, и около них каждый день вырастал штабелек теса. Невдалеке названивали топорами плотники. Поодаль дымилась железная труба теплушки. В этой временной теплушке сушили тес, выполняли столярные работы, выпиливали по дереву.

Строительство здания электростанции возложили на Сашу Ныртикова. Он охотно взялся „поруководить“, потом увлекся, стал резвым и непоседливым: то наведается к пильщикам, то к плотникам, то полезет смотреть, сохнет ли тес. Он то и дело сам брался то за топор, то за фуганок, то вставал к пилке, которой выпиливали разные украшения для наличников и карнизов.

Алексей вспомнил свое умение, перенятое еще у отца, и работал под рукой Ныртикова плотником.

Ныртиков старался построить здание крепкое, приглядное, и часто указывал, как лучше сделать. Один раз он подскочил к Алексею, отвел его немного в сторону и указал пальцем:

— В этом пазу у тебя зазоринка!

Алексей пристально взгляделся и заметил такую маленькую щель, в которую едва ли можно было просунуть травинку.

Вдвоем они приподняли бревно и отодвинули его в сторону. Саша взял топор, одним уверенным взмахом сделал крохотный стес в пазу, и бревно точно слилось с другим.

— Артист! — восхищенно проговорил Алексей. — Талантище у тебя, Сашка, какой! И ты чуть не похоронил его на своем приусадебном. Ты, я вижу, сам-то себя как следует не знаешь. Вот здесь собирался только поруководить, а теперь ввязался во все дела не только головой, но и руками.

— Душа у меня разгорелась, Алексей Лукич, — воодушевленно ответил Ныртиков. — Захотелось построить зданье всем на радость. Чтобы век простояло и не покочнулось! Изукрашу его резьбой. Выпилю на тесинах цветы, травы, елочки и в них напущу птичек!.. Одним словом: резным кружевом обовью кругом все здание. Оно будет посылать всему селу радость и само должно быть радостным. Глянет человек, и глаза у него просияют: „Кто строил?“ Тут, конечно, найдутся люди, скажут кто. Ведь это память!

К зданию станции изгибом подходил подводный канал. Работой там руководил Тихон Старостин. Увидев его, Ныртиков задорно кричал:

— Главный землекоп, нажимай; отстаешь от нас.

— Заканчиваем, — отвечал Тихон. — Готовь тес для щитов, а свай-то просмоли!

Скоро на подводящем канале поднимут щиты и пустят воду в турбинную камеру. Сначала медленно начнет разворачиваться гидротурбина и бесшумно набирать ход генератор. Потом все завертится быстрее, и тогда включат на щите рубильник. Ток устремится по проводам в село Думино; засияют электролампы, замелькают в быстром вращении шкивы электромоторов.

Пройдет несколько лет, любознательный малыш найдет на чердаке керосиновую коптилку и спросит: „Мама, а что это?“

Наум Чайанов, вероятно, додумается поместить старую диковинку в своем музее и прикрепит к ней пояснительную записку:

„Лампа. До проведения электричества применялась для освещения. В качестве горючего употреблялся керосин.“

* * *

На грани осени и зимы Наум Чайанов поставил в горенке чугунную печку и, затопив ее вечером, сел за письменный стол. Он писал немного, но каждый свободный вечер. Записи его не носили строгой формы: за преданиями и воспоминаниями следовали авторские рассуждения по поводу того или иного события, приводились живые картины прошлого.

Утомленный работой, в полночь Наум ложился спать. Перед сном окидывал мысленным взором записанное, и ему казалось, что он долго-долго бродил в темных сумерках по старым заброшенным дорогам прошлого. Из темных сумерок далеких дней мысль его перекидывалась к свету современности, но ему думалось, что описывать новое Думино нет надобности, оно у всех на глазах. Но однажды забрел к нему на огонек Мирон Батманов, уселся прямо на полу у жаркой печки и спросил:

— Все пишешь?

— Все пишу.

— Почитай немножко! Я погляжу, каково у тебя выходит. Чайанов пролистал исписанные листы и, сказав: „вот это разве тебе прочитать“, — начал:

„С утра яркое солнце слепило глаза, и Грабочкин отправился в церковь налегке — без пальто, в пиджаке. Из-под суконных брюк блестели новые ботинки. К полудню небо потемнело, и разразился сильный ливень. После обедни пройти от церкви домой можно было только в сапогах. Грабочкин стоял на паперти и придумывал различные способы насчет того, как бы добраться домой, сохранив в чистоте новые ботинки.

— Что, Евдоким Силантич, попал? Сколько дашь — на закорках донесу, — с усмешкой предложил Иван Комков.

Грабочкин был волостным старшиной и торговал в селе продовольствием и бакалеей.

Иван Комков жил бедно, давно попал в кабалу к Грабочкину и старался постоянно хоть где и как-нибудь подзаработать, чтобы выбиться из бедности.

Торговец подозвал бедняка к себе:

— На закорках это не дело... Нехорошо! Ты, все-таки, лик человеческий имеешь, и меня бог может наказать... На человеке ездить нельзя — он не конь. Принеси-ка с моего двора две доски, я по ним пройду, яко по суху. Поди скорей, Ваня, беги, за труды воздам, не обижу.

Иван Комков ушел. Грабочкин ждал на паперти, круто выпятив живот, и поучал мужиков, ожидающих веселого зрелища, чистоте духовной и телесной. Он был богомоллом и похвалялся знанием священного писания.

Вскоре показалась тощая фигура Ивана Комкова с двумя досками на плече. Положив доски у паперти так, что одна служила продолжением другой, разбитой Комков шаркнул ножкой, вильнул головой, крутнул рукой, словно кавалер перед дамой, и пригласил:

— Па-а-ажалуйте, Евдоким Силантич!

Старшина вступил на доску и покатил „яко по суху“. Как только он вступал на вторую доску, Иван Комков хватал первую и, быстро перебегая, клал ее впереди второй доски. Доски то и дело мелькали в воздухе.

Грабочкин шел ровным шагом, любуясь своими блестящими ботинками. Толпа любопытных росла. По бокам и сзади бежали ребятишки, шли мужики и бабы, подзадоривая Ивана Комкова:

— Ваня, старайся!

— На праздник себе заработаешь.

— Потрафляй старшине, браток!

— Старшина тебя не забудет, отвалит денежку...

— Смотри — ценой не ошибись!

— Не продешеви!

Женщины жалели Ивана:

— Весь-то в грязи, сердечный, измаялся...

— Хоть бы дух перевел, до его хоромины ведь не близко.

— Он, идол, идет как по полу, хоть бы дал человеку отдохнуть, окаанный...

— На крыльце своего дома торговец остановился, и, в полоборота обернувшись, сказал:

— Ну, Иван, сослужил ты мне службу, спасибо. Доски себе возьми — пригодятся. — Грабочкин двинулся в дом и схватился уже за дверную ручку, но Иван Комков возопил:

— А за труды... Деньжонок-то!..

Грабочкин нахмурился и проговорил недовольно:

— Шутись ты деньгами-то... Бери доски и хватит с тебя...

Наблодались просить денег за всякую пустяковину“.

— Грабочкина я немного помню, а вот Комкова нет, — сказал задумчиво Мирон Батманов.

— Он, говорят старики, изголодался и рано помер, — ответил Наум Чайнов и продолжал читать:

„Пасха выдалась поздняя. Первый день был ясный, сухой... Около избы крестьянина среднего достатка Егора Растворова собирались мужики, привлеченные его криком. Егор был одет в новые домотканые порты и новые лапти. Он не говорил, а возмущенно выкрикивал слова:

— Это разве закон — тухлятиной торговать! Он думает, что на него и управы нет, мужик, мол, дурак — все съест... Будет — натерпелись, найдем управу на мироедов!

Егор, возмущаясь и размахивая колбасой, направился к дому торговца. Мужики пошли за ним.

Заслышав шум под окном, Грабочкин вышел на крыльцо:

— С великим праздником, миряне, зачем пожаловали?

Вперед вышел Егор и, показывая кусок колбасы, закричал:

— Гляди, чем кормишь для праздника, бесстыжая твоя рожь... Вместо колбасы падашь продаешь... Гостям стыдно подать. Протокол, ребята, приговор надо составить и к нему вещественное доказательство приложить — вот эту колбасу. Зови, Митрий, урядника!

В это время к толпе мужиков подошел Савелий Власыч, думинский мироед и сельский староста. На нем был длинный сюртук и ватный картуз. Юркие глазки старосты скользнули по лицам мужиков и встретились с глазами лавочника.

— Гляди, чем нас он угощает за наши-то деньги, — кипятился Егор, поднеся к носу старосты кусок колбасы.

— Эге-е, — притворно обрадовался староста. — Какой слабой колбаской порадовал православных Евдоким Силантич! Вот хорошество, есть чем разговеться православным!..

— Да ты сперва понюхай, чем от нее пахнет, а потом и хвали.

Староста взял из рук Егора колбасу и откусил сразу большой кусок. Поборов отвращение, он проглотил и откусил еще и еще...

— Вот это колбаска! Уж это, православные, действительно колбаса. Мне пришлось в городе колбасу есть в лавке купца Сквородкина — ни вкуса, ни наслаждения, щепя щепой, а эта — мягкая, мне, беззубому, и то впору. Де-еликатная колбаса, — заключил он, проглотив последний кусок.

Только тут мужики опомнились: тухлая колбаса, доказательство подлости лавочника, была уничтожена у них на глазах.

Грабочкин стоял на крыльце и хохотал, колыхая животом:

— Ну, миряне, распотешили вы меня. Ступайте домой, я на вас зла не имею, а тебе, Растворов, влетит за смутьянство, помни! Пойдем, Савелий Власыч, ко мне, — ласково обратился он к своему прихлебателю, — откушаем чайку ради праздника великого“.

— Эх, и мошенники же были,— смеясь, покрутил головой Мирон Батманов.— И такие лиходеи когда-то правили селом! Просто не верится, что было такое время. Но все это прошлое, а нам прошлого не жаль — поется в какой-то песне. Ты вот тут же и сравни тех, прежних-то правителей села, с нынешними — Нефедом и Алексеем, которые от всей души стараются для народа. Нарисуй картинку, как Алексей ухаживал за Косачевым и Ныртиковым, чтобы поставить их на правильный путь. И наладились ведь они, нынче в зажитке живут! А прежде не то, чтобы помочь, а вот подобные грабочкины взяли бы такого Косачева в лапы и выжали бы из него последние соки. Громадная разница тогда получится, и полезнее будет читать твое рукописание. Ты вот еще запиши, что прошлым летом спала слава Терехова, и мы тому виной: опередили его немного и по урожайности, и по срокам уборки. Это, брат, историческое дело! Терехово малость затмили и сами в славу вошли. Это потомки наши должны помнить. И ты для этого запиши!

— Я хотел записать, но, думаю,— это всем знакомо.

— Сейчас знакомо, а пройдет года два-три, и все забудется, а книга напомнит. Нынче летом, сам знаешь, по кусочкам, по листочкам собирали то, что Ефим Васильич записал на скорую руку. Недавно Тихон Старостин с листков все это в особую тетрадь переписал и положил на хранение в негоряемый шкаф. Видишь — как дорого стало записанное-то! А ведь тоже в свое время было все известно и всем знакомо. Так что ты на это не гляди, а записывай и записывай: потом будет все интересно и ценно. Ты слушай меня, я худого тебе не посоветую.

— Надо будет заняться,— согласился Наум.— Меня и само-го к нынешнему тянет. Надо записать, пока все в памяти свежо.

— Мне хоть чем-нибудь помочь тебе охота,— после недолгого молчания заговорил Мирон.— И я тебе одну штуковинку-диковинку разыскал...

Батманов вытащил из кармана изогнутую железинку, вделанную в деревянный черенок, показал и опять убрал в карман.

Глаза Наума загорелись:

— Что у тебя такое?

— А вот угадай!

— Я — не гадалка... Покажи хорошенько! Похоже на шило...

— Кочедык! — сказал Мирон и подал вещицу другу.— Без кочедыка, говорилось бывало, и лаптя не сплетьшь. Теперь и лаптей в Думине больше не плетут и кочедыков не изготавливают. Помести его в свой уголок диковинок и напиши: „Кочедык, при помощи которого в старое время в Думине плели лапти“. Рядом с ним тебе, пожалуй, следует поместить и лапти: скоро подрастут такие думинцы, которые и лаптей-то не видали и слава такого не слышали.

По совету Мирона Батманова Наум исписывал страницу за страницей и находил, что за один год в новом Думине произошло больше событий, чем за десять, примерно, лет в старом...

Вдумываясь, он видел в каждом, даже, казалось бы, незначительном, событии в жизни артели или житейском явлении той или иной семьи новый смысл.

Всех, к примеру, в Думине затронула женитьба Тихона Старостина. Считали его теперь счастливейшим человеком. И он сам признавал ответную любовь Тани великим для себя счастьем.

Мужчины зрелого возраста и прежде нередко женились на молоденьких. Красавиц в селе много было и до Татьяны, но односельчане так не любили и не уважали их, как ее. Обаяние Тани заключалось не столько в ее красоте, сколько в характере, в котором заметно выступали новые черты: непоказное и не временное, а искреннее и постоянное усердие в артельном труде, честное и чуткое отношение к людям, скромность и великодушие.

Наум перебирал в памяти лица и характеры односельчанок и приходил к выводу, что женщины, подобные бывшей жене Тихона — Анфисе, отстраняются жизнью, время выдвигает вперед таких, как Татьяна, искренних и верных в дружбе и любви, надежных и упорных в труде, обходительных и ласковых в отношениях с окружающими.

Наталья, мать Татьяны, одобрила выбор дочери. Она сказала, что Тихон Старостин сумеет оценить и сохранить любовь ее дочери. Он в несчастии не уронил своего достоинства, знает жизнь и умеет владеть собой.

Федю, сынишку Тихона, она взяла к себе. Я, говорит, воспитаю из него парня всему селу на радость! В связи с этим она почувствовала себя еще бодрее и работоспособнее, будто собралась в новую жизненную дорогу.

Для памяти записал Наум и о возвращении Косачева и Ныртикова к артельному труду. Мужественная и душевная дружба с Алексеем возродила их.

Наум кропотливо перечислил все работы, сроки их исполнения и результаты усилий каждого звена.

Он придал значение и посещению тереховским председателем Думинского колхоза.

„Понял или нет Вениамин Андроныч, — писал Наум, — что опередить нам Терехово помогла партийная организация. Может, он полагает, что Думину просто счастье такое привалило.

Думинцы нынче положили больше сил, применили больше способностей, а этому научили, на это подняли их коммунисты.

Когда Вениамину Андронычу втолкуют эту истину, — а ее ему втолкуют, — тогда он поймет, что колхоз жив не только им одним, тогда держись Думино! Тереховцы тоже умеют работать“.

Чаянов записал дату своего вступления в партию и добавил: „Меня и Мирона Батманова приняли, можно сказать, с приветствием, Тихона же Старостина посдержаннее и не только кажется, потому, что он по специальности своей не производительник. Когда человек несчастен, хотя бы и по чужой вине, думается, что и он сам тут виноват. Если же необычно счастлив, то, кажется, что он словчил.

Это только мое мнение, не утверждение, а рассуждение, и на нем я не настаиваю. Просто мой домысел. Можно ведь здесь рядом привести и другое толкование. Тихон в своей жизни то несчастлив, а то очень счастлив. Невольно думается о нем: хватит ли у этого человека ума и воли удержаться при таких качаниях судьбы. Он удержался, когда качели падали вниз, удержится ли на их предельном взлете? Мне кажется, что удержится. И партийная организация поможет ему в случае чего удержаться. Он мужик хороший, настоящий думинец. Я ему желаю добра“.

Много событий из жизни артели и просто бытовых явлений записал Наум в горнице, в своем любимом уголке. Мерцала лампа, обдавала теплом чугунная печка, сверкали замысловатыми узорами стекла в окне, а за стеной ухал мороз и скрипел снег под ногами редких ночных прохожих.

Время позднее: пора бы спать, но трудно оторваться от своих дум и заветных записей, и перо еще выводит слова:

„Ни достатка, ни порядка в моих писаниях. И кому они нужны? Завернет ко мне на огонек Мирон Батманов — такая же, как и я, беспокойная душа, считаешь ему, он послушает, похвалит, подскажет, посоветует. И то нам большая радость! А, может, исписанная мной эта книга сохранится; будущие думинцы, наши дети и внуки, разберутся в ней и увидят, как жили и работали их отцы и матери, бабушки и дедушки после Великой Отечественной войны, как чувствовали себя и трудились в мирной жизни вернувшиеся с победой на родные поля солдаты Сталина“.

Иван Озеров

НОВЫЙ ДОМ

Он чертежом еще на кальке не был,
Но твердо знали мы: здесь будет дом.
Пока еще не под спокойным небом, —
Он жил в воображении моем.

И с окнами, распахнутыми настежь,
Он, как корабль, отчалит в синь утра...
...Об этом вслух мечтает старый мастер,
И знак дает товарищам: пора!

И каменщики этот дом возводят
Не на день и не на год — на века.
Им труд привычен при любой погоде,
У них в бою наметана рука.

У дома будут клумбы и газоны,
А в середине их — фонтана шум.
Вчерашние бойцы в комбинезонах, —
С какой любовью я на вас гляжу!

Как в боевые дни, мы снова вместе.
Мы славим землю песней и трудом.
Включают нас в „Последние известия“
За каждый нами выстроенный дом.

В ПОЛЕ

Легкой дымкой повиты леса.
День встает, преисполнен забот.
Молодые зовут голоса
В долгожданный весенний поход.

Сладко пахнет сырая земля,
Шум мотора настойчив и чист.
На бескрайние наши поля
В восхищеньи глядит тракторист.

Пот струится с натруженных плеч.
Солнце майское щедро на жар,
Будто хочет к закату извлечь
Из зерна колосистый пожар.

Первосортное сея зерно,
Знаем мы, что недели пройдут —
И сторицей оплатит оно
Вдохновенный и радостный труд.

КАРТИНА НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА

Здесь все в движенье: ветер свежий
Качает старые дубы,
Корабль крылатый волны режет,
И шляпка встала на дыбы.

Над морем стаи чаек кружат
Под пеленою грозных туч,
И пробивает мрак и стужу,
Как луч надежды, солнца луч...

В тяжелой раме из самшита
Висит картина на стене.
Пусть имя мастера забыто, —
А нам — стоять и цепенеть.

ДЫХАНЬЕ ГОРОДА-ГЕРОЯ

В мохнатых шапках встали сосны,
Вокруг озер — ольха да ель.
Дым желтоватый, паровозный
В кусты ложится, как кудель.

Везде — на шумных перегонах,
На полустанках небольших
Простую надпись на вагонах
Читаю я как лучший стих.

Где бревна грузят с эстакады,
Где на платформах лег гранит —
Одно лишь слово: „Ленинграду!“
Девизом пламенным звучит.

Когда навстречу днем и ночью
Составы с грузами идут,
То видишь с гордостью воочью
Героев-ленинградцев труд.

Еще за сотни километров
Среди лесов и желтых нив
Повеет вдруг балтийским ветром
С Невой сдружившийся залив.

И ты почувствуешь с волненьем,
Еще не видя город тот,
Каким великим вдохновеньем,
Какою жизнью он живет.

НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

Здесь каждый дом ему знаком и мил:
Сроднила их суровая блокада.
Здесь он впервые бомбу разрядил,
Здесь ранен был осколками снаряда.

Но не окончен война поход:
Дом из руин встает на перекрестке.
Передний край здесь.
Фронт больших работ.
И серебрит виски пыльца известки.
Открылась дверь веселым малярам,
Пахучей краской выкрашены стены,
Уже стекло блестит в глазницах рам,
Вбирая синь почти со всей вселенной.
Лепной орнамент радует сердца.
Закончена узорная ограда.
...А на груди строителя-бойца —
Медаль „За оборону Ленинграда“.

ХИНГАНЕЦ

I

Вершина отвесной гранитной скалы
Окутана белым туманом.
Сказал проводник нам, что только орлы
Дерзают лететь над Хинганом.
Бесстрашно взглянув на опасный подъем,
Ответил веселый комзвода:
— Ну что же, мы этот хребет перейдем,
Мы — люди орлиной породы!

II

До туч громоздится утес на утес,
Лавина грозит снеговая.
Но должен к вершине пройти паровоз
По диким отрогам Алтая.
Строитель, взглянув на опасный подъем,
Припомнил былые походы:
— Ну что же, и этот хребет перейдем,
Мы — люди орлиной породы!

Игорь Мартьянов

В ЭТОТ ДЕНЬ

В этот день еще по мутной Шпрее
Вражьи трупы вниз несла волна,
Но уже молчали батареи;
Над землей стояла тишина.

Было слышно, как трещит кузнечик,
Как щебечут птицы за рекой...
Разве можно словом человеческим
Рассказать о радости такой?

Из траншеи выглянув по пояс,
Я вздохнул свободно и легко.
В первый раз бойцы, не беспокоясь,
В этот день покинули окоп.

Не ревели в воздухе моторы,
Не ломали пушки тишины.
То был день, великий день, который
Вождь предвидел в первый час войны!

ВЕСЕЛОЕ ВЕРЕТЕНО

С к а з

Золотое время — молодые лета. Ни с каким золотом не сравнить нашу-то молодость. Красно золото и то на огне плавится. Наша молодость огненную купель прошла, из огня вышла, еще краше стала. Все тяготы, все заботы на плечи приняла, не согнулась, не охнула, не свернула с прямой стези. Все потому, что сердце у нашей молодости нового закала, советского.

Ткачиха Надежда Ивановна Горленкова на краснознаменной имени Двадцатого Октября фабрике больно уж сомлевалась по своей-то старшей дочери Кате. Как матери не тужить: родная дочь, самая старшая. Кроме ее — пятеро, и все недоростки. Мужа-то так и не дождалась, сложил он голову за свое отечество. И Катя там была.

Уж как убивалась Надежда Ивановна, плакала, когда по зиме, на втором году войны, прибежала старшая домой с повесткой:

— Маменька, давай сумку шей, что есть под рукой, собирай подорожники, мне повестка, берут меня.

Тут так и ахнула мать, и рушник на пол уронила. Голову обняла; совсем одна остается с таким кустом. Легко ли одной? Отца нет, да и дочь-то берут. У Кати, глядя на мать, на братишку карапуза, на сестреночек маленьких, изумрудинки сверкнули в ресницах: и сестреночек жаль, а мать родную еще больше. Надежда Ивановна было наставляла давай: ты, мол, еще неразумна, мало на свете жила, куда ты идешь — ведаешь ли? Другие найдутся, у тебя отец там, надо сходить да упросить кого следует, что они не понимают что ли: последнюю опору от семьи берут; без тебя я с таким выводком вовсе с ног свалюсь.

Ну, конечно, дочь не станет зря родную мать печалить: улаживает, успокаивает — мол, ее берут раны перевязывать, в госпиталь. А хлопотать и вовсе не присоветовала, даже не велела. Все равно, говорит, теперь поздно.

После таких-то слов еще пуще принялась тужить мать. Что ты будешь делать? Закон-то не для них писан.

Так и проводила дочку. Шла от вокзала да все тужила: как, чай, ей горько спокидать родную сторонку? Кабы, как другие девушки, своей волей шла, а то ведь по повестке; не домой, а прямо в прядильную принесли повестку.

Про повестку не сама выдумала Надежда Ивановна: такое дочь пояснение на прощание оставила. Надежда Ивановна ту повестку за печатью военной сама в бумажках у дочки видела.

Ох, не скоро эти годы прошли, пролетели. Дождались мы, и на нашу улицу пришел праздник. Да такой праздник, что никогда это красное число в численнике не померкнет! Тут мало-помалу и долгожданные стали стекаться к своим семьям. А от Кати, как на грех, целый месяц никакой вести. И заняло болью несказанной сердце матери. Не в первую ли минуту великой радости еще новое горе заглянуть надолго в гости в дом к Надежде Ивановне собирается?

Да и сны недобрые последние ночи виделись: вот и закручинилась наша Ивановна. Собирает на стол, ребятишки порхают вокруг стола, как воробушки. Вторая-то дочь из ремесленного только прибежала, на черной шинельке на воротничке серебряные буквы, третья из школы только пришла, а самая мелкота-то давно в полном сборе. Только отца нет да старшей. Об отце-то уж три года как бумаги пришли — его не дожидаться. А вот Катя-то где сейчас?

Замечталась Надежда Ивановна, перетирает полотенцем чайные блюда, сама глядит в окно на дорогу. Дорога под окном гладким камнем выстлана. Много по ней идет хороших людей, но самого дорогого человека не видно среди них.

И шепчет сама с собой Надежда Ивановна:

„Знать уж не дожидаться мне моих дорогих...“

Не успела она договорить, дверь — настезь:

— Дорогая мама, разрешите доложить: гвардии лейтенант командир снайперского взвода Катя Горленкова отныне прибыла в твое полное распоряжение! С победой, дорогие мои!

Так и ахнула мать. Кинулась дочери на шею, целует, обнимает; сестренки виснут на статных плечах у старшей.

Вот и к Надежде Ивановне пришел в дом большой праздник. Весь день до позднего вечера она просидела около дочери, не сводила с нее глаз, не могла наглядеться. У постели ее сидела, теплой ладонью плечи ее гладила и все слушала, слушала, сколько всяких тягот приняла ее дочь за четыре года.

— Как ты все вынесла?

— Как и все. А ты здесь как одна-то с такой семьей?

— Всяко приходилось... Не забывали нас...

И только на другой день дочь виновато глянула в глаза матери, обняла ее, а у самой вот-вот слезы.

— Мама, ты прости меня. Я никогда от тебя не таила и не утаю... Но в одном я перед тобой виновата.

— В чем же?

— Тогда я неправду сказала: я доброй волей уходила, я сознательно покидала тебя одну с таким кустом. Никакой повестки мне не было. Я знала, что тебе будет здесь очень тяжело. Если бы я тогда сказала правду, я бы еще больше причинила тебе горя. Мне было бы еще горше расставаться с тобой. Но я все равно бы ушла. Я об этом решила в тот день, когда получили извещение об отце. Сколько дум о тебе я передумала в разлуке. Сколько раз я в мыслях своих становилась перед тобой на колени!

Еще раз поцеловала Катя седины материнские.

— И больно хорошо, что такой счастливый характер у тебя...

* * *

Снова нашла знакомую дорожку к шумной прядильной Кате. Идет она к фабричным воротам, а сердце так и токает, так и токает. Каждый камешек на мощеном дворе улыбается ей. Каждое высокое окно глядит на нее с приветом, каждая дверь сама растворяется перед ней, на высокой лестнице ступени сами под ноги бегут, не скрипят, а поют.

На машины, на веретена глянула — так к родной машине и прынула. Словно друга дорогого ладошкой гладит, вокруг нее ходит, каждый винтик на ней вспомнила сразу, руки к цевкам, к веретенам просятся. Изголодались они за эти годы по работе.

Вот какой длинной дорогой к мирному труду на свою фабрику шла она. Знать, не зря ей из далекой дали мерещились огни своей фабрики: сердцем своим она их видела.

Вернулась она под шумные своды. Уходила она отсюда рядовой работницей, шла добывать победу; добыла. Вернулась гвардии лейтенантом. Стала работать и вновь — рядовая.

Вот она говорит мастеру:

— Архип Лукьяныч, я на войне была, командирское звание имею...

А он понял ее мысль, не дал договорить:

— Знаю, знаю, похвалы достойно. Но скажи-ка, сразу там тебя в командиры произвели?

— Нет, сначала делом доказала.

— Вот-вот, этим же путем и у нас люди выходят в командиры. Даже очень будем рады дать и здесь тебе почетную аттестацию.

Работает Катя. Уж давно ее защитная гимнастерка выцвела, только на плечах зеленые площадочки из-под погон потемнее. А погоны лежат в сундуке вместе с кружевами, с батистовыми платками.

До войны Катя всего какой-нибудь год поработала прядильщицей. В хвосте не плелась. Пока она воевала, мастерство на фабрике на одном месте не стояло, вперед да вперед по-двигалось. То, что до войны считалось вершиной — ныне уж

этим никого не удивишь. Заботливые руки на новые вершины мастерство подняли. Вместе с мастерством и новые командиры выросли. Подруги катины первые запевапы всех хороших дел. Все они взвесили, молодые свои силы учли; что на пять лет загадано, они взялись в четыре года завершить. При таких планах дремать некогда, при таком развороте ленивому, нерадивому не устоять в почетном строю.

Катя за эти годы поотстала. Но и винить ее нельзя, она на другой вахте служила государству. Взялась Катя, не жалеючи сил, вгрызаться в дело. Дело ее не томит, работа не пугает. Но подруги на месте не топчутся, не ждут, когда она подравняется.

Заветную мечту Катя давно вынашивала, когда еще на фронте была: вот, мол, вернусь в свой край, и на фабрике у себя стану за командира.

Не в день, не в два встала она на одну линию вместе с передовыми. Твердо встала. Все, что упущено, теперь наверстано.

Весело веретена поют, быстро крутятся. Белые сугробы хлопка растекаются на тысячи белых ровных ленточек; белые ленточки разветвляются на тысячи ровных нитей. Мчатся, мчатся белые нити, на цевки навиваются пузатыми белыми бочоночками. На машины глянешь: готовые веретена с пряжей — будто тысячи бутылей с молоком стоят.

В текстильном сложном деле звено к звену живым местом приросло. Все звенья в порядке — тогда и вся цепь весело звенит.

Веретено не постарается — тогда и челноку нечего делать. Челнок не потрудится — и отбельщикам с раклистами остается мух считать. Но не такие времена.

Старается Катя. Хочется ей без кичливых слов, без смешного хвастовства всей своей работой убедить, что недаром она гвардии лейтенант, что гвардейская школа ее многому выучила.

Пришел час. Мастер Архип Лукьяныч дает предложение прядильщице: а не пора ли тебе за командира встать. Веретена тебя слушаются, пряжа твоя — первосортная.

Тут задумалась Катя:

— Нет, немножко подожду. Рано еще!..

— Не хочешь в командиры, лучше рядовой?

— Нет, не так. Вот когда найду свое веселое веретено, тогда и назначенье новое приму.

— Да они все у нас веселые.

— Нет, я ишу такое, на котором пряжа серебром светит, путь-дорожку на год вперед метит.

— Вдруг не найдешь?

— Найду.

Катя так размыслила: если за командира встать, надо всем подчиненным пример подать. Стала она искать свой точный прицел.

Бегут нитки на веретена, бегут. Что за год напряла Катя, хватило бы белые провода провести от ее фабрики во все се-

ла и города, на все заводы и фабрики до Дальнего Востока и до Бреста Литовского. А самую славную, самую прочную провела бы она до Москвы, до Солнечной горы, до Кремлевских палат, над которыми горят в поднебесье малиновым огнем уральские рубины.

Хотела бы она, чтобы та провод-ниточка все ее хорошие думы, мысли ее подругам по всей земле относила, а об их мечтах ей рассказывала.

Хватило бы ей нарядного, если все на один клубок свить, протянуть, как белую проволочку, по всем несчетным дорогам, по которым она прошла с верной неразлучной подругой — снайперской винтовкой.

Чтобы ее белая ниточка и над теми холмиками цветными по нашим и чужим полям пробежала, под которыми ее боевые друзья спят, чтобы рассказала она им, что не забыла о них Катя, что совесть ее велит сделать ей все, что на ее пай пало, и за тех, кто не вернется к оставленным делам, все выполнить.

Войди, прочная белая ниточка, живой жилкой во все дела нашего государства — большие и малые, — золотым волоском, над которым невластны ни время, ни погода, в рости в железные и гранитные фундаменты всех наших новых фабрик, заводов, дворцов и палат.

Вместе с цементными нерушимыми столбами поддерживай новое наше здание свободной жизни.

Плотно ляг пряжинка к пряжинке на атласе кумачевом, на том славном непобедимом знамени, под которым люди наши живут!

Сверкни, ниточка, золотым лучом на советском нарядном гербе!

Свяжись, ниточка, плотным звеньшком около нерушимого сердечка, что соединило навеки вечные в братской дружбе серп с молотом!

На защитной гимнастерке солдатской, на серой шинели нетленно живи, дольше носись! В зной от солнца солдата уберегай, в непогоду — от дождя, от ветра, от холода укрой, защити!

Шахтеров под землей, их плечи могучие, груди широкие прикрой надежно от пыли черной, от сырости!

Тонкая, легкая, шелковая, будь послушна, стань ты крыльями надежными, широкими, когда парашют зонтом вспыхнет над смелой головой!

Когда нарядные девушки соберутся в колхозном саду на веселую гулянку, пусть тебя, моя ласковая, пусть тебя, моя прочная, помянут добрым словом они, пусть прославят тебя в песне своей!

Когда дети впервые сядут за букварь, ты, моя заботливая пряжинка, помоги им открыть первую счастливую страницу, первое родное слово прочитать!

Везде, где есть трудолюбивый человек, где живет и славится его дело, везде ты, ниточка, незаменима, везде ты нужна. Как железо, как хлеб наш насущный, как чугун и уголь, везде с почетом люди встретят тебя, везде тебя, белая ниточка, приветят люди советские!

И еще просьба к тебе: свернись ты в клубок-колобок, каись маленьким солнышком впереди меня той трудовой дорогой верной, по которой мы все уверенно идем, загляни ты раньше нас в наш завтрашний день, вернешься — обо всем поведаешь.

Наш завтрашний ясный день близко живет, завтрашний день всех нас неустанно трудиться зовет.

Так думала Катя. С этими думами неразлучными она на фабрику приходила, они ей помогали в работе, новыми силами ее наделяли. С ними вместе настойчиво искала она свое веселое веретено.

А когда, в какой счастливый час, на каком ватере она заприметила его, когда высмотрела, — так и не заметили по-други.

— Ну, теперь, Архип Лукьяныч, кажется, нестрашно и за командира встать, — призналась Катя.

Дали ей под начало дружную бригаду, все прядильщицы у нее молодые, работающие, переимчивые. На одно веселое веретено глядя, все остальные веретена под начальством у Кати стали веселыми. С такой бригадиршей и помощницам работа в радость. Нелегко в крутую гору входить, зато какая ширь с высокой горы видна станет! Нелегко старое ломать, зато сколько радости, когда новое перед тобой во всей красоте живым делом встанет!

Были дни, были минуты, ныли косточки у Кати, да усталости не покорилась она. Паутинки бабьим летом приплывали под окна шумной прядильной, заглядывали, на руки прядильщицы любовались. Хотелось им собраться со всех скошенных полей и лугов, перевитися на веретена катины, чтобы ее ласковые заботливые руки уложили их ровно ниточка к ниточке! Великая мастерица — природа, но не умеет она так ловко прясть, как Катя Горленкова!

Хорошо легкой пряхинке на тихом лугу под солнечными лучами лежать, перламутровые капельки дождя на себя низать, но ещё лучше — под лучами глаз зорких катиных.

Собирались все тонкие ниточки под окнами прядильной, так там они и растаяли туманной ночью, на свое место удалиться им не захотелось.

Недаром Катя все вперед и вперед шла, славу себе нашла, с высоты сознания на дела свои глянула, и еще больше привлекательного в своей жизни увидела.

Когда трудно приходилось или вдруг дело не ладилось, находила она в себе самой решение верное. Вот совсем недавно на фронте тоже трудно было, порой казалось, что никаких

сил нехватит невозможное сделать возможным; тогда люди говорили себе голосом своего сознания: а разве мы не воевали с трудностями, когда начали старое ломать под корень, страну в бетон, в сталь одевать? Воевали, да еще как воевали! Но всегда все трудности побеждали!

И здесь во что бы то ни стало победить должны. Нет ничего на земле неприступного, чтобы перед свободным человеком шапки не ломило! И не просчитались!

И сейчас тоже бой, и здесь добиться победы само сердце велит, об этом и веретено жужжит.

Умела Катя повлиять на свои послушные веретена: под ее руками они стали вдвое расторопнее, полюбили они ее ласковое обращение; к ласковым рукам и машина отзывчива. Конечно, и мастера, инженеры не забывали Катю и ее веретена, помогали ей, она одна столько бы не сделала.

Скоро стали прядильщицы целыми бригадами к Кате ходить: ясно дело, за хорошим опытом, а не в посиделки, — нельзя ли, мол, как ее веселые веретена к себе переманить, по одному на всех разделить.

— Катя, показала бы ты нам свое веселое веретено!

А она им без лишних слов:

— Пожалуйста, любое к вашим услугам, они у меня теперь все веселые, так что сама не знаю, которому честь отдать, все хороши!

Веретена на взгляд как и у всех, только на ходу побыстрее. Отсюда и веселость.

— Чем же они тебя веселят, Катя?

— А тем и веселят — прядут и весь день говорят: „дело мастера боится“! Не развеселить душу ни шуткой, ни прибауткой, когда работа не веселит. Меня же моя работа веселит и радует, потому-то и веселые мои веретена.

Стоит первой ласточке под окном пролететь — долго морозу в овраге не сидеть. Стоит первому соловью в сирени запеть — весь сад будет песнями звенеть.

По примеру Кати Горленковой скоро на фабрике зажужжали веселые веретена, не одно, а большие тысячи.

В ШКОЛУ

Прозрачно утро робкое...
В торжественной тиши
Впервые школьной тропкою
Проходят малыши.
Как в праздник принаряжены,
Сегодня в первый раз,
Серьезные и важные,
Идут ребята в класс.
Ведет их утро раннее
По верному пути,
Чтоб в жизнь большие знания
Из школы принести.
Листва на подоконниках...
И вот зовет звонок
На первый в жизни школьника
Волнующий урок.
Расселись непривычные
К торжественной тиши...
Учитесь на „отлично“,
Родные малыши!

МАТЬ

Ты склонилась над детской кроваткою,
И любви, и заботы полна.
Убаюканный песнями сладкими,
Спит малыш... Тишина... тишина.

Что-то снится ему, и шевелятся
Губы с запахом молока...
Над домами Большая Медведица
Зацепила хвостом облака...

Ляг и ты. Ведь за окнами низкими,
Где весь город в покой погружен,
Звезды, звезды — глаза материнские
Охраняют младенческий сон.

ШКОЛЬНИКУ

Чуть шелестят листвою вербы.
Как зелень майская светла!
Сегодня на экзамен первый
Тебя дорога повела.

Идешь спокойный и веселый,
Весенним солнышком согрет,
Чтоб перед Родиной и школой
За целый год держать ответ.

И если с книгой терпеливо
Ты проводил учебны дни,
Любой билет тогда — „счастливый“,
Возьми и смело разверни.

Заговорит немая карта,
Увидишь реки, города...
И станет низенькая парта
В сто раз родней тебе тогда,

За то, что новыми глазами
На мир ты смотришь, кончив класс,
За то, что первый свой экзамен
Ты с честью выдержал сейчас.

А. Фролов

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

По-палехски расписанные окна,
Клубится в небе розоватый дым...
Такой мороз и помешать бы мог нам,
Да что мороз — здоровым, молодым!
Сегодня — отдых. Мы встаем на лыжи,
Бежим за город в снеговой простор.
Через края в сердцах веселье брызжет,
В глазах сияет юности задор.
Эх, и зима! Зима какая нынче!
Мороз румянец на щеках зажег...
И до предела каждый мускул взвинчен,
Когда с трамплина делаешь прыжок.
Везде снегов рассыпанная просинь.
Мы в даль стремимся, ускоряя бег.
Уходит день... Уж вечер тень набросил
На купол неба, на пушистый снег.
Закат погас. Улегся ветер в роще,
Как искры, звезды вспыхнули над ней.
Луна плывет, лучи в снегу полощут,
Сверкает снег миллионами огней.
Въезжаем цепью в тихий переулок,
Навстречу нам огни бегут, бегут...
Мы любим красоту таких прогулок,
Здоровый отдых ценим мы — как труд!
А поутру в фабричные ворота
Вольется снова радостный поток, —
То наша юность встанет за станок,
И в цехе дружно закипит работа.

В. Воробьев

КРАСКОВАР

Вот его рабочее место.
Здесь весы, ушаты и ковш.
Он мешает крахмальное тесто.
Краска сделана. Цвет хорош.
Этой краски живую силу
В нити прочно впитают батист...
Платье к первому мая для милой
Отпечатывает раклист.

* *
*

Талый лёд проходит
По реке, играя...
С первым парходом
Жду тебя, родная.
Километров триста
Плыть — с волнами знаться.
Будет наша пристань
Счастьем называться.

НИКИТА

Рассказ

Дед Никита вдруг заругался неистово; топор — в недотесанное бревно, шапку — оземь.

— К чорту!

Поднял шапку, повернулся, чтобы уйти, и — ткнулся в грудь председателю, нивесть когда и как оказавшемуся тут.

— Да, да! Я — не мальчик, нет, шалишь! Мне семьдесят годочков, меня не заставишь работать.

— Справедливо, Никита Изанович. Что ж, иди отдохни.

— То есть — как отдохни?..

Под усами председателя мышкой шевельнулась улыбка, сквозь узкие щели глаз метнулся лукавый огонек.

— Ты человек уже старый, сделают и без тебя...

— Ага — без меня? К чорту! — и дед решительно зашагал прочь.

Председатель колхоза — человек пожилой, степенный — обратился к ребятам:

— Что у вас тут произошло? Чем так обидели деда?

— Да ничем, Матвей Герасимович. Просто Алиса посоветовала ему сделать не так, как он хотел, — чтобы легче и скорее. Вот и закипел старик. Что ж ты с ним сделаешь?

— Так не годится, хлопцы. Вы же сами знаете, это — знаменитый плотник, вся губерния его знала. Да что губерния, он всю Россию исходил, в любом краю его домики найдешь. А уж срубит так срубит! Как под фуганок подладит.

Председатель пожурил ребят, хотя прекрасно понимал все и, пожалуй, заранее предвидел подобную сцену.

Колхоз, разрабатывая свой пятилетний план, наметил в этом году постройку нового обширного овчарника; овцеферма стала богатой, и добрая половина поголовья временно размещалась по дворам колхозников, так как старый овчарник был переполнен до предела. Нужно было срочно строить новый, тем более, что зима уже стучалась в окно.

Взялись за это дело комсомольцы. Вожаком их стала Алиса. Она только что окончила строительный техникум и сейчас гостила в колхозе в ожидании направления на работу.

В помощь комсомольцам колхоз назначил деда Никиту, опытного плотника.

Работа закипела. Алиса официально считалась начальницей строительства и была ответственной за него, с нее был спрос; дед Никита по привычке таил непоколебимое убеждение, что он тут — самый главный. Первые дни являли собой необычайное миролюбие: дед неумоимо тыпал и тыпал с утра и до вечера, покрикивал на юнцов, сновал то к одному, то к другому и одобряюще поучал:

— Э-э, не горячись, парень, бревно тоже ласку любит, хотя и бревно. Сучок силой не возьмешь, ты обойди его топориком с обеих сторон и тюкай. Смотри... — и показывал, как нужно вырубать сучок.

Алиса не расставалась с чертежами, поминутно сверялась с ними, говоря:

— Здесь нужно вот так...

Дед заглядывал через ее плечо на чертеж, ехидствовал:

— Картинка...

И резонно добавлял:

— Плант в голове держать надо, картинка не поможет. Наш брат строил без планту, а домики и сейчас как литые...

Комсомольцы слушались деда безропотно, охотно пользовались его советами. Дед чувствовал, что ребята почтительны к нему, и в то же время видел, что они — притка их раздери! — кое-что все-таки делают по-своему и Алисе послушны не менее, чем ему, признанному мастеру. Дед свирепел, но не показывал вида.

И вот накал достиг-таки предельной точки... Вкатывали очередное бревно и, так как стены стали достаточно высоки, использовали всю простейшую механику для облегчения подъема.

— А ну-ка, потихоньку-полегоньку, — повторяя излюбленную поговорку, суетился дед. — Бревно не скажет тебе спасибо, что ухаживаешь ты за ним, как за барином. Во-от, так... Мы этого барина заставим работать самого, пусть он сам себя катит.

Дед устанавливал подкладышки, направлял бревно, куда нужно, заставлял вывешивать, — и, действительно, получилось легко: бревно работало как бы само за себя.

— Немножко не так, — вмешалась Алиса.

— Че-го? — изумился дед и даже рот раскрыл. Он не обиделся, он был просто поражен: в чем — в чем, а уж тут он не нуждается в советчиках, он — изучивший всю эту „технику“ до тонкостей.

— Мы попросим его поработать и за других, — говорила Алиса и, показывая на катящееся вверх бревно, поучала:

— Видишь, сейчас бревно покатится само, значит имеет возможность помочь другому подняться, а для этого нужно...

— Валяйте! — помрачнел дед, чувствуя, что на сей раз самолюбие его обрело скандальный характер. — Валяйте!.. Вы умные, а мы дураки...

Он отошел и занялся обработкой нового бревна, ревниво поглядывая на ребят. Он злорадствовал и чувствовал, что сейчас наступит момент величайшего значения. Ему, потомственному мастеру, — указала девчонка. И что указала-то?! — Как, именно как нужно делать. Это — уж сверх меры! И единственно, на что толкнуло его уязвленное самолюбие, это: бросить — „валяйте!“ И отойти прочь в полной уверенности, что без него дело не пойдет. Но, работая, он ревниво посматривал туда, он волновался: а вдруг да он будет побежден, вдруг окажется, что он не так уж много знает. И кем побежден? — Девчонкой!

Алиса спокойно командовала:

— Подтяни, Гриша, веревкой другой конец, та-ак. Теперь захлестни сюда... Миша, не торопись... вывешивай, вывешивай! Теперь отпускаяй, пусть тянет другое.

Дед чутко прислушивался, скосив глаза на ребят, и — о позор! — промахнулся и царапнул топором по ноге. Этого еще не хватало!... Слава богу, не видал никто... Ребята вдруг грянули „ура“ — бревна вкатились наверх.

— К чорту!

Надо полагать, что этим бы все и ограничилось, не окажись тут вездесущего Матвея Герасимовича со своим „иди отдохни“.

После этого дед почувствовал себя лишним, и решение бросить все утвердилось непоколебимо. Он ушел. И лишь воткнутый в дерево топор, задрав вверх отполированное топорщице, остался как укор за тот опрометчивый поступок... Алиса смутилась и, не понимая, но предчувствуя, что виною всему она, чуть не расплакалась; ребята угрюмо молчали.

Раздраженный дед чертыхался всю дорогу до самого дома. С сердцем грохнул калиткой.

В своем детском уголке, среди игрушек, забавлялась черноглазая Галочка, самая младшая внучка и любимица деда; складывала из кубиков многоэтажный двор и, увлеченная игрой, весело напевала:

Здравствуй, дедушка-кузнец,
Расковался жеребец,
Ты подкуй...

— Дед — кузнец, — жеребец, — передразнил он внучку. — Дед у тебя плотник! Плотник!

— Деда, а нас Марь Николаевна учила — кузнец, — робко заметила Галочка.

— Тоже мне еще... Понимает ваша Марь Николаевна...

Галочка, обиженная за свою воспитательницу, надула губки и отвернулась. В другое время дед бы заметил, что обидел

внучку, и уж, конечно, изругал бы себя — и старым болваном, гнилой стропилой, — да сам-то он был в точно таком положении.

Он сел у окна на лавку и закурил; затягивался так свирепо, что цыгарка пела у него в зубах... Вдали виднелось, как будто дразня его, возводимое сооружение, с которого он только что ушел. Навсегда!

— Нога моя больше не ступит!

Цыгарка выкурена. А дальше что? Дед вышел во двор, походил, осмотрел хлев, выскивая, чем бы заняться. Делать, собственно, было нечего... Так прошло полчаса. Тоска! Тянуло к окну, — тянуло туда, где возвышался свежесрубленный остов овчарника.

Дед помрачнел.

— Топор! — возликовал он, вспомнив, что оставил его на строительстве. — Дойду... Возьму топор и — шабаш!.. Пусть там как хотят.

Торопливой походкой он поспешил обратно. Сердце его обиженно ёкнуло, когда он увидел свой одиноко торчащий инструмент. Незаконченная работа укоризненно смотрела на деда.

— Черти, — мысленно послал он в ту сторону двора, где молодежь дружно поднимала какую-то тяжелую кладь.

Подняв топор и привычным, оценивающим взглядом окинул незавершенное дело.

— Ладно... Это дотешу и — все. Как хотят...

И дед потихоньку принялся за работу. Работал и мысленно бранился, гоняя свои встревоженные думки туда и сюда... И думки его, совершив очередной полет, обретали иное оперение. Заканчивая обработку, он уже размышлял:

— Вот, скажут, тоже мастер называется... А сбежал... Оказался хуже молодых...

И, не сделав обычной передышки, принялся за новое бревно. — При этом дед прикинул, что то, что он намечал сегодня сделать, не одолеть ему до вечера.

— Не дадут человеку спокойно работать, — продолжал он ворчать, не замечая, что комсомольцам стоило большого труда не выказать смех.

Сгущались сумерки.

— Закурим, Никита Иванович! — приятельским тоном сказал подошедший Матвей Герасимович. — Пора кончать!

— А вот я и кончаю, — не поднимая головы, буркнул тот, боясь обнаружить, что этот тон председателя как-то сразу стал плавить в его душе ледяную корку отчуждения.

Председатель, терпеливо подождав, когда увлекшийся работник распрямит усталую спину, высказал:

— А ведь скоро назначенное число, Никита Иванович...

Дед насторожился; он понял, о чем заводит речь председатель. Понял и почувствовал, что в душе его накапливается но-

вый взрыв и уж, конечно, самый решительный. Он ждал, что председатель вот-вот его спросит: „А как думаешь, успеете или нет?“ Уж он ему тут ответит: „Пусть комсомольцы скажут, как они думают, а его, дурака, чего спрашивать. И вообще он им больше не работник с завтрашнего дня...“ Он ждал такого вопроса, чтоб сказать свое последнее и решительное слово, тем более, что еще не мог простить председателю его „отдохни“ и „сделают без тебя“.

Но Матвей Герасимович повел несколько иначе.

— Кажется мне, что к этому сроку не успеете...

— Гм... та-ак... Не осилим, говоришь? — в нем уже снова заговорило уязвленное самолюбие мастера.

— Видишь ли, Никита Иванович, немного мы ошиблись в расчетах, не все учли. Прикинули мы с Алисой...

— Ну, так идите еще прикиньте, Матвей Герасимович, — сухо перебил дед. — Прикиньте, Матвей Герасимович, а здесь не мешайте.

Матвей Герасимович поступил благоразумно: поспешно отошел.

А дед снова взялся за топор.

На утро дед аккуратненько вышел на работу, изменив вчерашнее решение.

— Шут с вами, пусть работают сами по себе... А я сам по себе, мешать не стану, — хотя прекрасно знал, что одному плотничать немислимо. Он взялся за отделку теплушки. Окруженный ребятами, дед нарочито не торопился, а дело у него спорилось. Он работал молча, он уже не поучал. Но ребята зорко присматривались, — как дед подмеряет, прочерчивает нужную линию, выбирает паз: получалось действительно ловко, быстро и хорошо, „как под фуганок“, — перенимали его приемы. Своим опытным глазом он не мог этого не заметить и втайне удовлетворенно торжествовал, тем более, что Алиса в его присутствии не раз намекала своим строителям, что у деда есть чему поучиться, но делала это очень осторожно; она была достаточно умна, чтобы расхваливать его работу при нем, она наверняка знала, что дед воспримет это как лезть, как подкуп.

В обеденный перерыв, замешкавшись в своей теплушке, дед услышал, как Алиса, собрав по обычаю свою бригаду для минутного обсуждения итогов текущего дня, заговорила о нем. Алиса, как впрочем и все, восхищалась его мастерством, разумной точностью приемов.

— Вы посмотрите, — говорила она, — уж если он прочертил, зашил или вырубил, так уж точно, миллиметр в миллиметр. Он не переделывает по десять раз, как ты, Гриша...

— Так он же — мастер!

— Неоспоримо, Гриша, и ты можешь стать в свое время мастером, если будешь следовать одному мудрому старинному совету: „семь раз отмерь, а один раз отрежь“. Прежде чем

что-нибудь сделать, ты выполни эту работу в голове и до конца продумай, прикинь все, и тогда приступай.

— Дельно говорит, комар ее забодай. У такой дело пойдет. Принцип держит, комар ее забодай. У такой дело пойдет.

Его пребывание тут, рядом, показалось ему неудобным. Он осторожно выбрался через только что прорубленное им окно и задами пошел к дому, унося уже не обидное чувство к Алисе, а уважение, почти изумление, не от похвалы, — этого он слышался на своем веку достаточно и этим его не удивишь, — его поражала практичность молодой строительницы.

— Каково? Сбежал!.. И где тебе нос задирать, свет-Никита!..

Эта думка в сердце деда вызвала жгучее желание искупить свой промах, загладить след своего необдуманного поступка.

И вспомнилось... Жаркие разговоры о постройке двора, увлекательная планировка его форм, фасона, размеров. Колхозу был срочно нужен овчарник. И колхоз доверил ему, старому болвану, это дело, колхоз положился на него... А вот вчера сказали: „не успеете... не сделаете...“

Дед раскалился.

— Нет, дорогой Матвей Герасимович, врешь. И плотник плохой, и колхозник плохой? Дудки! Это, брат, как сказать... Цыплят по осени считают.

Он ворчал и работал, ворчал и — работал; казалось, что и инструмент его насквозь пропитался яростью: так стремительно отлетали во все стороны щепки.

Дед что-то замышлял. Проработав с час, он внезапно объявил громко и решительно:

— Закурим, ребята!

Комсомольцы переглянулись и дружно ответили:

— Ну, что ж, давай закурим, Никита Иванович.

Подошла и Алиса, оробевшая и настороженная. Но дед был миролюбив и как-то весь сиял и лучился.

— И так, стало быть, сделано у нас ровно полдела, а времени осталось только треть. Хозяин вчера мне дудит на ухо: „Не делаете к сроку... А?“

— Мы стараемся, — обиделся Гриша.

— А кто говорит, что не стараетесь? — перебил дед. — Только старанье старанью рознь.

Он оттянул штанину и продолжал:

— Простая вещь порты, — а через голову не наденешь. Попробуй, повертись. Придется опять скидывать и приспособлявать уж по закону. Так? — обратился он к Алисе, которая вдруг покраснела до ушей и рассмеялась, удивленная этой своеобразной дедовской мудростью, тающей глубокий смысл. Дед увлекся и... выдал себя с головой:

— Алиса правильно вчера сказала: „Семь раз отмерь, а один раз отрежь“. А ты что делаешь, Гришуха? А ты частенько надеваешь порты-то через голову...

Помолчал.

— Мы немножко неточно рассчитали, Никита Иванович, — виновато заметила Алиса.

— Ага! Выходит, мы никак не должны кончить к этому сроку? Так?

— Кажется, что так...

— А ты поди пересчитай. — Дед яростно хлопнул ладонью по коленке. — Ребята! Справимся ведь?!

— Справимся, — хором ответили возбужденные комсомольцы.

— Как пить дать! Конечно, мы стараемся... — дед запнулся.

— Ну, одним словом, чтоб справиться, нужно делать много больше, чем мы делали, это — понятно. А по сему слухай дальше. Вот приходим мы на работу и точим инструменты, этак минут двадцать, когда можно сделать то еще дома. А нас девять „ваньков“ и теряем мы на точку, стало быть, три часа, а в день — шесть. Видите. Да прибавьте к этому то, что, если утром выходить не в девять, а в семь и — до темна: вот еще четыре часа, на всех — тридцать шесть. Сорок два часика лишних выгоним ежедневно! Выходит, что наша бригада увеличится на пять человек! Дальше. Наше дело любит артель: один провозится день, а пятерым раз-раз, и готово. А мы работаем иногда в разнობой...

Дед расписал все заманчиво и тонко. Комсомольцы ясно поняли: можно сделать не только к сроку, но, пожалуй, и раньше.

И началось то, что справедливее было бы назвать трудовым штурмом. С плеч деда словно свалился не один десяток лет, он поспевал всюду, он командовал не как начальник, а как мастер. Алиса поражалась, как умно он может организовать коллективный труд. И, дивное дело, — сам прославленный мастер тайно был весьма доволен и чувствовал себя более уверенно, если рядом находилась Алиса: коли будет промах — его поправит. Иногда она робко, но довольно настойчиво делала некоторые поправки.

...Ровно через неделю, за два дня до назначенного срока, Алиса докладывала членам правления о завершении строительных работ. Правленцы улыбались, и „сам“ Матвей Герасимович не мог спрятать хитрую улыбку.

Дед сидел на передней скамье, суровый и важный. Алиса стояла рядом, порой касаясь его плеча, и это прикосновение отзывалось в его душе приятным волнением. Эх, полстолетие назад он испытывал подобное, — ласкало его и будило желание сказать так много важного: о ней, Алисе, такой способной девушке; о колхозе, который, — странное дело — роднее своего дома; о том, что есть нечто выше и дороже денежной оплаты за труд — есть то, что ученый человек назвал бы радостью творческого труда. Он копил в себе эти слова, молчал, слушая взволнованную речь Алисы.

— И еще два слова лично о себе, — сказала Алиса. — Почту себя счастливой, что эта моя „практика“ как бы оживила тот груз моих знаний, что были накоплены в учебном заведении, они обрели и крылья, и руки, ибо находились в содружестве с многолетним опытом такого замечательного мастера, как Никиты Ивановича. Его труд, его горение в труде, его опыт и ум позволяют смело назвать его энтузиастом колхозной пятилетки, и он навсегда останется в моей памяти идеальным образцом русского труженика. Окончание этого строительства совпало у меня с началом нового пути: я получила направление на работу в Минскую область. И, уезжая, мне хочется сказать ему: „Сердечное спасибо тебе, дорогой Никита Иванович, наставник, мастер, энтузиаст!“ — при этих словах Алиса низко поклонилась деду.

А дед... Дед растерял все дорогие слова, которые он копил для такой минуты. И вот он, только моргая глазами, стряхивал с ресниц старческие слезинки.

— Так, товарищи, — встал председатель. — Стройбригада заслужила благодарность. Тут предлагают премировать... Я так думаю, товарищи, что это правильно, и поддерживаю такое предложение. Комсомольцы не раз просили приобрести им инструменты, музыку то есть. Есть мнение купить им эти балалайки... балалайки.

— Правильно!

— Ну, а тебе, Никита Иванович, чего? Для балалайки ты уж вроде стар. А?

— Установи ты, Матвей Герасимович, в колхозе циркулярную пилу, — с жаром запросил дед. — Ветряной движок качает воду всего три часа, а остальное время стоит. Вот и заставим его распиливать нам тес, а тесок нам дозарезу нужен, сам знаешь...

Председатель опешил.

— Это тебе премия?

— Зачем мне? Колхозу!..

— Ну, а ты-то чего хотел бы?

— А вот... это самое и хотел!

Грянули аплодисменты.

Иван Ганабин

ДОМ СТРОЯТ

Ни дома нет еще пока,
Ни вишни, ни черешни,
Но чья-то добрая рука
Поставила скворешник.

Здесь трубы черные торчат
Над пеплом и бурьяном,
Но топоры уже стучат,
И шаркает рубанок.

Построят люди новый дом,
И под тесовой крышей
Опять забьется жизнь ключом
На пепелище бывшем.

Ну, а пока — один тут дом,
Зовется он — скворешник,
С хозяином своим скворцом —
Веселой птицей вешней.

С утра до ночи напролет —
До сто седьмого пота —
Трудятся люди. Дом растет.
Идет-кипит работа.

Смолою пахнет. Облака
Весенний ветер грудит...
Здесь дома нет еще пока,
Но люди есть. Он — будет!

СЕНТЯБРЬ

Ранний сентябрь на пригорке прилег;
Теплый ласкает его ветерок,
Шепчутся тихо поникшие травы
Возле широких и пыльных дорог.

Желтые кудри роняют леса,
В небе — прощальные птиц голоса...
В тихие рощи, поля и дубравы
Гостьей явилась осень-краса.

Ранний сентябрь на пригорке прилег;
В армию скоро пойдет паренек.
Встанет на пост у родных рубежей он:
Глаз — на границу, рука — на курок.
Там — на границе, в далеком краю
Станет беречь он отчизну свою.
Если же грянет суровая битва —
Знаю, он будет бесстрашен в бою!

Иван Тихомиров

БАТЯ

Всё готово к походу. На штурманской карте
Розоватые линии избранных курсов легли.
Катера в ожиданьи, как кони, застыли на старте,
Закусив удила, чтоб рвануться и — прочь
от земли...

Командир по-хозяйски, привычно, наметанным
взглядом
Молчаливо обводит знакомые лица бойцов.
Ой, какие ребята! И тихая нежная радость
Освещает улыбкой выдавшее виды лицо...

Всё прошло — миновали далёкие горькие даты,
Время сгладило чувства, но трижды
бессмертны дела!
Он идет перед строем, вразвалку, чуть-чуть
седоватый,
А вослед потихоньку на крыльях порхает молва.

А вослед потихоньку знакомое, доброе —
Батя —
Это теплое чувство любовью не зря рождено...
Всё готово к походу, проверены курсы на карте,
Катера в ожиданье дрожат над уснувшей
волной.

М. Тюкалов

КУЗНЕЦЫ

В колхозе предутренняя тишина.
Но с первыми петухами
Встают кузнецы, и весь день дотемна
Стучат и стучат молотками.

Ещё по деревне метелит зима,
Снега — до верхушек заборов.
А в кузнице жарко, рубаху снимай —
И то будет в самую пору.

В руках кузнецов хороши, не тупы,
Хоть завтра же к делу готовы:
Звенящие косы, плуги и серпы,
Коню — как литые подковы.

Вот трактор идет: подлечиться пора,
Проверить, прочны ли детали...
Кругом осмотрели его мастера,
Везде молотком простучали.

И старший лукаво смеется в усы:
— Машина хотя не простая,
Но дело знакомое нам, — как часы,
В два счета работать заставим!..

И снова они у жаровни стоят,
Металл добела распекают,
Да так по нему молотками стучат,
Аж звезды в трубу вылетают.

109

В. Жуков

ДРУЗЬЯ МОИ

Десантники, — десятники, прорабы,
Окопники, — ткачи и плугари —
Друзья мои! Давным давно пора бы,
Как прежде, по душам поговорить.

Ведь не секрет, что до сих пор
Тревогою наш мирный сон поправ, не даром,
Нет-нет да и привидятся плацдармы
За дымкою далёких переправ.

А иногда приснится вдруг такое —
за автомат!..

Да где он — автомат?..
Скажи, ужель совсем не беспокоит
Тебя вот это самое, комбат?..
Ещё не раз к родному батальону
Придёшь, по тропам памяти скользя,
Солдат и офицеров поименно
Припомнишь всех...
— Да где же вы, друзья?

Не верь тому, кто скажет, что в запасе,
А там ищи, где тесно, где трудней,
Где сон недолог и опасна трасса,
И выходных не так уж много дней.

Где надо быть умелым и упорным,
Где выдержка окопника нужна...
Уж скоро год, как в перевалах горных
Застрял Чупров — твой бывший старшина.

Там каждый шаг чреват обвалом, бурей,
Грозится смертью, ложною тропой...
Ему едва ли легче с турбобуром,
Чем, скажем, с минометною трубой.

Он обо всём забудет, благодарен
За миг один, когда из-под земли
В лицо, как сумасшедшая, ударит
Фонтаном нефть...
Не даром, значит, шли!

Теперь на отдых, скажешь? — Нет, задание
Он выпросит, помотришь — уж исчез...
...Сержант Петров?! Так этот на Кубани,
И дел не впроворот на эмтеэс.

До писем ли? Черкнуть открытки толком
Всё недосуг. Всё — в спешке, побыстрей...
Связист Зимин заведует всем током
На сельской гидростанции своей.

И тоже всё дела, дела, заботы,
К тому ж турбина вот не задалась.
И всё-то сердцем, да душой, да потом:
Хозяйство! Вот и нужен глаз да глаз.

Смирнов — в Донбассе...
(Уголь. Вагонетки.
Да крепежи...) И Ветров где-то там...
Все на переднем крае пятилетки,
И, значит, все ребята по местам.

И всё ж обидно: письма стали редки,
Лишь из газет и знаешь о друзьях —
Тот — у станков, другой ушёл в разведку,
А третий — где-то в северных морях...

Скажи, ужели фронтовое братство
Забить? Ложь, неправда! — знаю сам...
А хорошо бы вместе всем собраться,
Поговорить, как прежде, по душам.

Припомнить всё: тревоги и невзгоды,
Тот чёрствый снег на чёрных плешах Татр —
Плацдармы, переправы и походы...
Погибших вспомнить!..

Слышишь ли, комбат,
Ведь до сих пор мне не даёт покоя
Та, взрывами распоротая, мгла
И те, в колючей проволоке двое,
Застрававшие у пятого кола,

Как на ладони. И почти у цели.
Свинцом на гладкий брошенные лёд...
Как сто плетей, хлестал косоприцельным
Тот крепостной фланговый пулемёт...

Где выход, в чём?
А выход был — тот, трудный,
Единственный... Они его нашли:
Вдруг поднялись и на колючку грудью...
Нет, не упали — вспомни! — а легли...

А первый взвод по этому настилу
Прошёл в проход до тех бетонных стен...
Друзья мои! Клянусь, мы отомстили,
На этот раз, нет, мы не брали в плен.

Взрывчаткою, огнем тот пункт опорный
Мы разнесли... А в памяти навек
Остался след: река Дунаец Черный.
Отроги Татр. Колючка. Чёрствый снег...

Мне снится это. Ведь они хотели
До коммунизма с песнею дожить...
Скажи, откуда эта ясность цели
И мужество железное? —
Скажи,
Ответь, комбат!

— То — взлёт кристально-чистой
Большой души, болящей за народ,
То качество борца и коммуниста:
Сквозь все преграды только лишь вперёд.
Вот потому-то с выстрелом последним
Живые встали, как один, к лесам,
Равняясь, как в атаке, по передним...
...Сегодня вместе не собраться нам.
И потому так письма стали редки,
Открытки — кратки...
Да не в письмах жизнь!
С лесов послевоенной пятилетки
Нам всем сегодня виден коммунизм.

МЕЧТА О МОРЕ

Когда из дома взрослые ушли,
Оя из плетёной сумки невод сделал.
А две тетради голубые с белым
Пошли на ялики и корабли.

На бригантину старый переплёт
Ему пришёлся в самый раз от „Нивы“...
Потом весь флот был оснащён на диво
И на заливчик спущен у ворот.

Блеснув в глаза тисненьем золотым,
Затрепетал кораблик из картона.
Мы, замирая, с мальчиком следим:
Удержится корабль или потонет?..

Ведь мальчугану надобно мечтать
О синем море и ветрах солёных,
О дальних землях, где цветут лимоны..
И где он должен, должен побывать!

Неси, вода, кораблики, неси;
Не захлестни мечты его, пучина...
Но поздно, захлебнулась бригантина,
А вот и ялик выбился из сил...

Я говорю мальчонке: — Ничего,
Мол, в океане и не так качает,
Бывает, мол, и хуже... И его
Ребячьих слёз отнюдь не замечаю.

И еще долго говорим. Стою,
Ручьев весенних слушая журчанье...
Я бескозырку старую свою
На мальчика примерил на прощанье.

И сделалось мальчонке хорошо,
Так хорошо, что он забыл о горе...
Я тоже буду счастлив всей душой,
Коль мальчуган поверил в сине-море.

ВЕСЕННЕЕ

И так всегда. Едва потянет талым
Ледком и чем-то тёплым от дорог,
Едва над поседевшим красноталом,
Как пастушонок, свистнет ветерок —

Осядет наст в ольшанике. И снова
Шарахнется причудливая тень,
Когда в ознобе всем крылом сосновым
Из-под сугроба вымахнет плетень.

И загадят, и захлебнутся в грае,
Как под хмельком, горластые грачи...
Потом река проснется. И взыграют,
И в запуски ударятся ручьи.

В воде по пояс встрепенутся вербы,
И кто во что горазд, хоть не глухи,
На все село начнут для птицефермы
Весеннюю программу петухи.

А им в ответ за тёмной лентой тракта,
Механиков плечистых веселя,
Протарахтит, чихнёт для пробы трактор —
Ретивый конь колхозного села.

НОВЫЕ ТКАЧИ

Очерки

КУДА ЗОВЕТ СЕРДЦЕ

После демобилизации каждый фронтовик стремился туда, куда больше всего звало его сердце.

Все дорогое и милое сердцу Кузьмы Константиновича Сахарова оставалось в городе ткачей.

Он вернулся к ним, пришел на фабрику имени 8 Марта, где работал до ухода на фронт.

Комплект в пятьдесят пять станков, на котором Кузьма Сахаров работал прежде, во время войны был остановлен, или, как говорят, законсервирован.

Фронтовик удачно подоспел к тому времени, когда этот комплект готовился к пуску.

— Станки твои стояли, пока ты воевал, дожидались тебя, — пошутил директор. — И вот дождался. Принимайся обрабатывать их, бери опять в свои руки свой заветный комплект.

И Кузьма Сахаров охотно встал на прежнее место.

Для него этот комплект действительно был заветным. Здесь Кузьма Константинович начал свою трудовую деятельность в должности помощника мастера; в первые же дни стахановского движения в текстиле перешел с двадцати восьми на обслуживание пятидесяти пяти станков; и прославился тем, что его комплект был на первом месте вплоть до самой войны.

Кузьма Константинович вернулся с фронта с еще большим знанием людей и жизни, с еще большей верой в свои силы и решил немедленно восстановить былую славу своего комплекта.

Он, как и прежде, быстро и прочно производил наладку станков и они по вине помощника мастера никогда не простаивали ни одной лишней минуты. Но, как член партии и активный общественник, он всегда помнил, что задача настоящего помощника мастера — не только хорошо ремонтировать оборудование, но и упорно учить ткачих, умело вести их к высоким производственным достижениям.

Он взял себе за правило — ежедневно проводить бригадные совещания (ткачихи и помощник мастера одной смены в комплекте составляют бригаду). На совещаниях после смены подводятся итоги рабочего дня, вскрываются причины отставания той или иной ткачихи, даются ей советы и указания.

СТИЛЬ ПЕРЕДОВЫХ

Коммунист Сахаров прежде всего требует, чтобы ткачихи — члены партии были впереди. И коммунистки — ткачихи его комплекта Евдокия Арефьева и Серафима Лихинина являют собой пример лучших производственниц, выполняя задания от 150 до 200 процентов.

Кузьма Константинович, при каждом удобном случае ставит Арефьеву и Лихинину в пример, подробно разбирает их стиль ткачества и настойчиво пропагандирует его.

В работе ткачихи важную роль играет психологический момент. В течение всех восьми часов все мысли ее должны быть отданы ткачеству. Стоит ей только хотя бы на полчаса задуматься о делах посторонних, она собьется с маршрута, забудет, в каком состоянии у нее сейчас тот или иной станок.

Иная ткачиха, увидев, что на одном из станков произошел большой обрыв основных нитей, растеряется и немедленно устремится к нему. Между тем ей до этого нужно было сменить початки в двух-трех челноках и пустить остановившиеся из-за этого станки. Пока она ликвидирует обрыв, в это время, глядишь, оторвало еще на одном станке. Она бросается туда. Тем временем станки, требующие небольшого ухода, вроде смены початка, не работают.

Хорошая ткачиха ни при каком обрыве не потеряет своего душевного равновесия; она трудится всегда спокойно, и в нужный момент умеет быть решительной. Заметив большой обрыв нитей, она спокойно продолжает вставлять новые початки в челноки, пускать станки и, когда все они будут на ходу, только тогда направится к тому станку, который требует много времени. Из-за одного неисправного станка не должны простаивать два-три исправных.

Так спокойно, уверенно и умело трудятся ткачихи-коммунистки Арефьева и Лихинина, и Кузьма Константинович старается передать их методы работы всем работницам своего комплекта.

СМЕНЩИКИ

Помощник мастера Кузьма Сахаров требователен и к другим, и к себе. Про него ни одна ткачиха не скажет, что вот, мол, помощник мастера у станка побывал, а станок работать лучше не стал. Он всегда наладит так, что станок надолго вступит в строй.

Кузьма Константинович строго и взыскательно принимает комплект от сменщика. Он смотрит: нет ли брака, все ли станки в ходу. Если станков в простое много, сменщик должен остаться на полчаса — час. Сам Кузьма Константинович оставляет сменщику комплект всегда в идеальном порядке.

Несколько раз во время рабочего дня он проверяет полотно на станках; смотрит, нет ли набойн, недосек. Сейчас чаще всего на фабрике встречается тот вид брака, который называется недосексой. Он происходит вот из-за чего: летит челнок между нитями основы, тянет за собой уточную нить, а она на середине его пути и оборвется, полотно в этом месте будет разреженное. Следовательно: уточная нить слаба, она не выдерживает натяжения.

Минувшим летом фабрика переживала затруднения с утком, получала его с разных фабрик: имени Варенцовой, имени Держинского, Кохомской и Фурмановской. Почти все эти прядильные фабрики вырабатывают разный уток по тонине, длине и крепости и каждый из них ведет себя по разному. Ткачихам приходится приспосабливаться то к одному утку, то к другому, что доставляет им дополнительные затруднения. Только, например, они приспособились к утку с Варенцовской фабрики, как он уже кончился. Его сменяет уток с Кохомской, потом с Фурмановской. Уток с Фурмановской фабрики намотан даже на цевку другого размера и не входит на шпрынку челнока.

Трудно работать на разном утке. Не приложи лишних стараний, опусти руки, процент брака станет непомерно большим, и фабрика сразу утратит свою славу.

Но и при таком тяжелом положении с утком комплект Кузьмы Сахарова выполняет план на 132—136 процентов. Как же он добивается этого?

„Если уток плох, если повышается процент брака, то надо еще лучше налаживать станки“, — говорит Кузьма Константинович.

И он строго соблюдает это правило. Оттого, несмотря на невысокое качество утка, у него в комплекте не снижается выработка, и не повышается процент брака.

БОЛЬШЕ КРАСИВЫХ И ПРОЧНЫХ ТКАНЕЙ

Ткацкий станок — небольшая, но очень сложная и капризная машина. У автоматических станков есть еще определенная точность во взаимодействии частей; у простых же, так называемых платтовских станков, этой точности мало. Все помощники мастеров уверяют, что шаблоны при наладке платтовских станков редко подходят. В каждом таком станке есть отклонения, особенности... И потому, налаживая его, помощник мастера часто руководится собственным опытом. Измерителем правильности хода станка помощники мастеров и ткачи считают полет челнока.

Если челнок летает легко и плавно, стало быть, станок работает точно. Во время хода станка одни нити основы бывают слегка натянуты вверх, другие слегка вниз; в промежуток между ними, или, технически выражаясь, в зев, устремляется челнок с уточной нитью.

Если челнок в своём полёте хоть немного поднимется вверх или опустится вниз, он заденет за нити основы и произведёт большой обрыв, являющийся истинным бедствием для ткачихи. Ей придётся долго заводить на место и связывать эти нити.

Помощник мастера Сахаров так умеет наладить взаимодействие частей, что челнок не возьмёт ни вверх, ни вниз и не произведёт обрыва, а это ткачихи ценят очень высоко.

В ткацком станке, — говорит тов. Сахаров, — сотни деталей, десятки механизмов... Каждый имеет свои особенности, различную степень изношенности, неодинаковую точность обработки. И вот надо понимать взаимодействие их. По полёту челнока он узнает, где разладка и также по его полёту, как по измерителю, налаживает станки. Это умение даётся долгим опытом и хорошей смекалкой.

Мы завели речь о Кузьме Константиновиче Сахарове не потому, что он представляет редкое исключение. В городе текстиля наладчиков станков целая армия. Почти на каждом текстильном предприятии есть многокрасочные доски с большим броским заголовком „Молния“. Эти молнии каждый день оповещают о помощниках мастеров и ткачихах, которые добились наивысшей выработки за минувший день. В течение пяти дней подряд мы заглядывали в „молнии“ и каждый раз видели новые и новые имена лучших помощников мастеров и ткачих. И в этом нет ничего удивительного. В социалистическом соревновании, в повседневном трудовом борении появляются всё новые и новые передовики текстиля.

Текстильщики прилагают все усилия, всё своё умение, чтобы выполнить обещанное великому Сталину, больше дать любимой Родине тканей красивых и прочных.

ПОЧАСОВОЙ УЧЕТ

Над комплектом, на видном месте прикреплена доска с фамилиями ткачих. Каждый час на этой доске появляются свежие сведения, напоминающие работницам о состоянии дел и в их комплекте, и в каждом десятке станков.

У одной ткачихи сейчас в работе восемь станков из десяти. Ткачиха великолепно понимает язык этих двух цифр. Они ей говорят, что положение у неё в десятке хорошее. Выработка выше ста, надо держаться на этом уровне выработки, и можно закончить смену с перевыполнением плана.

А вот у другой ткачихи работает только половина станков. Положение тревожное: она не выполняет плана. И к ней уже

спешит Кузьма Константинович, если даже она и не обращалась к нему:

— Что с тобой сегодня?

Она объясняет. Выслушав её, помощник мастера принимается за наладку станков.

Почасовой учёт труда обостряет чувство соревнования, порождает трудовой задор. Ткачиха, видя каждый час результаты своего труда и достижения соседок, сравнивает, делает выводы и старается быть впереди.

Если ткачиха не выполнила дневного задания, это становится в цехе целым событием и в тот же день обсуждается после работы на бригадном совещании. Тут же обычно передовые ткачихи рассказывают менее опытным о методах своей работы, чтобы они быстрее совершенствовались свое мастерство и успешнее устраняли недостатки.

ДОМ НА БЕРЕГУ ТАЛКИ

Много раз сравнивали дореволюционную жизнь ивановских текстильщиков с теперешней их жизнью, современной, советской. И опять вновь это сравнение напрашивается на язык. Впору спали ивановские ткачи до революции: по десятку, по полтора десятка в одной маленькой избенке.

За годы советской власти для ивановских текстильщиков было выстроено много новых домов. Тысячи семейств ткачей, прядильщиков, отделочников получили просторные светлые квартиры.

Теперь опять, как и до войны, около фабрик возникают не только новые дома, но целые улицы. Каждый год сотни рабочих семей переезжают в новые квартиры.

Дома строят в красивых местах, где рабочий может хорошо отдохнуть, набраться свежих сил, заняться садоводством и огородничеством.

Красивы места по берегам речки Талки. Это исторические места знаменитых революционных событий 1905 года.

Там, где стоит памятник славному революционеру ткачу Федору Афанасьеву „отцу“, нынче выстроен целый квартал домов для рабочих.

В одном из них получил новую квартиру Кузьма Константинович Сахаров. Целых три комнаты. В красивейшей местности и только в двадцати минутах ходьбы до фабрики. К дому прирезана и обвешана забором земля для сада и огорода.

Провожая на новую квартиру, директор фабрики говорил ему:

— Теперь заживешь! Квартира замечательная, дом каменный. На века дом построен. Хватит его и тебе, и детям твоим, и внукам и, пожалуй, правнукам. Только живи. Сад разводи, огород... Вишенью сажай. Она уже на третий год плоды дает. Малину не забудь посадить. На ней через год ягоды появятся. Всю семью

ягодами накормишь досыта. Горзеленстрой обещает нынче нам саженцев голубого клена. Ты сажай клен вокруг дома, а за ним вишенье, вишенье... И еще яблони посади. Они не скоро дадут плоды, но дождешься. Было бы чего ждать.

Кузьма Константинович представляет себе, как зазеленеют грядки, зашумит клен, зацветет вишенник и думает: „Теперь я на всю жизнь ивановец, текстильщик. У меня интересная работа, производственная слава передового помощника мастера, замечательная квартира. А ведь совсем, кажется, недавно я приехал в Иваново деревенским пареньком с юрьев-польских полей. Ехал и думал: „Приживусь ли я в городе, как меня встретит и приветит этот город.“

Город текстилей ласково приветил паренька. Здесь ивановские ткачи выучили его своему уменью и приняли в свою среду.

Ивановские текстильщики умеют привечать и воспитывать новых рабочих!

ДЕВУШКА ИЗ СЕЛЬДА ПИНОГОР

Капиталистический город был страшилищем для деревенского человека.

В капиталистическом городе, где обнаженно выступала власть рубля, где судьбами людей распоряжался фабрикант, деревенский человек чувствовал себя маленьким, неприкаянным, беззащитным.

Особенно в тяжелом положении оказывались девушки из деревни.

Вот они пришли из глухих деревень в неприветливый дореволюционный город и смешались с толпой безработных.

Как страшно здесь! И вспышки фонарей,
И суетня, и улицы, и крики...
Все снится ей простор родных полей,
Звяжущие овсы, душистый мед гвоздики...

Здесь девушку из деревни ждала или безработица с безжалостной улицей капиталистического города, или фабрика, которую дореволюционные писатели часто сравнивали с тюрьмой. В стихотворении Александра Блока „Фабрика“ мы видим залитые мутным светом желтые окна корпусов, запертые ворота и толпу безработных около этих огромных и равнодушных ворот.

Я слышу всё с моей вершины:
Он медным голосом зовёт
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Войти в тесные и душные корпуса фабрики хозяина-капиталиста, и на весь век затеряться в массе безвестных труженников—вот доля рабочего в прежнее время.

Так бы случилось и с девушкой из маленького сельца Пиногор Гаврилово-Посадского района, если бы она родилась раньше и пришла бы в старое Иваново. Но Таня Муркина выросла в другое время и приехала из деревни в город, рожденный революцией.

В новом Иваново она нашла прямой путь к светлой доле, большой жизни, известности и славе.

В 1931 году она вошла в корпус фабрики имени Балашова и не затерялась здесь а, наоборот, стала прославленной искусницей ткачества.

К девушке из деревни отнеслись по-советски просто, чутко и внимательно. Старая ткачиха Александра Кондратьева в течение десяти дней научила толковую и сметливую Таню Муркину правильно и производительно работать на ткацких станках, передав ей весь опыт, накопленный годами.

Но этот опыт был тогда еще небольшой и отдавал во всем старинкой, далеким прошлым, когда ткачихи еле управлялись на паре станков.

В годы сталинских пятилеток, стахановского движения Таня Муркина приобрела такое умение, накопила такой опыт, о котором в прежнее время ткачи и мечтать не смели.

Семнадцать лет все на одной и той же фабрике трудится ткачиха Муркина и неизменно каждый год, каждый месяц перевыполняет нормы выработки. От четырех, через шестерку, к восьми станкам пришла она за это время, и выполняет на восьмерке постоянно полторы нормы.

В письме текстильщиков Иосифу Виссарионовичу Сталину она обещала выполнить годовое задание в июле и сдержала свое слово, точно в срок выполнив обещание, данное великому вождю. В июле она завершила годовое задание и до конца года обещала наткать тридцать тысяч метров ткани сверх плана.

ДРАГОЦЕННЫЕ СЕКУНДЫ

Много, очень много в текстильном городе искусных ткачих, умеющих ткать много и быстро.

Они, кажется, владеют всеми секретами своего мастерства и отдают любимому делу все свои силы и умение.

Их нелегко опередить. Для этого нужно какое-то особое умение и редкая старательность. Но и старательных ткачих много, очень расторопных и ревностных к труду. Есть такие ткачихи, которые так и снуют между станками. Кажется, что такая всех перегонит.

В отличие от них Татьяна Муркина невозмутимо спокойна за станками. Она как бы прогуливается, прохаживается, не торопясь, а между тем станки у нее никогда не стоят. В чем же кроется секрет ее успехов, благодаря чему она добивается высокой выработки.

Слово операция употребляется во множестве значений. Употребительно оно и в ткацком деле. Смена челнока — одна операция, зарядка его — другая, ликвидация обрыва — третья... Таких операций в труде ткачихи десятки. И каждую из них в течение смены приходится повторять сотни раз.

Можно запутаться и потерять зря много времени, если выполнять их без строгой последовательности, точности и быстроты.

Татьяна Муркина никогда не забывает об этом и оттого всегда выигрывает.

Перед началом рабочего дня она заготовит пришвы, уток, проверит челноки, гонки, осмотрит полотно с задней стороны станка. Оборвет, устранил утолщения, узлы на нитках основы. Она знает, что утолщение или узел не вплетутся в ткань, нитка оборвется, а на разыскивание и связывание ее уходит почти полминуты, тогда как на устранение утолщения перед началом работы требуется всего навсего только пять секунд.

Начиная работу, она производит ритмичный разгон челноков и запоминает, когда и в каком челноке кончится уточная нить, и непременно к этому времени подоспел к станку.

Память и чутье мастерицы подсказывают ей точно эти мгновения. Станок еще работает, а ткачиха уже подоспела к нему. И вот он остановился из-за того, что в челноке кончился початок. Ткачиха мгновенно пустила запасной челнок, а этот зарядила новым початком, приготовила на смену тому, который сейчас в полете. Она умеет так разгонять челноки, что у нее никогда не встанут сразу два станка.

„Руки... Золотые руки у нее!“ — восклицает по этому поводу начальник цеха.

На восьми станках только при стопроцентном выполнении плана приходится менять челноки 850 раз в течение восьми часов. А Татьяна Муркина выполняет план на полтораста в среднем процентов; следовательно, она меняет челноки свыше тысячи раз. И столько же раз заряжает их новыми початками. На первой операции она экономит, благодаря своему мастерству, две секунды; на второй три. Посчитайте, сколько она бережет времени только на зарядке и смене челнока!

Что такое секунды? Мгновения! Надо ли о них говорить? Надо много о них говорить, потому что чересчур много мы их теряем. Надо у Татьяны Муркиной учиться знать им цену. Она умеет беречь и использовать эти драгоценные мгновения.

Инженеры-текстильщики подсчитали, что при нормальной работе на восьмерке станков в среднем должно произвести в течение смены 70 обрывов основных нитей. На ликвидации каждого обрыва Татьяна экономит восемь секунд. Но мы помним еще, что она заранее, перед началом рабочего дня, устра-

няет утолщения, узелки, парочки (две слепившиеся нити), а поэтому обрывы у нее на станках случаются вообще очень редко, а поэтому она сберегает времени еще больше.

В общем, при быстром и точном выполнении этих трех операций она экономит за смену целых два часа.

В хорошей подготовке рабочего места и станков к работе, в своевременной смазке их, особенно в „скоростных моментах (выражение инженеров-текстильщиков), проще сказать — в быстром выполнении мелких, тысячи раз повторяющихся операций кроется секрет успехов этой замечательной работницы.

Труд давно стал для Татьяны Муркиной делом чести. Это прекрасное чувство советского человека глубоко проникло в ее душу.

Многих девушек, городских и деревенских, обучила ткачиха Татьяна Муркина. Передала им свой опыт и воспитала их стхановками.

Семнадцатилетней Валентине Хреновой полагалось учиться три месяца. Татьяна Муркина подготовила её в три недели так, что Валентину не было больше смысла держать в ученицах. Её поставили в „запасные“: она стала подменять отсутствующих шестистаночниц и с первых же дней перевыполнять план.

Татьяна часто навещала её за станками, советовала, указывала.

Другая её ученица, так же, как и учительница, ткёт на восьми станках, норму выполняет на полтораста процентов, но Татьяна Николаевна никогда не пройдет мимо: остановится, посмотрит, даст верный, искренний совет.

Труд учениц ведь это тоже дело чести ткачихи Муркиной. Не только она сама, но и ткачихи её выучки должны добиваться высоких достижений.

„Она училась у Муркиной!“ — говорят ткачихи, помощники мастеров, мастера и инженеры. И это звучит гордо.

Культурный советский город приветливо принимает людей из деревни, заботливо и любовно растит их и воспитывает. Советская фабрика ласково встречает новых рабочих и быстро становится для них хорошей школой, вторым родным домом. В свободном труде на себя, на свой народ, на благо отчизны многие девушки из деревни добились обеспеченной жизни, уважения и славы.

Девушка из селца Пиногор стала, например, прославленной мастерицей ткачества, одной из тех, кто является гордостью текстильного города. Простую скромную искусницу ткацкого дела за её высокие производственные достижения, за повседневные и упорные трудовые старания на пользу Родины текстильщики выбрали в Областной совет депутатов трудящихся. Беспартийная ткачиха принимает участие в управлении одной из областей великого социалистического государства. В этом — величие нашей жизни, величие политики партии Ленина — Ста-

лина: вырастить, воспитать, прославить в трудовых подвигах и доверить большую власть. Сколько в это вложено чуткости к простому человеку, заботы, душевного тепла и человечности.

„ТКАЦКАЯ ПРИРОДА“

— Во мне ткацкая природа есть! — говорит помощник мастера Михаил Микин. У него отец был хорошим наладчиком ткацких станков, дяди — известными умельцами ткачества и специалистами по кареткам и жаккардовым приборам, а дед и прадед ткали на ручных станах.

Потомственный текстильщик Михаил Микин третий десяток лет налаживает ткацкие станки на ивановских фабриках. Он — один из зачинателей стахановского движения в текстиле. Был на фронтах Великой Отечественной войны. Поехал рядовым, а вернулся младшим лейтенантом. Теперь он — один из передовых помощников ткацкого мастера на фабрике имени Крупской. Обслуживает шестьдесят станков, вместо сорока четырех по норме.

В его комплекте ткачихи редко, очень редко допускают брак, так как у них всегда ладно работают станки. Когда Микина просят рассказать о методах своей работы, он задумчиво отвечает:

— Не знаю, о чем и рассказывать-то... Все очень просто... Глядеть только надо, поглядывать на дело по-хозяйски, тогда и догадку будешь иметь, глаза сами найдут, чем болен станок. Я как-то захворал, пришлось по бланке гулять... Вместо меня ставили тут в разные дни трех запасных поммастеров. Вот у них один станок рвет и рвет основу на весь челнок. Они с этим станком и так и сяк — рвет. А почему? Они вроде стараются, шегутятся, а в голове у них одно: „не мой комплект, я тут человек временный“. От такой думки глаза застилает и в голове догадки нет. Я поправился, пришел, а станок так с отрывом на весь челнок и стоит. Оглядел его, и сразу догадался — отчего. Укоротил наполовину сапожок, и станок пошел как мильонный. Ни одного отрыва. Ерундовое дело — укоротить сапожок прижима, дела-то на пять минут, а не догадайся — конца этим отрывам не будет. Вот в таких случаях уменье и сказывается. Глянул на станок, и понял его весь до последней мелочи. Вот это наладчик, вот это мастак! Это я не про себя говорю, а вообще. Я гляжу иное время на некоторых поммастеров, когда они заправляют основы, и думаю: не так, брат, не так, нет у тебя государственного подхода, не по-моему, я бы по-другому сделал. Я опять вернусь к тому времени, когда после выздоровления в свой комплект пришел. Гляжу: запасной поммастер без меня заправил основу. Ну, как заправил: перекосил ее, перетянул ремизы. При такой заправке основы самая распрекрасная ткачиха свой станок проклянет, полноремы не

выполнит. И пришлось мне заново тогда основу перезаврывать.

Некоторые поммастера не догадываются, что отрывы в сто, в двести ниток часто бывают от прижима, сапожки их далеко подходят и неправильно влияют на полет челнока, а эти сапожки такая мелочь, углядеть за которой нужен смекалистый глаз. Еще важно подвизать ремизы, не перетягивать их ни вверх, ни вниз.

Сам он, Михаил Микин, умеет всё это сделать точно и ловко. Знает Микин все тонкости поведения и капризы всех этих сапожков и прижимов, которые таятся даже нивесть где... Он так умеет надвизать ремизы, что нити основы пройдут сквозь их ярко-желтые лощёные шнурочки легко, свободно, стройно.

Вот его участок — шесть десятков станков. В каждом из них десятки деталей, и каждый из них с секретом. Иногда бывает так, что все они на месте, все прилажены, а станок капризничает: рвутся нити основы, вылетает челнок. Вот и разгадай, — которая из них плохо выполняет свое назначение и что с ней? Может, не так она поставлена, а, может, не так закреплена. В ткацком станке много бывает неожиданностей, встречается секретов, потому что это самая горячая и неистовая машина.

ХОЗЯИН, А НЕ ГОСТЬ

В среднем десять тысяч раз пролетит челнок туда и сюда в течение часа, столько же раз ударят гонки, столько же раз прибьёт батан к полотну уточную нить; ткацкий станок в лихорадке „хода“, он постоянно весь сотрясается от усилий и напряжения, а потом всё в нём должно быть прилажено точно и прочно. Тут во всём нужно великолепное знание дела и догадка помощника мастера.

Тем и другим богато мастерство Михаила Микина. Он знает тем, что на его шестидесяти станках совсем не бывает отрывов. Ни на одной из них за весь рабочий день ни разу не замнёт челнок и не оборвутся основные нити. В ткацком деле это редкостное достижение. Как же Михаил Микин добился его?

Он отвечает:

— Пустяки... Очень простым способом. (Ему всё кажется простым и доступным). Растрепался, к примеру, гонок. Поставишь новый и, кстати, уже осмотришь весь станок: проверишь боевой механизм, кожу на вальке, кулачок, каретку и всё это наладишь, чтобы ещё раз не возвращаться к станку. Иное время, гляжу — деталь может ещё поработать малое время, но я решаю её сменить. Малое время она послужит, сломается, и станок полдня простоит. И мне ущерб, и ткачихе, и всей фабрике... Нет, так я не люблю! Я люблю, чтобы всё было налажено на долгое время. Если же станок в каприз ударился, так я его зесь перез рну“.

Перевернуть его, конечно, нельзя, он тяжёл, да и незачем его перевертывать. Это у нас только так говорится для большей силы обозначения, а на самом деле это значит, что я его весь от начала до конца осматриваю, проверю и почию. Надо ремонтировать станок не тогда, когда он из боевых порядков вышел, трахнул отрывом, который надо заводить часа полтора, а пораньше. Да, пораньше! Надо заранее знать, когда на том или другом станке подработается та или иная деталь, и заметить её заблаговременно, до того, как она совсем придёт в негодность.

Вот и выходит, что всё просто и каждому помощнику мастера доступно. Только надо хозяином на комплекте быть, а не гостем, сразу видеть станок во всех подробностях, знать на память каждую деталь в каждом станке и помнить, когда она должна выйти из строя, чтобы её сменить до поломки.

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ ШТУКА

Михаилу Микину присуще большое чувство бережливости; он всегда полон хозяйской озабоченности. Не может, например, Микин равнодушно смотреть, какое множество на ткацких фабриках тратится погонялок, этих длинных пластинок, склеенных из нескольких слоев древесины, широких внизу, суживающихся кверху.

Редко-редко погонялки раскалываются. Большею частью они выходят из употребления только из-за того, что утоняются или выщербляются те места, на которые нажимают при ударе гонки, посылающие в стремительный полёт челноки между нитями основы.

Жалко выбрасывать эти тщательно выделанные пластинки. Они дорогие — шесть рублей штука. Делают их из лучших сортов древесины, привозят издалека. Тратится же погонялок на ткацких фабриках тысячи тысяч. Оттого их часто нехватает, а из-за этого простаивают станки. Только для одной смены, только для одного комплекта, — а комплектов на наших фабриках множество и работают они в две-три смены, — требуется от полутора до двухсот погонялок.

Всё это: и стоимость погонялок, и простой станков — ведет к большим расходам и удорожает ткань.

Надо производить ткань добротную и дешёвую и с этой целью сократить затраты на её производство. Не допускать ни одного отрыва и свести на нет брак.

Беречь сырьё и подсобные материалы! Зачем, например, тратить громадное количество погонялок? На них ведь затрачиваются большие средства, которые потом включаются в стоимость ткани.

У Михаила Микина сердце болит, когда он видит, что тысячи этих пластинок после кратковременного срока службы вы-

брасываются в мусор. И он старается их беречь, расходовать меньше.

Микин прикрепляет к месту тесного соприкосновения гонка с погонялкой кусочек кожицы сантиметра в два-три. И — дивное дело! — достигает замечательных результатов.

Раньше для своего комплекта требовалось Микину полтора-два погонялок, а после прикрепления этих ничтожных кусочков кожицы он тратит в месяц только тридцать: сокращает расход в пять раз.

Микин уверен, что можно сократить расход погонялок в десять, даже в пятнадцать раз; нужно только найти и приладить к шейке погонялки материал такой же эластичный как кожа, но более выносливый.

„И тогда государство получит миллионы экономии!“ — восклицает Микин.

ЧАСТИЦА ОГРОМНОГО ХОЗЯЙСТВА

Он учился ткачеству, думал, смекал, артистически овладел своим мастерством и умножил вековой опыт своих предков — текстильщиков. Но Микин не только превосходно налаживает ткацкие станки, но и умеет смотреть на свое дело глазами советского человека, беречь каждую нить, каждую деталь.

Иной помощник мастера при заправке основы не жалеет пряжу, обрезает концы чуть ли не в метр длиной. А вот Микин так ладно и правильно заправит основу, что и концов-то почти нет: и на этом сберегает много пряжи.

Зная цену каждой детали, умея с толком расходовать подсобные материалы, этот рачительный хозяин комплекта всегда хранит в своем инструментальном шкафчике некоторый запас их.

Люди, близкие к ткачеству, нередко видят такую картину: станок и два, и три стоят, а помастера около их нет. Он ушел доставать новые детали, чтобы заменить подработавшиеся.

В комплекте Микина таких картин не увидишь: он заранее смекнул, что на таком-то станке вот такая-то деталь ненадежна, и заменил ее новой, предотвратив не только простой, но даже недолгий останов станка.

Советский человек, экономный помастер Михаил Микин считает свой комплект в шестьдесят ткацких станков хоть и малой, но все-таки частицей огромного хозяйства своей страны и умеет смекаать государственно: в этом и таится корень его успехов.

СОВЕЩАНИЕ ОТМЕНЯЕТСЯ

Шумит ткацкая фабрика, неистово стучат в ней тысячи ткацких станков, сотрясая огромные корпуса. Кто налаживает, организует грандиозный процесс ткачества, заботится о пряже-

основах, шликте, подсобных материалах, ремонте оборудования? — главный инженер со своими помощниками: заведующими цехами и сменными мастерами.

Василий Митрофанович Набилков сиден знанием ткацкого дела. Он слывет хорошим технологом, умеющим крепко организовать производственный процесс. Набилков любит во всем порядок, точность, дисциплину. В первые дни после прихода на фабрику имени Крупской он решил созвать всех инженерно-технических работников. Сопещание было назначено на два часа пополудни. Но вот уже десять минут третьего, а собрались еще не все. В четверть третьего главный инженер сдержанно объявил:

- Сопещание отменяется.
- Подождем, — раздались голоса.
- Через полчаса все соберутся.
- Сопещание отменяется, — твердо повторил главный инженер. — Такая недисциплинированность... Это недопустимо в нашем деле!

В следующий раз инженеры и техники явились на сопещание точно к назначенному времени.

Без дисциплины и строжайшего порядка во всем немисливо наладить технологический процесс на фабрике, и главный инженер, прежде всего, восстановил дисциплину среди инженеров и техников, — тех людей, которые руководят целыми коллективами и обязаны быть примерно-дисциплинированными.

Работа текстильщиков — сложная, щепетильная. Текстильщик имеет дело с мелочью, с ниточками, иногда изумительно тонкими, тоньше волоса. И эти тонюсенькие ниточки надо соткать, переплести и прибить друг к другу так, чтобы получилась крепкая плотная ткань.

Главный инженер заметил на фабрике большие неприятели: чуть ли не с каждого станка свешивались незаведенные нити, бросались в глаза поломанные ламелевые приборы и недосечники, плохо заправленные основы.

Выйдет из строя ламелька, работница вздумает, что подвывать некогда, возьмет и согнет ее. Ламелька теперь уже не остановит станок из-за обрыва только одной нити, но ламелька уже испорчена; согнутая, она стесняет соседние работающие ламельки, и от того вся система основонаблюдателя начинает фальшивить. И все это только из-за одной ничтожной ламельки, которую и разглядеть-то в станке нелегко. Мелочь, — таких ламелек на одном ткацком станке две тысячи, — но это мелочь, как и десятки других мелочей, играет значительную роль в ткачестве.

В технологическом процессе таится множество этих мелочей, которые в сумме своей и составляют текстильное производство.

ВЕЛИКОЕ ЧУВСТВО

На фабрике жаловались на шлихтовку, что, дескать, эта самая шлихтовка плохо шлихтует основы, но оказалось, что винили ее напрасно: шлихтовка работала вполне удовлетворительно.

Главный инженер стал искать и нашел подлинного виновника. Он вошел в переговоры с директором прядильной фабрики, которая поставляла ткацкой фабрике имени Крупской основы и уток, и попросил:

— Я немного загляну в твой огород!

Директор прядильной разрешил заглянуть, и Василий Митрофанович поставил к тем сновальным машинам, которые готовили основы для фабрики имени Крупской, своих контролеров. Они следили за работой сновалей. Следили и фиксировали: вот здесь оборвалась нитка и сноваль не постарался завести ее на свое место, а присучил вперекрест к первой попавшейся под руку. Так-то, конечно, скорее и легче для него, но каково будет ткачам; ведь тут обязательно произойдет задир, нитки эти подобру-поздорову на ткацком станке не пройдут, обязательно оборвутся.

Главный инженер с фабрики имени Крупской говорил об этом с руководителями прядильной, а те — со сновальями. Сновали в конце концов стали тщательнее готовить основы, что быстро и самым лучшим образом отозвалось на ткачестве.

Вот уже кое-что и сделано: ткачи стали получать более лучшие основы и уток.

Раньше на фабрике считали, что одним компрессором нельзя дать должной влажности, а Василий Митрофанович сумел установить постоянный режим влажности и поддерживает его даже в выходные дни.

Потом он собрал рабочих и рассказал, что можно быстро навести порядок в оборудовании, в основах путем взаимопомощи сменщиков друг другу.

Ткачиха, например, останется после смены на полчаса, на час и поможет сменщице распутать, раскрестить основы. Некоторые работницы иногда второпях не стараются разыскать для оборванной нити положенное ей место, а заводят, как попало, вперекрест, что вносит путаницу в порядок переплетения нитей.

Таких закрепленных основ было множество, и ткачихи, помогая друг другу, все их расплели.

Велико чувство дружбы и взаимопомощи в среде рабочего коллектива: ни одна ткачиха не отказалась от взаимной поддержки; сменщицы охотно помогали друг другу. Это животворное чувство трудового единства и дружбы захватило и помощников мастеров. Они методически обследовали станки и производили не только текущий, но и предупредительный ремонт.

Хороший технолог тот, кто придает должное значение каждой мелкой детали и умеет заставить ее служить верно и безупречно сложному делу создания ткани. Каждая ламелька, каждая эта маленькая пружинка, должна стать на место, останавливать станок при обрыве нити и тем самым предупреждать брак.

Сначала в первом цехе из 910 ламелевых приборов в непригодном состоянии было 160, а через месяц только 53; во втором цехе из 410 только 17, а теперь только 11 по всей фабрике. Неисправных недосечных приборов было две сотни, а теперь ни одного. Раньше до сотни станков работало только с одним челноком, а теперь — при каждом станке два челнока.

Мелочь — глазок в челноке, из которого выходит уточная нить, но и о нём, о глазке этом, не забывает заботливый технолог. За состоянием ткацких приборов и челноков технолог следит постоянно и старается их изо дня в день постепенно приводить в полный порядок.

Могут на самом деле показаться мелочью все эти ламельки и глазки, но без них немислим правильный технологический процесс.

Многоопытный текстильщик Василий Митрофанович Набилков привык всегда видеть ткацкое дело во всей совокупности. Вот он замечает ещё один беспорядок: помощники ткацких мастеров не имеют многих деталей для ремонта станков. Надо снабдить их этими деталями! Какая может быть наладка станков, когда поммастер не имеет возможности заменить изношенную деталь новой, и технолог прилагает все усилия, чтобы обеспечить ими помощников мастеров, достаёт и обеспечивает.

Главный инженер великолепно знает, что помощник мастера без инструментов как без рук. И вот он уже снабжает помощников мастеров ключами, молотками, слесарными пилами. Вальки им теперь выдаются с наколоченной кожей, клубки в готовом виде, чтобы помощники мастеров не бегали накапливать и сверлить, не тратили на это драгоценное время.

К чему ведётся весь этот разговор о всяких деталях, ключах и молотках? Может быть, скучен он? Так ли существенны они в ткацком деле? И что они в конце концов могут дать? А вот что они дают: первое время фабрика выпускала 39 тысяч метров ткани в день, а через три месяца — 51,5 тысячи — на двенадцать с половиной тысяч больше. За один только день! Вот вам и „мелочи“. Подумайте сами: что могут значить все громкие слова и обещания, если помощник мастера не будет иметь в запасе новых деталей или если ткачиха станет работать неисправными челноками. Пустым разговором останется обязательство снизить брак, если оставишь на станках непригодными ламелевые и недосечные приборы.

Главный инженер настойчиво внушает ткачихам совершенно отказаться работать на разлаженных станках. Изломался ламелевый прибор — станок не должен работать. Останови его, иди к помощнику мастера. Ламелевый прибор на станке нужно немедленно починить. Помощник мастера должен поспешить к станку и привести в порядок ламели.

„Организация технологического процесса охватывает весьма широкий круг вопросов. Сюда относится организация: подготовки и использования сырья, снабжения материалами и деталями, ремонта оборудования и ухода за ним“, — говорится в письменных правилах для технологов.

В словах „снабжения материалами и деталями, ремонта оборудования и ухода за ним“ как раз и таятся все те сотни „мелочей“, о которых должен заботиться главный инженер.

НЕПОКОЛЕБИМОЕ УПОРСТВО

Конечно, все технологи заботятся о них, но не все так точно, упорны и последовательны в своих заботах.

Василий Митрофанович в своем деле непоколебимо упорен.

Он доканает таки в конце концов эти ненавистные цифры неисправных ламелевых и недосечных приборов, обитых челноков и челноков без глазков. Он прижмет к нолю, а потом сравнивает с ним дробь обрывности, брака (0,4 по сатину и 0,42 по сарже) и несортного товара.

Точность и тщательность, упорство и последовательность, взыскательность и смелое поощрение присущи ему и за это его все больше и больше уважают ткачихи и поммастера.

От глубины души они уважают дисциплину, порядок и ценят тех руководителей, которые стремятся к слаженной и вдохновенной работе и постоянно зовут к большим достижениям. Они любят движение жизни вперед, шум строительства, созидания, все то, что метко выразил Маяковский словами — „Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь“. Они обожают жизнь!

Василий Митрофанович не обольщается несбыточно-маниловскими мечтами, не рассыпает направо и налево громких слов. Сам ткач, сын ткача и внук ивановского ткача, главный инженер хорошо знает, что ткать, переплетать ниточки так, чтобы они стали безупречной тканью, — дело мудреное; напором, нажимом тут пугного ничего не добьешься. Правда, есть такие руководители и технологи фабрик, которые подгоняют выполнение плана работой по выходным дням, но на этом далеко не уедешь, и Василий Митрофанович этот путь осудил раз и навсегда в своей душе. Он добивается высокой производительности дружным, слаженным, ритмичным трудом.

До его прихода на фабрику каждый станок едва давал 9,5 уточин в час. Мало! И Василий Митрофанович поставил перед

ткачами и помощниками мастеров близкую и вполне достижимую цель—добиться на каждом станке производительности в 11 тысяч уточин в час!

На каждом станке челнок должен провести сквозь нити основы туда и сюда, а батан прибить к полотну одиннадцать тысяч уточных ниток в течение одного часа, а за восьмичасовой рабочий день — восемьдесят восемь тысяч уточин!

Через полгода ткачи, помощники мастеров, инженеры и техники фабрики имени Крупской добились уже большего. Они стали уже вплетать в нити основы 11,523 уточины.

Добились они этого благодаря тому, что держали в безукоризненном состоянии оборудование и повысили скорости.

И сейчас главный инженер вопросу повышения скоростей уделяет много внимания. На особо высокие скорости он уже перевел ткацкие бригады Лебедева, Кочурина и др.

Много заботится он и о завтрашнем дне предприятия.

„Не заглядывая в завтра, нельзя хорошо работать сегодня,“ — говорит он.

Вот приходит к нему начальник 2 цеха Василий Львович Шмелев. Приносит план на следующий месяц. Над чем он будет работать?

Он станет повышать скорости в своем цехе, экономить электроэнергию и снижать брак путем приведения в порядок нижних кареток. Кроме того, он займется организацией рабочего места для челночника, того постоянного специалиста, который исправляет челноки. Для него нужно поставить большой стол, на котором можно применить все рационализаторские предложения, ускоряющие и улучшающие ремонт челноков, а для этого на новом верстаке надо устроить особые приспособления.

Такие планы перед наступлением каждого месяца представляют все заведующие цехами и мастера. Планы утверждают главным инженером, и потом безотговорочно выполняются.

Так в постоянных заботах о большом и малом, о сегодня и завтра добываются успехи.

НЕПРЕВЗОЙДЕННОЕ УМЕНИЕ

Лидия Петровна Дородникова родилась в семье текстильщиков, жила в слободе, населенной текстильщиками, и с детских лет мечтала стать текстильщицей.

Она еще была маленькой, когда зашумели все фабрики текстильного города после гражданской войны. Ей, маленькой девочке, казалось тогда самым приятным идти на фабрику к станкам, как ходили ежедневно ее родители, родственники и соседи. Она завертывала в газету кусок хлеба и направлялась вдоль улицы.

— Лидия Петровна! — почтительно, с ласковой, скрытой

усмешкой окликал ее словоохотливый сосед, старый помощник мастера. — Куда вы направляетесь?

— На смену, — простодушно отвечала девочка.

— Так вы на фабрике, стало быть, работаете? Давно ли?

— С пуска. — Девочке в эту минуту верилось, что она — ткачиха и действительно идет на фабрику.

— Так, так, так... Оно, конечно, так. А до пуска фабрики чем вы занимались?

— Дома жила...

— Вот оно что! Так, так... Оно конечно так. Что же оставалось делать ткачихе, когда фабрики были заморожены. А в газетке-то у вас что?

— Завтрак.

— Правильно. Рабочему человеку захочется пожевать... Теперь хоть рабочий день и недолог, но все-таки аппетит на работе разыграется...

Больше двадцати пяти лет прошло с тех пор, а Лидия Петровна все еще отчетливо представляет себе в памяти свои первые детские „походы“ на фабрику и разговоры с насмешливым соседом. В мечтах о будущем проявилось ее редкое постоянство. Она всегда хотела быть только ткачихой, не ватерщицей, не банкаброшницей, не отделочницей, а непременно ткачихой.

В 1932 году она окончила школу фабрично-заводского ученичества. В эту школу принимали тогда с семилетним образованием и учили целых два года. Выпустили высококвалифицированной ткачихой с девятилетним образованием.

Дородникова облюбовала себе фабрику имени Крупской и давно уже работает здесь. Эта фабрика привлекла ее к себе и своим расположением, и устройством, и каким-то даже присутствием ей уютом.

И на фабрике имени Крупской Дородникова стала первой и непревзойденной до сих пор ткачихой.

Вот основные операции ткачества, которые составляют искусство ткачихи: зарядка челнока початком, смена челнока, ликвидация обрыва и съем готового товара.

Почти у каждой ткачихи в ее мастерстве есть слабые и сильные стороны. Одни, например, ткачихи быстро заводят и связывают нити, но долго заряжают челноки; другие быстро заряжают челноки, но долго ликвидируют обрывы или тратят много времени на съем готового товара.

В мастерстве ткачихи Дородниковой нет этих слабых сторон. Она все основные операции производит с предельной скоростью. На смену челнока она тратит 3,2 секунды, вместо 5,5 по норме, на зарядку челнока 5,8, вместо 8, на ликвидацию обрыва 12,6, вместо 28, на съем товара 58, вместо 150 секунд.

Передовые ткачихи фабрики Паниткина, Чижикова, Хренова, Сергеева не могут догнать ее в скорости выполнения основных операций.

Лучшая после Дородниковой ткачиха Чижикова, например, на первую операцию тратит 3,7 секунды, на вторую 7,9, на третью 15,9, на четвертую 80 секунд.

Лидия Петровна много раз читала на фабрике лекции о своих методах ткачества и рабочим, и инженерно-техническим работникам.

Инженеры и техники постоянно учат ее приемам работы всех ткачих, особенно молодых.

В чем же секрет ее исключительного мастерства?

В ТРИ ГОДА

При типовом уплотнении в 6 станков Дородникова обслуживает 10 ткацких станков системы Платт с кареткой Добби и тклет сатин.

Когда ленинградские рабочие выдвинули инициативу о выполнении пятилетнего плана в четыре года, Дородникова взяла на себя обязательство выполнить свою пятилетку в три года.

План прошлого года она выполнила в сентябре, и сверхплана выткала Родине 21600 метров сатина. И нынче она выполнила годовой план задолго до срока.

На каждом из ее десяти станков челнок пролетает туда и обратно двенадцать тысяч раз в течение одного часа.

„Чтобы работать спокойно и уверенно, необходимо заранее подготовиться к смене и внимательно принять свою десятку станков от сменщицы“, — говорит Лидия Петровна.

Она приходит на фабрику за полчаса до начала рабочего дня, узнает, какие неполадки были у сменщицы, интересуется наличием и качеством утка; осматривает полотно: равномерность и натяжение основы; ищет, нет ли спутанных и закрепленных нитей, смотрит, как заведены обрывы.

Большое внимание обращает она на чистоту станков, особенно челночной коробки. Проверяет состояние гонкоз, погонялок, положение ремиз, сосоюние берда и челноков.

Если ей приходится работать утреннюю смену, то она производит тщательную смазку станков.

Обнаружив какие-либо неполадки в станках во время приема десятки от сменщицы, она немедленно сообщает об этом помощнику мастера и требует их устранения.

Очень важно организовать хорошо свое рабочее место и правильно расположить инструменты, которыми постоянно приходится пользоваться во время работы.

Она не тратит время на отыскивание их; они всегда у нее под рукой. Заводные крючки и щипцы она держит в отверстиях челночницы, ножницы и сит при себе. Следит, чтобы всегда на своих местах были ящик для сбора уточных угаров и ящик для порожних шпуль. Она кладет уток всегда близко к станку,

чтобы при зарядке челнока можно было взять початок не сходя с места. Надвязку для основы подвешивают к верхней связи каждого станка, чтобы скорее и свободнее можно было выдернуть нить.

БЕЗ СПЕШКИ И СУЕТЫ

Нитки на початке хватает всего только на несколько минут, а поэтому зарядку челнока в течение восьми часов приходится производить множество раз.

На зарядку челнока она тратит на две секунды меньше положенного времени и на этом за восемь часов экономит много дорогих минут.

У станков левой руки она захватывает челнок сверху левой рукой так, чтобы ладонь была на уровне закрепления шпрынки. Затем поворачивает руку с челноком ладонью к себе; указательным пальцем правой руки отгибает шпрынку и правой же снимает пустую шпулю. Не оглядываясь назад, бросает ее в ящик и правой же по пути берет новую шпулю с утком и надевает на шпрынку. Все это делается в мгновение ока. Мигнуть, как говорится, не успеешь, как уже челнок заряжен.

У станков правой руки она берет челнок правой рукой, указательным или средним пальцем левой руки отгибает шпрынку, этой же рукой снимает пустую шпулю и надевает новую с утком.

Как правой, так и левой рукой она выполняет зарядку челнока с одинаковым успехом.

Заряжает челноки она только тогда, когда все станки в ходу, стало быть, использует досужее время. Тут надо помнить, чтобы понятно было, следующее: при каждом станке полагается иметь два челнока. Один челнок летает между нитями основы, а другой, заряженный новой шпулькой, ждет уже своей очереди.

При такой организации труда у ткачихи Дородниковой не бывает ни спешки, ни суеты в работе.

БЕЗ ПРОМЕЖУТКОВ

Смену челнока она производит различно, в зависимости от того, где находится челнок, но и здесь старается каждое движение делать так, чтобы выполнить операцию быстро и легко.

Пальцем правой руки Лидия Петровна прижимает верхнюю часть основы вниз, а указательным и большим пальцами берет за мысок челнока и вытягивает его влево; вместе с этим закладывает другой челнок в челночную коробку и пускает станок.

— Если челнок нужно заправить справа, то я вынимаю его из челночной коробки левой рукой, а запасной заправляю правой, — говорит Лидия Петровна. — Замена одного челнока другим у меня разбита на несколько приемов и каждый прием тре-

бует определенного времени. Я учитываю каждую секунду, у меня одновременно работают обе руки, а поэтому промежутков между приемами у меня нет.

Некоторые ткачихи на эту операцию затрачивают времени гораздо больше. И вот почему. Они медленно производят замену одного челнока другим. Часто бывает у них и так, что к моменту останова станка запасной челнок у них не заряжен новым початком.

— При обрыве основных нитей на участке между ламелями и ремизами я не захожу при заводке нити за скало станка, — объясняет Дородникова. — Находясь за грудницей, я отыскиваю место, где оборвались нити, разбираю их и произвожу надвязку. Затем в левую руку за ремизами беру надвязанную нить, слегка отжимаю основные нити влево и крючком продеваю в глазок галева. После этого отыскиваю нижний зуб берда и крючком протаскиваю в него. Закрепляю заведенную нить с соседней и пускаю станок. Общая экономия времени по двум операциям (зарядка челнока и ликвидация обрыва основных нитей) составляет 34 минуты.

Срезку и съем готового товара Лидия Петровна умеет производить быстро, не останавливая станок ни на одну минуту, и на этом также экономит много времени.

СВОЙ ГЛАЗ — АЛМАЗ

Хорошо работать можно только при идеальной наладке станков, а поэтому ткачиха Дородникова предъявляет всегда весьма серьезные требования к помощнику мастера.

„Свой глаз — алмаз“, — говорит народная пословица. Оттого Лидия Петровна сама зорко следит за оборудованием. Она знает все детали станка не только по названию, но и по назначению.

Дородникова изучила взаимную связь в работе всех главных и вспомогательных механизмов; научилась самостоятельно исправлять отдельные мелкие неполадки станка: прочищать шпартушки, зачищать заусеницы на челноке, поправлять ремизы и картон.

После заправки основы помощником мастера она непременно проверит, не касается ли груз пола, нормально ли натянута основа, не перекошены ли отдельные ремизки и правильно ли установлен зев, соответствует ли он размерам челнока.

При обрыве уточной нити она смотрит: не погнулись ли рожки вилочки по отношению к решетке и не изменился ли ее наклон, не отвернулся ли вилочный молоточек.

При зарядке челнока она попутно следит, нет ли заусениц и сбитых мест на челноке, не округлилась ли на нем нижняя плоскость, не выступает ли дерево около мысков, а, может, ослабли или помялись они, мыски эти самые. Хорошо ли надевается шпулька на шпрынку челнока, удерживают ли ее ухватки.

Также следит она за ламелевыми и недосечными приборами и еще за целым десятком деталей и приборов, которые нелегко даже перечислить. Кропотливая и щепетильная эта работа. Сколько нужно тут внимания, прилежности!

Благодаря своему уменью кое-что самостоятельно исправить и за всем проследить Лидия Петровна сокращает простой станков, поднимает их производительность и дает ткань только первого сорта.

— Планомерному обслуживанию десяти станков помогает выработанный мной маршрут обхода их,— говорит Лидия Петровна и показывает, и объясняет, как она совершает этот маршрут.

Это сложный рассказ, он насыщен цифрами и техническими терминами и передать его в живой форме невозможно. В общем длина ее маршрута — семьдесят метров. Совершает она его в течение десяти—двенадцати минут и за смену делает сорок два полных маршрута.

Иногда, руководясь собственным соображением, она отступает от маршрута, но тотчас же восстанавливает его и продолжает обслуживать станки в точной последовательности. Она разгоняет челноки так, чтобы не произошло сразу останова двух или трех станков из-за схода утка. Если это почему-либо произошло, она старается в первую очередь пустить тот станок, который требует наименьшей затраты времени, несмотря на то, что он находится дальше. Вот в этом случае она и отступает от маршрута.

НЕ ТОЛЬКО О СЕБЕ ЗАБОТА

— Я стремлюсь к тому, чтобы не только я, но и мои сменщицы и все ткачихи работали хорошо. Свой опыт работы, все приемы я передаю не только в своих лекциях, но и в повседневных разговорах с ткачихами.

Так говорит Лидия Петровна. И это истинная правда. Никто на фабрике не сделал столько по пропаганде лучших методов ткачества, сколько она.

Она всегда старается сдать станки своей сменщице в полном порядке и к сдаче готовится заранее. Убирает из-под станков случайно оброненные пустые цевки, собирает и сдает угары. Приводит основы в порядок и разборчиво отмечает на ткани свою смену, плод своих трудов за рабочий день.

В 1935 году она стала стахановкой, перешла с шести станков на восемь, потом на десять, и с тех пор не было еще ни одного дня, когда бы она не выполнила план выработки.

Дородникова награждена значком „Отличник соцсоревнования“, ей присваивалось звание лучшей ткачихи области.

Несмотря на то, что у нее за плечами семилетка, двухго-

дичная школа фабрично-заводского ученичества и стахановская школа, пройденная ею уже на фабрике, Лидия Петровна продолжает повышать свою квалификацию. Она читает техническую и художественную литературу, советуется с инженерно-техническими работниками.

Свой пятилетний план она завершает в декабре 1948 года. Это — венец ее трудовых усилий, повседневной учебы и размышлений! Прекрасный результат ее вдохновенного труда!

РАЗДУМЬЕ

Я написал этот очерк и ощутил в душе такое чувство, словно расстался с его героями навсегда. Может быть, я не так о них написал, а, может, выбрал не тех? Может быть, есть еще более передовые, из самых лучших самые лучшие? Я представляю себе еще раз облики тех, с которыми свел знакомство.

Кузьма Константинович Сахаров. Фронтвик. Полный сил и уверенности в своих силах помощник ткацкого мастера. Вернулся на свой комплект и с лихвой восстановил его былую славу. Восстановил и уверенно держит первое место руководителя передового комплекта на своем предприятии.

Девушка из селца Пиногор. Семнадцать лет тому назад она приехала в Иваново и стала здесь прославленной ткачихой Татьяной Николаевной Муркиной.

Василий Митрофанович Набилков. Главный инженер. Известный технолог. Испытанный советский специалист, умудренный большим опытом и вооруженный многими знаниями. Ламельки, недосечники, каретки, шпарутки, челноки и глазки челноков... Как надо любить ткацкое дело, чтобы находить в этом великую поэзию повседневности. Увеличить выработку на две с половиной тысячи уточин в час на каждом станке! Большая творческая радость. И хорошо вместе с Василием Митрофановичем порадоваться этому.

„Ткацкая природа“. В кровь впитавшаяся страсть к ткачеству. Смекалка и сноровка отца, деда, прадеда плюс собственные способности, советское воспитание и учеба. Это — помощник мастера Михаил Микин, для которого в ткацком станке все просто, только гляди-поглядывай, запоминай да смекай.

Непревзойденная на фабрике имени Крупской скоростница — Лидия Петровна Дородникова. Она выполнила свою пятилетку в три года.

Все они заслуживают более сильного воплощения. Может быть, не фактографического, а художественного. Но тогда изменятся имена и фамилии, и в облики их вторгнутся новые черты, привнесенные приемом художественного типизирования.

Нет, пусть они живут в памяти со своими подлинными именами и фамилиями, со своими повседневными делами, заботами и успехами.

ЕЕ ЗАБОТЫ

До начала смены оставалось каких-нибудь полчаса. В маленьком коридорчике у гардеробной становилось все болеелюдно. Сколько тут ни было ткачей, все они о чем-нибудь разговаривали, шутили, смеялись. Но, чем ближе подходило время идти в ткацкий цех, тем заметнее менялись и темы для рассуждений. Житейские, домашние дела постепенно уступали свое место производственным...

— Слышь, вчера мастер собирал, сказывал, побережливей надо быть, каждую ниточку в ткань употребить. А я говорю: ты нам, пожилым ткачам, об этом не напоминай, лучше скажи, когда вдоволь будем получать хорошей пряжи. А о том, как початки беречь, говори с молодыми, кто по первому году за станком.

— И то верно. У нас что получается? Недавно иду в столовую и оброни трешнику. И ни к чему бы. Да догоняет одна девушка и говорит: деньги вы обронили, тетенька, возьмите. Спасибо говорю, дочка, да только как ты заметила такую маленькую бумажку? А она тряхнула кудрями и отвечает: „Деньги, тетенька, везде видны“. Что же вы думаете, на другой день иду по цеху и вижу: под станком початок валяется. И никто этот початок поднять не догадается, а ведь это — те же деньги...

— Те же деньги, да не так замечаем, — сказала высокая, стройная женщина, подавая пальто в окно гардеробной. Она получила номерок и пошла в цех. В это время вошли с улицы девчата. Легкий румянец играл на их лицах. Не успели они хлопнуть дверью, как звонко закричали:

— Галина Павловна. Галя! Как мы вас ждали... Соскучились!

Зина Егорычева, молодая, веселая ткачиха, обняла Галину Павловну Петропавловскую, как дочь обнимает свою мать, встретясь после долгой разлуки. Рядом стояли Роза Шумарина, Галя Макарова, Мария Балабонкина, Оля Пименова. Они вглядывались в лицо Галины Павловны и улыбались.

— Ну вот и вся наша бригада сошлась. Пойдёмте в цех. Так как же вы без меня с делами справлялись, рассказывайте? Вопрос помощника мастера был несколько неожиданным и

вызвал минутное раздумье. — Что ей ответить? — Думали де-вушки. — Сказать „хорошо“ нельзя, а сознаться в другом — не-правильно. Ведь всё это время они старались не уронить сла-ву своей молодёжной бригады.

Мало-помалу ткачихи разговорились и стали каждая по-сво-ему объяснять, что и как получилось во время болезни Галины Павловны. Помощником мастера был временно прислан Тихон Васильевич. До этого он был заправщиком основ, за новую работу принялся с жаром. Старался, видимо, показать, что он знает дело не хуже, чем Петропавловская. А, может быть, и вообще хотел выступить в роли того шахматиста, который скорее согласится проиграть три партии мужчине, нежели од-ну женщине-шахматистке.

На другой день проведать молодёжную бригаду ходила ткач-кий мастер Клавдия Михайловна Шамина. Раньше она работала тоже ткачихой, потом стала помощником мастера и третий год руководит смесой, как и многие женщины нашего текстильно-го края. Опытным взглядом она окинула ткацкий цех и заме-тила, что ткачихи подолгу возятся у станков.

— Что-то не спорится у вас работа, — сказала она одной ткачихе.

Молодая работница смущенно объяснила мастеру, что без Галины Павловны у них со станками что-то неладится.

— А вы и руки опустили, — возразила Шамина. — На помма-стера надейся, а сама не плошай.

Петропавловская была для молодых работников тем старшим товарищем, которого все уважают, но вместе с тем и побаива-ются. Вставший на её место новый помощник мастера Тихон Васильевич с первого же дня не сумел достигнуть успеха в труде. Авторитет его сразу поколебался, и он уже не смог зазечь бригаду тем чувством уверенности, которое обычно предвещает успех соревнования, сближает людей в дружный коллектив; к тому же был он человеком не всегда отзывчивым. Потребуется ткачихе станок наладить, но не каждая сможет указать, какая деталь в станке неисправна. А новый помощ-ник мастера, не имея опыта, не сразу догадается, что нужно сделать.

— Подойдет он к станку, постучит ключом, что-то повинтит и уйдет. Думаешь, что все исправно,пустишь станок, а через каких-нибудь десяток минут снова остановка. Иногда пустяко-вая поломка на станке, Галине Павловне пяти минут достаточ-но, чтобы исправить, а Тихону Васильевичу и полчаса мало. Вот из-за чего у нас и пошло всё шиворот-навыворот.

Так объяснила мастеру дела в бригаде Роза Шумарина — ткачиха, скорее других ставшая умелой работницей в силу сво-его особенного старания и настойчивости.

В первые же дни бригада ткачей уронила выработку ткани на сотни метров.

Галина Павловна, узнав об этом, вспомнила тот день, когда она ходила к врачу, получила больничный бюллетень, но домой не пошла, а поспешила к своим девушкам. Месяц уже подходил к концу. Бригада помощника мастера Виктора Ефремова, которую она вызвала на социалистическое соревнование после обращения ленинградцев выполнить пятилетку на год раньше, вдруг резко увеличила выработку ткани.

До конца смены Петропавловская оставалась в бригаде. Голова кружилась, знобило. Но она успокаивала себя тем, что болезнь пройдет, только не надо ей поддаваться. Сколько раз в годы Великой Отечественной войны ей приходилось переносить болезнь „на ногах“... Перед глазами проплыло бархатное знамя с золотыми буквами: „Лучшей молодежной бригаде“, висевшее на стене в цехе, потом показались какие-то светлые круги, белые полотна ткани, станки. Все это заколебалось, перемешивалось в глазах. Она еле-еле вышла из ворот фабрики и, придя домой, слегла в постель.

Прошла неделя. К Галине Павловне возвратились силы. Ее тянуло в цех, к станкам, к рабочему шуму. Как-то там справляются без нее?

— Ну, что же, — думала она, — не один месяц мы держим первое место в соревновании молодежных бригад. И, если передадут знамя другим, то это заставит девушек еще больше задуматься о своем мастерстве. Впрочем, может быть, верно говорят, что если один и тот же участок все время первенство держит, то, значит, соревнование на фабрике не ахти как идет. А ведь мы не только о своей бригаде, а о всей нашей фабрике им. 8 Марта заботимся, чтобы была она первой в Иванове.

...В ткацкий цех глянуло горячее солнце, выплывшее откуда-то из-за „Красной Талки“. Живительные лучи освещали ткачих, станки, основы, полотна. Яркий свет задевал краешек красного знамени и, сливаясь с золотыми надписями на нем, отражался радужным, слепящим глаза отблеском.

Как и прежде, Галина Павловна хлопотала у станков и только изредка поглядывала на ткачих. Склоняясь над батанами, они не обращали внимания на яркое солнце, падавшее на их лица; не отвлекались от дела, чувствуя на себе то ласковый, то требовательный взгляд помощника мастера. Они вновь обрели потерянное было чувство уверенности в своих силах. Им приятно думать, что во главе их бригады — женщина, опытная работница, чуткий и заботливый товарищ, бывшая ткачиха. Она была для них не только помощником мастера, но и воспитателем, который учит их не только ткать, но и жить по-новому. За то ее и любят.

Бригада работала дружно. Не сразу это удалось. Бывало, чуть загляделся помощник мастера и увлекся ремонтом станков, отойдет от станков какая-нибудь светловолосая, подзовет подружку, и начинаются разговоры: о том, где были, что купили,

какая кинокартина пришлась по душе. Галина Павловна подойдет к ним и сухо скажет:

„В нашей бригаде так работать нельзя“.

А потом отойдет в сторону и подумает: годы молодые, у каждой пташки свои замашки. И посердится на них, и порадуется. Сейчас они приучены любить труд, видят в нем радость.

Теперь у коммунистки Петропавловской есть хорошие помощники: кандидат партии Роза Шумарина, комсомолец Галя Макарова, Мария Балабопкина. Все они — одни из лучших молодых ткачих фабрики. И не узнать теперь тех робких, застенчивых девушек, которые пришли на фабрику из разных селений, в этих дружных в труде ткачихах, понимающих жизнь, работающих в интересах общества.

Галина Павловна часто собирает всю бригаду, беседует с работницами о событиях в стране, рассказывает им, как надо трудиться, чтобы наша Родина была еще богаче. Бывает, что на фабрику несвоевременно поступает пряжа, качество ее невысокое. Плохая пряжа чаще рвется, и ткачиха, недостаточно опытная, не успевая связывать нити и таскать станок, волнуется, опускает руки. Помощник мастера объясняет, что надо все время овладевать тонкостями ткацкого дела, это поможет в преодолении трудностей.

Как-то на одной из таких бесед Галина Павловна завела разговор о бережливости:

— Не хочу вас обидеть, работать вы стали лучше, но вот бережливости к общественному добру у вас нет. Сейчас я подняла с полу этот початок.

Ткачихи переглянулись.

— Этот початок обронула Оля, — продолжал помощник мастера.

— Галина Павловна, виновата я перед вами, — смущенно проронила девушка, — приняла смену, а под станками не поглядела.

— Нет, нет, виновата не ты, Оля, а я и вся наша бригада. А если ты и виновата, то не передо мной, а перед бригадой, цехом, фабрикой, — сказала Петропавловская, придерживая в руках початок. Она повернула его той стороной, где на белых колечках тонких нитей виднелось грязное пятно.

Маленький початок! А сколько рук прикоснулось к этим нитям перед тем, как они попали в ткацкий цех. Хлопкороб в поте лица возделывал почву, прежде чем бросить в нее зернышки хлопчатника. Выросли растения, покрылись коробочками с белыми волокнами. Сорвали коробочки хлопка, отправили на хлопкоочистительный завод, спрессовали в кипы и по железной дороге привезли в Иваново, на прядильную фабрику. Этот хлопок побывал в руках рабочих сортировочно-разрыхлительного, трепального, чесального, ленточно-банкаброшного и ватерного цехов.

Волокна скрутили в пряжу. Все надеялись, что она пойдет в ткань. А вместо этого початок попал под ноги. И, не подними початок Галина Павловна, его могли замести вместе с мусором, и пропал бы бесследно труд людей.

— Последний раз говорю, девушки, бережливыми надо быть. Приходите на смену, поглядите, не валяется ли что под ногами — початок, концы нитей. Ведь все это белое золото, народное добро, оно не должно попадать под ноги. Каждую ниточку положите к месту.

И теперь не одна Оля, а все ткачихи, слушавшие Галину Павловну, считали себя виноватыми. Они ясно сознавали справедливость упрека помощника мастера, приучавшего их к культуре в работе, бережливости.

На этой, как и на других фабриках, комсомольцы проводят рейды по борьбе с потерями в производстве. Это — безусловно очень хорошее, нужное дело. Петропавловская настойчиво объясняла, что каждой работнице надо самой беречь и початки, и все, что есть на фабрике. Тогда и без рейдов можно обойтись, а то получается: один бросает, а пятеро подбирают; этого не должно быть и не будет.

— Мы с вами дали слово, — сказала, заканчивая беседу, Галина Павловна, — выполнить свою пятилетку на год раньше, и уговорились выпускать хорошую ткань, беречь пряжу, чтобы наша продукция обходилась дешевле. Никогда не забывайте вот об этом потерянном початке.

Она взяла конец нити, смотала запаканный верхний ряд, а затем подошла к ткацкому станку и бережно положила в ящик белый початок.

ВОЛЯ КОЛЛЕКТИВА

В народе говорят: зерно, прорастая, поднимает и камень. Так могуча сила жизни. Наши поля очищены от камней, и нивы буйно идут в рост.

Советский человек сдвигает не только камни, а и горы. Перед ним нет непреодолимых преград. Нам привычно видеть, как вырастают днепрострои, крупнейшие в мире заводы, фабрики-комбинаты, как изо дня в день, переделывая жизнь на новых началах, советские люди завоевывают победу за победой. Такова всепобеждающая сила социалистического строя.

И подчас не всегда замечаем, как в городах и поселках, где живем, на месте старых полукустарных заводов воздвигаются новые. А если и видим, то говорим: это же не „Запорожсталь“, не Московский метрополитен! Для нас это кажется уже обычным явлением.

Ивановцы помнят, как выглядел года три-четыре тому назад Ивановский механический завод. Низкие обветшалые корпуса,

Окна понуро смотрят в землю, еле-еле пропуская дневной свет. В каменных стенах кое-где видны трещины. Завод доживал свой век.

И все-таки в его цехи изо дня в день приходили рабочие. Так было нужно. Сталевар Кирилл Тихонович Беляев и его товарищи по профессии старательно варили сталь в маленькой старой печи.

Ефим Павлович Федоров стремился как можно прочнее сварить детали и думал о более совершенных методах электрической сварки. С большой любовью люди выплавляли чугуны, обрабатывали и до блеска шлифовали части для машин. Радовались успехам, а когда возникали трудности, сообща наваливались на них, со всей силой, и побеждали.

Шла война. В заботах об увеличении выпуска изделий, в напряженном труде проходили дни, недели, месяцы. Дума о постройке новых, светлых заводских корпусов откладывалась до поры до времени. Но когда наступил конец войне, люди тут же сказали: пора браться! Специалисты взялись за сметы, чертежи, проекты. Завод подготавливался к обновлению.

В ту пору кое-кто говорил директору завода инженеру Вельбицкому:

— Стоит ли затевать такое рискованное дело. Не проще ли будет закрыть производство, дряхлые стены свалить в ближний овраг, где протекал грязный ручеек Ледянка, на том и конец. А потом, где-нибудь в другом месте, построить новый завод.

— Все потом да потом, а изделия нужны сейчас, понимаете, сейчас, — отвечали металлисты тем, кто не знал, что говорил.

Закрыть завод — значило прекратить выпуск изделий, нужных сегодня, завтра для восстанавливаемых и вновь строящихся электрических станций. Нет, большевики с этим не могли согласиться. Их поддерживал весь коллектив. Металлисты настаивали быстрее браться за реконструкцию.

— Мы обещаем, — говорили они, — решить сразу две задачи: реконструировать завод и выполнять производственный план в еще большем объеме. Причем, кроме запасных частей, собираемся делать и машины...

Прошло не более двух недель, как народ отпраздновал военную победу, а небольшой коллектив, подобно тысячам других, начал новое трудовое наступление. В цехах шла обычная работа, а вместе с этим велась подготовка к строительству. Подвозили кирпич, бутовый камень, железо для ферм, тес и многое другое.

Во дворе лежало много непригодного для прямого назначения огнеупорного кирпича-половняка. Его решили употребить на фундамент. Нехватало извести. Литейщики посоветовали собрать камень-известняк, которого немало было во многих

местах города, и начать обжиг его на месте. Начальник цехов Лазовский взялся разработать способ обжига известняка в резервной вагранке. Так и сделали. Получили ни много ни мало двадцать пять тонн извести.

Понадобился алебастр. Кто-то подал мысль, что и его можно вырабатывать на месте. Ведь ещё до войны шел разговор, что на заводе им. Батурина есть такие отходы производства, из которых можно делать алебастр. Привезли эти отходы, пережигали их, выпаривали. Труды даром не пропали. Было получено двадцать тонн алебастра. Потребовалась олифа — начали варить заменитель олифы.

Пошли дальше. Стали думать о механизации строительных работ. Заводские рабочие, инженеры, техники изготовили край для подъема кирпича и раствора, растворомешалку, механизировали подачу леса к циркульной пиле.

Трудности, как говорит пословица, научают человека мудрости. Жизнь показывает, что эту мудрость обретают те, кто носит в себе страстное желание бороться с трудностями. У тех же, кому трудности рисуются непреодолимой скалой, теряется вера в свои силы, они мешают другим, способны погубить любое дело.

На здешнем заводе руководители верили в творческие силы коллектива, опирались на его плечи, чутко выслушивали советы, замечания. На призывы партийной организации о помощи заводу рабочие, инженеры, техники и служащие охотно откликались. Они дружно выходили на воскресники, а то и просто оставались после работы и шли на строительную площадку. Во главе их были партгруппорг механического цеха т. Кулагин, партгруппорг инструментального цеха т. Русов, начальники цехов, мастера, руководители отделов.

Кто же особенно отличился в труде? Кого ни спроси, каждый отвечает на этот вопрос одним словом: „Все!“ Советский человек — вот имя этого нового на земле создателя и творца.

Слесари и счетоводы, сталевары и нормировщики, токари и экономисты, формовщики, фрезеровщики, мастера — вот кто брал в руки лопату и кирку, алмаз и топор и шел на стройку. Они отработали в общей сложности около девяти тысяч часов. Рыли канавы, укладывали кирпич, делали и устанавливали тяжелые металлические фермы, вставляли стекла, строили железнодорожную ветку. Одного только балласта уложили до четырех тысяч кубометров.

А как работали! Однажды, перед праздником Великого Октября это было, коллектив торопился закончить строительство механического цеха. Трудились, не считаясь со временем. Электросварщику Федорову поручили приваривать фермы к колоннам и другие работы. Говорили, что для этого нужно выделить троих электросварщиков, а то можно опоздать.

— Не надо троих, один справлюсь, раз дело нужное, — сказал Ефим Павлович. — И не подвел.

День за днем изменялся облик завода. Выросли механический, сталелитейный и чугунолитейный цехи. Причем все основное сделано силами коллектива. На строительной площадке находилось не более тридцати кадровых строителей.

Воздвигать новые корпуса на месте старых, к тому же не прекращая производства, дело не легкое. Сталеварам, например, неделями приходилось работать под открытым небом. Получалось так: внизу варили сталь, а сверху устанавливали фермы, наводили крышу. Нелегко было. Все до мелочей надо было продумать, как организовать труд людей, подноску материалов. Сталевары торопили строителей, те отвечали дружной работой. Люди, дорожившие своим заводом, спешили.

... Около маленькой сталелитейной печи хлопочет Кирилл Тихонович Беляев. Варить сталь он учился у Виктора Лазовского, приехавшего из гор. Ижевска полтора десятка лет назад, когда у нас в Иванове ещё не было сталелитейного производства.

Кирилл Тихонович — сталевар опытный. Вот он стоит у печи, часто заглядывает в ее отверстие сквозь темные очки, прицепленные к козырьку фуражки. Раскаленный, жидкий металл дышит жарким, ослепительным, как солнце, огнем.

— Варить сталь не то, что пироги печь — тесто погорячее. А еще скажу, что печь у меня старая, — рассказывает рабочий, коммунист т. Беляев, — и приборов-то в ней никаких нет. Приходится глазу доверяться... Мало ферромарганца положишь — сталь выйдет непригодная, рвать ее будет. А когда лишку „пересолишь“, опять-таки сталь выйдет не такая — и крепка очень, и обработке не поддаётся. Зорко глядеть надо, когда пробу снимаешь.

Кирилл Тихонович побывал в Москве, на большом заводе. Ездил учиться варить сталь на электрической печи. С завистью рассказывая о виданном, он говорит:

— Там, знаете ли, дело на научную основу поставлено — какой марки сталь закажут, такую и дадут. Вот это, я понимаю, сталеварение. Анализ металла сталевар получает перед сливом плавки. Впрочем, мы тоже скоро встанем у хороших печей. Свою экспресс-лабораторию будем иметь. Хочется, чтобы скорее новую печь пустили, тогда пятилетнее заводское задание намного перевыполним...

В углу цеха, неподалеку от старой, стоит новая электроплавильная печь. Сделана она на московском заводе. Рядом — большой трансформатор, от которого тянутся к печи толстые провода. Вверху легко передвигается трехтонный мостовой кран. Новая печь уже дала ряд плавок. Работает она пока только по шести часов в сутки, в ночное время. Чтобы перевести ее на круглосуточную работу, нужна новая линия электроподачи.

И ее строят. В том же цехе уже монтируется вторая электроплавильная печь.

Неподалеку от литейного — механический цех, большой, в две с половиной тысячи квадратных метров. В новом цехе светло и просторно. За стройными рядами строгальных, токарных, фрезерных, сверлильных, долбежных и зуборезных станков хлопочут рабочие, те, что посадили под окнами яблони и кустарник, разбили клумбы. У кустов акаций поставили скамейки. Здесь часто отдыхают рабочие в промасленных комбинезонах, любуясь зеленой листвой, цветами. Радуются они, что будущей весной зацветут акации и яблони уронят белорозовые лепестки.

А ведь совсем недавно здесь был глубокий овраг. По двуго назойливо журчал грязный ручеек Ледянка. Теперь он течет по железобетонным трубам, глубоко под землей.

...Выпуск изделий за эти годы не снижался, а все время увеличивался. К тому же коллектив освоил выпуск новой техники: редукторов, гидромониторов, питателей-машин для механизированной подачи топлива из бункеров к топкам, пылепитателей. Завод набирается сил, вводятся в строй новые мощности. Он тянется, догоняет своих соседей — заводы торфяного и текстильного машиностроения. По отдельным показателям, например, по выпуску литья одним формовщиком, уже и теперь не отстаёт.

К концу послевоенной сталинской пятилетки механический завод будет самым крупным в нашей области поставщиком чугуна и стального литья.

— Только о нас, — говорят металлисты, — редко вспоминают. Мал, дескать, завод — не „Торфмаш“, не „Текстильмаш“. Но посмотрите, разве мы мало сделали за первые два с половиной года послевоенной пятилетки, чтобы построить настоящий завод? Да еще, к тому же, производство дает государству прибыль.

Творческий труд на благо Родины, социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий пробуждают в людях изобретательность, сметку, расчетливость. Слесарь т. Мочалов недавно изготовил по своим же чертежам установку для восстановления отработанного машинного масла. Ему об этом никто не говорил. Рабочий увидел, что использованное масло пропадает напрасно. И задуманное нововведение осуществил по своей инициативе.

Чтобы облегчить труд, он же избрал самопогрузочную и разгрузочную тележку для перевозки тяжестей в цехах. Она очень оригинальна по замыслу. Технический отдел тут же поддержал инициативу Мочалова и делает чертежи, чтобы начать изготовление тележек заводским способом. Ценные новшества внесли слесарь т. Глазков, кузнец т. Чуркин, электросварщик т. Федоров.

К стахановцам-новаторам производства идут за советом помощью мастера и начальники цехов, особенно, когда нужно выполнить какую-нибудь срочную работу. Как-то, дело было в конце месяца, коллектив спешил выпустить питатель-машину для механизированной подачи топлива из бункеров к топкам. Коммунисты-агитаторы говорили: сдадим машину в этом месяце—завод план выполнит, опоздаем — в долгу останемся. Никакой задержки допустить нельзя. Электростанции ждут питатели, торопиться нужно. Вскоре всё было готово, но тут произошла задержка из-за электросварщиков. Двое рабочих, получив особенно сложную электросварочную работу, не справились с заданием, дело от рук отбилось. Тогда начальник цеха вызвал стахановца Федорова и сказал:

— Ефим Павлович, возьмишься за эту сложную работу, вся надежда сейчас на тебя.

— Постараюсь, раз дело нужное,— ответил электросварщик.

— Дня в два управишься?

— Могу и раньше.

Все свое старание и изобретательность приложил он к тому, чтобы выполнить задание как можно лучше и скорее. На это ему понадобилось несколько часов. В тот же день приступили к сборке машины. Питатель во-время был отправлен на электрическую станцию.

Ефим Павлович старается, чтобы и другие работали хорошо и быстро.

Он учит молодых электросварщиков, как надо регулировать ток, чтобы шов проварить на всю глубину и не допустить поджогов, объясняет все тонкости дела.

— Профессия электросварщика большого навыка и прилежности требует. Со временем у каждого как бы свой стахановский почерк вырабатывается. Главное,— говорит он,— в каждом деле нужно понимать его значение для завода, для нашего государства. А когда в тебе есть такое сознание, все остальное приложится — и мастерством овладеешь и свой стахановский почерк выработает.

Такие, как Федоров, идут впереди того коллектива, который хорошо потрудились, чтобы обновить свой родной завод.

Рассказывают, как однажды спросили демобилизованного воина, вернувшегося на завод, почему он поступает на это предприятие. Ведь и вид завода тогда был непривлекателен, и все цехи очень низкие, темные, работать труднее.

Тот ответил попросту:

— Потому я и иду на этот завод, что хочу сделать его большим, светлым и просторным. Знаю, трудно будет, но ведь это мой завод, понимаете. А о трудностях что говорить, их преодолеть нужно...

В кабинете директора завода инженера Вельбицкого, на стене виден перспективный план реконструкции предприятия. На ватманской бумаге изображены стильные корпуса, благоустроенный двор с зелёными насаждениями, скверами. Часть плана уже стала явью. Завод пополнился оборудованием и уверенно набирает темпы.

...Зерно, прорастая, поднимает и камень, советские люди сдвигают горы.

А. Н. ОСТРОВСКИЙ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

„Начало искусства слова — в фольклоре“ — утверждает Максим Горький, подчеркивая, что „наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа“.

Отсюда тот глубокий интерес, который проявили выдающиеся русские писатели к устной поэзии, как к источнику художественных образов, яркого языка, как к тому материалу, который, по мнению В. И. Ленина, дает нам представление „о чаяниях и ожиданиях народных“.

Величие наших гениальных художников слова, подлинная народность их творчества в значительной степени обусловлены тем, насколько они были близки к „коренной поэзии“ своего народа, не только пассивно испытав на себе ее влияние, но внимательно изучая ее содержание, язык, особенности художественной формы. Именно такое отношение к фольклору обнаружили великие русские писатели от Пушкина, блистательно открывшего первые страницы новой русской литературы, и вплоть до Максима Горького, завершившего классический период русской дореволюционной литературы и заложившего основы новой социалистической литературы.

Особый интерес к устному поэтическому творчеству русского народа отличает и нашего величайшего драматурга А. Н. Островского.

„Для того, чтобы быть народным писателем, мало одной любви к родине, любовь дает только энергию, чувство, а содержания не дает; надо еще знать хорошо свой народ: сойтись с ним короче, сродниться. Самая лучшая школа для художественного таланта есть изучение своей народности, а воспроизведение ее в художественных формах — самое лучшее поприще для творческой деятельности,“ — говорил Островский и всем характером своего творчества, художественной практикой подтвердил верность этому положению. Он творил свои произведения, черпая из источника живой воды — народного творчества и большие мысли, и значительные сюжеты, и незабываемые образы, и меткий красочный язык.

Это и определило то, что А. Н. Островский стал, — по словам Льва Толстого, — „общенародным в самом широком смысле писателем“.

Исследование творческой лаборатории великого драматурга под углом зрения взаимосвязей его искусства с „коренной поэзией“ русского народа является делом очень важным, так как правильно определяет истоки его творчества, его самобытность и разбирает вымыслы буржуазных литературоведов, зараженных низкопоклонством и раболепием перед Западом, о влияниях на А. Н. Островского иностранных драматургов: Мольера, Гольдони, Лопе де Вега.

Надо сказать, что эта тема не привлекла еще серьезного внимания наших литературоведов, — тем ценней и значительней представляется нам выпущенная Ивгизом книжка А. И. Орлова „А. Н. Островский и фольклор Ивановской области“.¹

Островский был тесно связан с районом Верхнего Поволжья, с нашим краем; в селе Щельково, Кинешемского района, как известно, он провел многие годы зрелой жизни и здесь был похоронен.

Во многих местах, ныне входящих в Ивановскую область, Островский тщательно изучал быт и нравы различных слоев населения, собирал и внимательно исследовал устное народное творчество. Несомненно, что местный материал лег в основу многих его произведений, а в пьесе „Кузьма Минин“ прямо упоминается ряд городов нашей и соседних областей, участвовавших в народном ополчении в борьбе против польских захватчиков:

„Вот Кинешма, и Лух, и Балахна, и Юрьевец омыли в крови...“

Рецензируемая книга, являющаяся извлечением из солидной монографии А. Орлова, посвященной исследованию вопроса о взаимосвязи творчества великого драматурга с русским фольклором, знакомит читателей с отражением в произведениях Островского фольклора, бытовавшего в пределах нашей области. Однако, естественно, что в процессе исследования автор не может строго ограничить свою работу установленными географическими рамками и, развертывая её вширь и вглубь, с большой тщательностью раскрывает метод использования Островским фольклора вообще.

Исследованию подверглись все основные виды фольклора, которые являются неотъемлемыми элементами творчества драматурга, а именно: народная песня и романс, народная обрядовая поэзия; материал скоморошества и фольклорной драмы, „народная медицина“, пословицы и поговорки, обиходная народная лексика.

¹ А. И. Орлов. „А. Н. Островский и фольклор Ивановской области“. Ивгиз. 1948 г. Стр. 54.

Все эти виды материала, основу которого составляет волжский фольклор, Островский внимательно изучал и собирал начиная со своего первого приезда в Щельково в мае, 1849 г.

„Он и собирал и отбирал, и запоминал мелодии, и умел разыскивать музыкальные гнезда песен“, — отмечает исследователь, подчеркивая, однако, что „драматург занимался не коллекционерством и отыскиванием лишь фольклорных курьезов и экзотики, — он стремился наиболее полно и точно изучить фольклорный материал той среды, которую выбрал в качестве объекта для художественного изображения.“ Это положение автор подтверждает на примере использования народных песен в таких пьесах великого драматурга, как „Бедность не порок“, „Гроза“, „Снегурочка“, „Воевода“ („Сон на Волге“), „Не так живи, как хочется“, „Доходное место“, отмечая, что среди песен, включенных в пьесы, есть много общераспространенных и, конечно, бытовавших в Ивановской области („Утушка“, „Лучинушка“, „Я на камушке сижу“, „Куманек, побывай у меня“ и др.).

Автор отмечает: „Островский с виртуозностью мастера-драматурга пользовался народной песней, заставляя её быть в пьесах не стилизованным орнаментом, а нести сложную композиционную и тематическую роль. Взятые непосредственно у народа, песни могли быть так умело и талантливо переведены на язык театра только при огромной любви Островского к фольклору.

Так, в комедии „Бедность не порок“ Яша Гуслин поет типичную народную песню: „Размолодчики вы молоденькие, вы дружки мои“ и „За реченькой, за быстрою“; в „Доходном месте“ грустящий пьяный Жадов с надрывом поет „Лучинушку“; запутавшемуся Петру („Не так живи, как хочется“), только что узнавшему, что его жена Даша встретилась с его любовницей Грушей, Еремка поет развеселую, иронически интонируемую песню: „Куманек, побывай у меня“ и т. д.

„Островский, — как правильно указывает А. Орлов, — претворял взятый им из жизни песенный материал в художественно-литературный факт большого, действительного значения и нес обратно в жизнь в форме своих замечательных пьес.“

Интересно отметить, что в пьесе „Сон на Волге“, где Островский использовал элементы народной драмы, в колоритной сценке ряженных с медведем он вкладывает в уста старику не традиционную скоморошью юмореску, а песню „фабричную“, да еще с такой тематикой:

„Как уж наши молодцы
Хоть голы, да удамы!
Они сукна ткнут
Во двенадцать рук.
Они сукна переткали —
Всем кафтаны першивали...“

Остановившись на этой примечательной детали, исследователь отмечает: „Оправдано это, повидимому, тем, что медвежатники Поволжья, бродя по этому краю, соприкасались с гениальным творчеством местных ткачей. А драматург мог познакомиться с последним и в Костроме, и в Кинешме“. Знаменательно также то, что писатель-демократ в эту же пьесу включает известную народную драму „Лодка“, отличающуюся заостренно-социальным характером. Вводя в состав действующих лиц этой драмы „разбойников“, Островский „избег в их изображении обычной сусальности и театральности: он хотел взглянуть на них серьёзно, в плане социальном, как на бытовое явление, как на борьбу бесправной массы с самоуправством Лоевод“.

Внимательно и любовно погружаясь в фольклор, Островский не мог обойти и тот своеобразный вид народного творчества, в котором проявилось слияние элементов народного искусства. Устойчиво бытовавшие в жизни обряды, как носители такого слияния, не могли выпасть из поля зрения драматурга. Они привлекали Островского и как проявление быта, и как драматическое действие, и как обширный резервуар песенной лирики.

Островский всюду, где ему привелось побывать, стремился наблюдать народный быт во всех его проявлениях и особенно во время праздничных гуляний. Приехав в Щельково 2-го мая 1849 года, Островский в своём дневнике записал: „Я начинаю привыкать к деревне; я обошел почти все окрестности, познакомился кой с кем из мужиков, видел крестьянский праздник.“

В результате великий драматург сумел правдиво и красочно отразить обрядовую сторону жизни русского народа в пьесах „Снегурочка“ (календарные обряды и поэзия), „Бедность не порок“ (свадебные обряды и песни) и т. д.

Автор указывает, что „элементы обрядов введены Островским в пьесы тем же художественным приемом, что и народная песня, романс, т. е. не в целях внешнего украшения, а как нечто безусловно необходимое в ходе драматического действия, подчиненное идейному замыслу драматурга.“ Особый интерес представляет глава рецензируемой книги, где А. Орлов исследует материал „народной медицины“, отраженный в пьесах Островского. Этот материал, можно без преувеличения сказать, впервые поднят автором, не имевшим трудов подобного характера в исследованиях творчества Островского. А. Орлов отмечает, что исследование этого материала обнаруживает детальное знакомство Островского с народной медициной, причем примечательно то, что из всей массы бытующих здесь методов и средств лечения драматург взял почти исключительно нелепое и уродливое. Сделано это в тематических целях: если в пьесах это выглядит иногда комически, то за

внешним комизмом проглядывает безотрадная картина невежества того темного царства, где нелепая медицина особенно пышно расцвела и которое она превосходно характеризовала.

Автор рецензируемой книги рассматривает и словарь великого драматурга в свете исследуемой темы.

Надо сказать, что специалисты по Островскому не дали еще себе труда написать серьезное теоретическое исследование о языке драматурга, о фольклорной речи его персонажей. В частности, проф. Шамбинаго, исследовавший стиль драматурга, констатирует, что характерным для языка Островского является его лексическая близость к простонародному языку, богатому словами, отличными по краткости и чисто русскому отпечатку. Однако Шамбинаго, оставаясь всецело в пределах чисто-литературного анализа, не дает генезиса языка персонажей Островского. Труд А. Орлова значительно дополняет живыми конкретными свидетельствами наши знания о языке великого драматурга, о его любви к языку родного народа, о его выдающемся умении изучать язык народа, творчески воссоздавать и поднимать его на уровень высокого искусства, ярко расцвечивая и обогащая им свои бессмертные творения.

Фольклорный материал, как средство глубокого проникновения во все поры народной жизни и народного сознания, являясь для Островского предметом эстетического наслаждения и источником радостной гордости за талантливость своего народа, входит в пьесы, как мы указывали выше, не иначе, как творчески переработанный автором. Поэтому, — отмечает исследователь, — у Островского „местное расширилось до общего, типичные характеры даны в типических обстоятельствах и это обеспечило пьесам характер народности, а драматургу славу замечательного художника-реалиста.“

Советский народ высоко оценил выдающуюся общественно-литературную деятельность великого русского драматурга, столь торжественно отметив исполнившуюся 12 апреля с. г. 125-летнюю годовщину со дня рождения А. Н. Островского.

Глубокое и всестороннее изучение богатого литературного наследия Островского является лучшим венком на его могилу.

Книга А. Орлова — это глубоко продуманный и вполне самостоятельный научный труд, являющийся, несомненно, хорошим вкладом в литературу об Островском. Она представляет особый интерес для наших писателей, на примере Островского показывая, какую огромную ценность для художников слова имеет тесная связь с фольклором, „бессмертной поэзией“ народа.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Благов</i> — Хозяйка машин. Лесорубы, стихи	3
<i>Дм. Семеновский</i> — В грозу. Слово. Дома, стихи	5
<i>М. Шошин</i> — За рекой Выремшей, повесть (окончание)	10
<i>Иван Озеров</i> — Новый дом, стихи	142
<i>В. Герасимов</i> — В поле. Картина неизвестного художника, стихи	143
<i>И. Дружинин</i> — Дыханье города-героя. На Невском проспекте. Хинганец, стихи	144
<i>Игорь Мартыанов</i> — В этот день, стихи	146
<i>М. Кочнев</i> — Веселое веретено, сказ	147
<i>Борис Иовлев</i> — В школу. Мать. Школьнику, стихи	154
<i>А. Фролов</i> — Лыжная прогулка, стихи	156
<i>В. Воробьев</i> — Красковар. Талый лед проходит, стихи	157
<i>П. Суреев</i> — Никита, рассказ	158
<i>Иван Ганабин</i> — Дом строят. Сентябрь, стихи	166
<i>Иван Тихомиров</i> — Батя, стихи	168
<i>М. Тюкалов</i> — Кузнецы, стихи	169
<i>В. Жуков</i> — Друзья мои. Мечта о море. Весеннее, стихи	170
<i>И. Самсонов</i> — Новые ткачи, очерки	175
<i>Дм. Большаков</i> — Ее заботы. Воля коллектива, очерки	199
<i>В. Бартнев</i> — А. Н. Островский и народное творчество, рецензия	210

Редколлегия: *М. Х. Кочнев, Д. Г. Прокофьев,*
В. С. Жуков, Г. И. Горбунов.
 Художник *И. Т. Колочков.*

Подп. к печ. 19/Х—1948 г. КЕ — 02142. Печ. л. 13 $\frac{1}{2}$. Уч.-изд. л. 14.
 В печ. л. 4531 $\frac{1}{2}$ тип. зн. Тираж 5000 экз. Цена 7 руб.

Типография издательства Ивановского областного Совета депутатов
 трудящихся, г. Иваново, Типографская, 4. Заказ № 6256.

ЭБФ

ИВАНОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОГИЗ

Иваново, Крутицкая, 13.

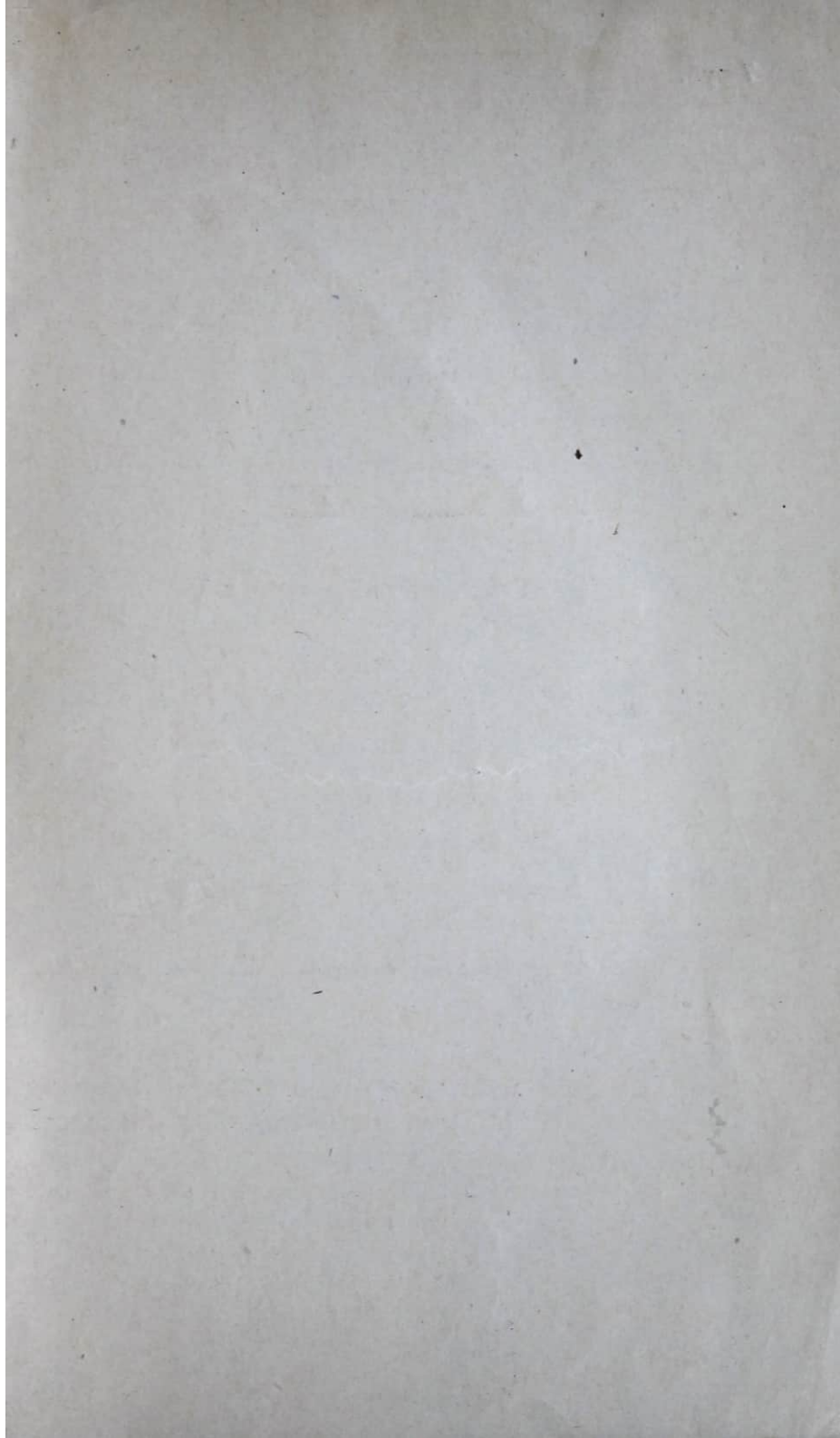
ВЫШЛИ В СВЕТ:

- Бритов М.* По фронтовым дорогам. Стихи военных лет. 108 стр. Цена 2 руб. 80 коп.
- Жаров А.* Сельские поэмы. 40 стр. Цена 2 р. 80 коп.
- Ивановский альманах* № 9. 300 стр. Цена 9 руб.
- Катаев В.* Сын полка. 240 стр. Цена 5 руб. 75 коп.
- Кочнев М.* Сорок веретен. Сказы. 192 стр. Цена 5 руб. 80 коп.
- Некрасов Н. А.* Избранные произведения. 288 стр. Цена 8 руб. 50 коп.
- Орлов А. И. А. Н.* Островский и фольклор Ивановской области. 56 стр. Цена 1 руб. 40 коп.
- Павленко П.* Счастье. 288 стр. Цена 8 руб. 70 коп.
- Песни Советской отчизны.* 144 стр. Цена 4 р. 40 коп.
- Прокофьев Д.* Высота. 208 стр. Цена 2 руб. 80 коп.
- Русские народные сказки.* 204 стр. Цена 7 руб. 70 коп.
- Толстой Л. Н.* Севастопольские рассказы. 160 стр. Цена 3 руб. 15 коп.

Продажа производится во всех книжных магазинах КОГИЗ на территории Ивановской области. С заказами обращаться: Иваново, Крутицкая, 13, Ивановское областное отделение КОГИЗ.

11

7 руб.

Всего страниц 100

